

СТРАЖИ ТАРНЕКА

Серебряный Вечер

САНДРА ВОГ

vk.com/kurotranslations

Целитель Эви оставила для себя две травы — тис (быстрый яд, причиняющий боль) и гелиотроп (погружает в беспробудный сон). После смерти возлюбленного семнадцатилетняя Эви Кэрю хочет затеряться в болотах. Но когда провидец Харкер говорит ей, что ее ждет важное задание, Эви подводит ее любопытство. О какой ракушке он твердил ей? И почему из ее головы не выходят мысли о Всаднике Лорене, что спас ее в худший день в ее жизни? И Эви узнает, что она — Стражница Смерти, вторая из четырех Стражниц, наделенных силой вернуть амулеты. Эти амулеты — Жизни, Смерти, Света и Тьмы — хранят равновесие мира. Чтобы найти ракушку, Эви должна довериться инстинктам Целителя и понять, что любовь не умирает.

Сандра Вог «Серебряный вечер» («Стражи Тарнека» — 2)

Перевод: Kuromiya Ren

С любовью Кристоферу и Джереми...

Лунный свет на воде, деве той покажи

Мимолетный страх и печаль от резни.

Серебро, серп, взмах целебный руки,

Песнь ракушки услышь, дождь земле призови.

1

КОНЕЦ ЛЕТА

— Ты не боишься смерти.

Женщина с огромными глазами лежала на земле, она и прохрипела эти слова. Горло ее было разорвано. У нее оставалась пара вдохов, и она потратила их на меня. Но здесь не осталось никого ей знакомого, кому она могла бы признаться в любви напоследок или попрощаться, она не могла высказаться. Была лишь незнакомка, что держала ее за руку.

Я улыбнулась и повела себя так, как и всегда с умирающими, опустившись на твердую землю рядом с ней, пока она боролась за жизнь. Мы держались за руки. Я тихо говорила, словно мы продолжали разговор, словно мы пили чай и обсуждали дождь.

— Нечего бояться.

Женщина хотела возразить, но отвела взгляд и замерла. Я еще минуту держала ее за руку, а потом отстранилась с вздохом. Двигался лишь дым.

Дым. Он приносил из-за зеленых деревьев запах гари. Мы были далеко от разрушенной деревни, но серый пепел летал и здесь, окружая, ослепляя и загрязняя душу. Мою душу.

— Госпожа! Госпожа Целитель!

Меня звали так все время, что я была в Берне, с того момента, как я бросила свою сумку в поле, что когда-то было плодородным, когда опустилась на колени и принялась помогать тем, кто лежал среди обугленных стеблей. И мое состояние ничего не меняло. У меня просто был дар им помочь.

— Госпожа! Сюда, прошу! — мужчина с каштановой бородой склонился у маленького вороха одежды. Он шел по полю впереди меня, обходя костры, крича и указывая на тех, кто

еще дышал. Я не знала, как он находил в этом удушающем дыму среди многих одиноких выживших.

Я закрыла глаза женщины, скрестила ее руки поверх ее сердца, поднялась и поспешила за мужчиной, закатывая рукава. Я забыла сумку и вернулась за ней. Сумка была легкой, когда я покидала родную Мерит, а сейчас была даже легче. Я взяла только травы — миньон, тис и гелиотроп — но они вряд ли помогли бы кому-то, кроме меня. И я уже ничего не хотела. Три из пяти деревень, что я прошла, были разорены, раненые просили о помощи, просили исцелить их или ускорить смерть. Я шла по следу разрушений, жестокости и дикости. Я никогда такого не видела в других деревнях, не представляла, что Троты нападут на других беззащитных людей. Но в этот раз существа пробежали не только по Мерит, сжигая и уничтожая без особой причины. Как Целитель, я видела результаты несчастных случаев или беды, это не вызывало отвращения. Но в этот раз все было иначе. В этот раз насилие было для удовольствия.

— Здесь! Здесь, — мужчина с каштановой бородой вцепился в мою юбку, потянул за собой к маленькому мальчику, он был поникший, но почти невредимый.

— Последний? — спросила я. Голос я старалась держать спокойным, чтобы предотвратить панику бородача. Он слишком старался отыскать кого-нибудь в полях. А теперь у него дрожали руки и губы. Отчаяние брало верх.

Мужчина неловко кивнул, озираясь. Он успел назвать себя по дороге, Раффин. Я его так не называла.

— Так много мертвых, — он нервничал. — Слишком много.

Я коснулась виска мальчика.

— Он может выжить, если мы поспешим.

— Хорошие вести.

Точно. Я видела лишь семерых жителей в этой деревне. Ужасный результат.

Голос мужчины превратился в робкий шепот.

— Почему они пришли?

— Не знаю, — честно ответила я, заглядывая под веки мальчика. Белки оставались белыми.

— Но вы из Мерит, — прошептал бородач. — Я слышал это от вас. Я знаю о вашей деревне. Монстры из гор Мир напали на вас пятьдесят, пятнадцать лет назад...

— Тринадцать, — исправила я.

— И посреди лета. Три атаки, — грубо сказал он, словно завидовал. — Мерит трижды пережила атаки Тротов.

— Раньше они убивали лишь тех, кто мог рожать детей, — я раскрыла рот мальчика и проверила его язык, увидела, что горло чистое. — В этот раз... — голос дрогнул. — В этот раз...

В этот раз у нас было предупреждение. Так мы и выжили. Моя кузина Ларк вернулась с поля с оторванной рукой. У Ларк был Взор, редкий дар, что мог читать истории людей, и она рассказала нам, что рука принадлежала доброму Руберу Минлу, что его убили Троты, что монстры снова думают о нападении на нашу деревню. У нас было десять дней тревоги и страха. Десять дней надежды.

Ларк одна искала помощь нашей беззащитной деревне, связанная с заданием, что она не выбирала. Она была самой робкой в Мерит, она никогда не покидала пределов розовых кустов на границе деревни. Но она добралась до холмов на севере, нашла и уговорила

Всадников (легендарную двенадцатку) прийти и спасти нас. Одиннадцать из них примчалось на лошадях в Мерит с мечами почти одновременно с Тронтами, они спасли нас от худшего. Ларк вернулась после с двенадцатым Всадником, они были ужасно ранены. И настал наш черед спасать — мы с бабушкой исцелили их, стараясь изо всех сил. Скромная и любимая Ларк, почти моя сестра, лучшая подруга спасла наш дом.

Все было хорошо. Но я не рассказывала об этом бородачу, а он и не хотел слушать.

— В этот раз? В этот раз все по-другому! — содрогнулся он. — Они пошли не только в Мерит, они напали не только на тех, кто мог рожать детей. Они убили всех, кого могли!

— Думайте, что теперь делать, — сменила тему я, вытирая пальцы о накидку. — Чинить здания. Собираться. Вам нужно укрытие от солнца. Нужно найти чистую воду, — я искала в пыльной сумке склянки с травами, расставила их на земле перед собой. Я выбрала одну и сняла крышку. Миньон. Самая сильная из целебных трав.

— А смысл? — ворчал мужчина. — Смысла нет. Мы пропали. Смерть, засуха, к чему страдать дальше? Спасать уже нечего!

— Вот, — я взяла бородачу за руку и высыпала сушеные листья на его испачканную пеплом ладонь. Воды не было, хватит и его слюны. Так он хоть будет занят. — Разжуйте, считая до десяти. Медленно. И не глотайте, — он послушался, глядя на склянки. Я спрятала миньон от его взгляда.

Я приподняла рубашку мальчика, бледный плоский живот, бледная грудь, ран не было. Я осторожно перевернула его на бок, и пальцы вдруг стали липкими от крови. Я сорвала рубашку. Под левой лопаткой была глубокая рана. Трот когтем задел его, хорошо еще, что лишь одним, иначе он мог лишиться спины. Я видела страшные результаты сражений с Тронтами. Мальчик не был их целью, он просто попался на пути.

— Сплюньте на руку, — сказала я бородачу, поднимая руку мальчика и заводя ее за его голову. Я вытерла кровь и грязь. — Размажьте там. Тонким слоем, но чтобы закрывало все.

Бородач потел, холодные капли пота были последствием шока, плохо дело.

— Сосредоточьтесь, — попросила я. — Сосредоточьтесь, — его руки дрожали, он растирал смесь по коже мальчика, и мне пришлось оттолкнуть его руки, он явно забыл, что нужно заканчивать.

Я опустила руку мальчика, подперла его щеку его же ладонью и убрала волосы с его лба. Волосы были мягкими, и я отвлеклась на миг, перебирая его кудри, думая, что так и касаются спящего ребенка. Желание пронзало меня сильнее иглы. Я слотнула и... прогнала его. Хватило минуты, чтобы прийти в себя. Дым рассеялся, я взглянула на бородачу.

— Вытрите руки, — сказала я, указывая на почерневшую траву.

Он мне не слышал. Ладони его лежали на коленях, уголки рта дергались, но слова не получались. Я сорвала пучок травы и сама оттерла смесь с его ладоней, он не дрогнул.

— Не надо падать в обморок, — попросила я. Вцепившись в его плечо, я пожелала, чтобы моя энергия помогла ему прийти в себя. — Вы целый. Вы поможете.

Он повернул голову и странно на меня посмотрел, имя его было слишком знакомым, Рафинн. Дым проникал между нами, пламя угасало, шипя: «Разрушение и смерть, разрушение и смерть, все погибло, погибло, все погибло». Я отвела взгляд и осмотрела поле, где мы сидели. Другие выжившие уже ушли отсюда, и мне не нравилось быть наедине с тем, чье имя было больно произносить, чей взгляд был полон невысказанных слов.

— Послушайте, — процедила я, резко отвернувшись. Я трянула его за плечо и сжала сильнее. — Слушайте. Вы в порядке. Все будет хорошо.

— Хорошо... — повторил бородач. — Хорошо... — моя энергия все же зажглась в нем. Вина раскрылась в нем, шепот перерос в крик. — Я целый, потому что не помог! — выпалил он. — Я целый, потому что боялся! Я убежал. Я бросил деревню гореть... и убежал! Слышишь? Я убежал.

Мужчина зарыдал. Я застыла, отчасти жалея его, отчасти чувствуя отвращение. Я хотела бы убрать руку с его плеча, чтобы он нес свою вину сам. Я хотела бы убежать от этой тьмы, столкнуться со своим горем. Но Целители так не поступали. Он убежал. Я не могла.

Я дождалась, пока он успокоится, а потом отпустила его, отряхнув ладони.

— То, что было, уже прошло, — сказала я. — Теперь вы помогли. Смотрите.

Мальчик лежал, свернувшись калачиком, но рана покрылась пузырями по неровному краю.

— Это яд когтей Трота, — тихо сказала я. — Миньон выталкивает его, — я взяла в руки маленькую теплую ладошку и ускорила процесс. Мы смотрели, как лилово-черная кровь капает из раны, как она сменяется на чистую и красную. Рана быстро затянулась.

— Все яды так реагируют? — прохрипел мужчина.

— Разные яды отвечают на разные травы, — я взглянула на поле, покрытое пеплом, и добавила. — Некоторые вообще нельзя изгнать, — хукон был самым коварным, ведь его ничто не могло полностью излечить.

И вряд ли что-то могло излечить страх.

Он посмотрел на меня под разными углами, коснулся своего плеча, что я трогала до этого.

— Ты... такая сильная, хоть и юная, — в его голосе были нотки восторга. — Я думал, Целители все уже пожилые.

— Мне уже два месяца как семнадцать, — этого хватило. То, что я увидела за эти два месяца, заставило меня повзреть.

Я снова подняла руку мальчика и вытерла рану чистой частью своей накидки. Моя накидка была бирюзовой, была, пока я жила в Мерит. Миньон оставил черный след на ткани.

— Он маленький. Лекарство нельзя держать долго, иначе он не проснется, — объяснила я. — Целебные травы могут стать ядом, если использовать их неправильно. И они не для вас.

Последнее я сказала строго, ведь мужчина все еще смотрел на флакон с гелиотропом и тисом, что стояли на земле. В его взгляде появился новый оттенок. Он мог узнать одну из трав, понимал теперь и то, что неправильное использование их прервет его страх навеки. Всегда так было: смерть и исцеление. Они всегда были рядом.

Я спрятала склянки в сумку и закинула ее на плечо, чтобы сохранить. Сохранить... так я еще не думала. В Мерит, дома, мы никогда не запирали дверь, никогда не спорили со злостью, никогда не боялись даже Темного леса у нашего дома. А теперь, оказавшись на сгоревшем поле, я чувствовала опасность. Не от кровожадных Тротов, но от того, что они оставили после себя.

Еще одно чувство я оттолкнула, чтобы сосредоточиться. Мне надоело быть стойкой. Но я повернулась к бородачу, и лицо не выдавало моих мыслей.

— Пусть ребенок просыпается сам, — сказала я. — Найдите для него еду, и для остальных. Лучше — бульон. Разожгите костер. Найдите воду и ковш. Бросьте в воду что-то съедобное. Понимаете?

Он кивнул, дрожа. Я оттолкнулась от земли.

— Ты уходишь?

Я кивнула. Я и без этого опоздала исполнить свою судьбу.

— Но ты не можешь уйти! Не сейчас! — закричал он, подпрыгивая. — Ты должна помочь нам закончить начатое. Мы... не знаем, что делать. Ты в силах помочь.

«Нет, — я закрыла глаза. — Отпустите меня. Дайте мне уйти».

Но бородач развернул меня к себе, нервничая, забыв о мальчишке на земле.

— Ты должна помочь, — настаивал он. — Сюда, — он решительно зашагал.

— Пойдите! — крикнула я. — Ребенка заберите! — бородач вернулся и нетерпеливо подхватил мальчишку на руки. Его стоило оставить исцеляться там, но бородач это уже забыл. Я не знала, не бросит ли он ребенка на холодных камнях, потому пришлось идти за ним.

Я отогнала недовольство и пробралась сквозь обгоревшие стебли и листья к ближайшему телу, чтобы найти одежду для мальчишки. Старику там уже не нужна была его накидка, и я осторожно сняла ее с его плеч. Я забрала и фартук с трупа женщины.

— Сюда, — сказал бородач, когда я догнала его. Он вел меня к руинам Берна, где на рыночной площади уже лежал спасенный мальчик, подложив под голову фартук и кутаясь в пиджак. — Сюда, — повторял тихо бородач. Я следовала за ним, размазывая его следы на пепле.

Рядом с последним домом у длинного сарая в саду, что смог уцелеть, собрались выжившие пятеро жителей деревни. Они не могли успокоиться.

— Что это? — спросила я. — Еще кому-то плохо? — я подошла к засову на двери, но бородач крикнул:

— Нет! — он схватил меня за руку и оттащил. — Не один из нас. А... — он едва смог сказать. — Трот.

И в ответ из сарая раздался рев. Толпа вскрикнула и отступила. Даже я покачнулась, ощутив угрозу. Трот.

— Раненый, — прошептал кто-то.

— Первый пришел. Тамэл смог ударить его молотом, пока его не убили, — сказал другой. — И он убежал туда. Потом напали остальные...

Все это произошло два дня назад, насколько я знала. Я выпрямилась.

— Никто не открывал дверь? — спросила я. — Никто не смотрел? Он точно ранен?

Они покачали головами в ответ, я опустила голову.

— Нельзя так оставлять Трота.

— Мы думали, он умрет...

— А он не умер! — возмутился кто-то. — А если он...

— Вырвется и убьет всех нас!

— Отомстит!

Они испуганно шептались. Шестеро взрослых — четверо мужчин и две женщины, а еще маленький мальчик, что спал на площади. Семеро. Печальные выжившие. Трот ударился о стену сарая, паника пронзила стоявших, они замерли.

— Ты можешь заклинанием запереть его внутри? — спросил самый молодой из мужчин.

— Она Целитель, балда! — ударил его по плечу другой.

— Какая разница? У нее тоже есть заклинания!

— Целители не маги! — крикнула я.

— Но она знает травы, — сообщил бородач. Он повернулся ко мне и повторил мое

предупреждение. — У тебя ведь с собой эти яды? То, что может убивать. Если мы разотрем твои травы и добавим в мясо...

Женщина завопила:

— В мясо? Когда мы голодаем?

— Вокруг полно мертвецов, — прошипел бородач. — Угощайся.

Злость их поутихла.

— Это слишком легко! Мы должны убить это болезненно! — он повернулся. — Госпожа Целитель, у тебя ведь есть что-то для этого в сумке?

Кто-то согласно засмеялся и сказал:

— Если яд его ослабит, можно снять засов и прикончить это!

— Медленно прикончить!

— И отомстить...

Это. Трота. Отплатить страданием за страдания.

— Травы не для этого, — вмешалась я. — Нельзя просить меня забрать жизнь.

Защита, но не жестокость.

— Это монстр, — возмутилась женщина.

— Такой же, как и вы, — парировала я. Хватит насилия. Я прошла к двери и схватилась за засов. — Я сама с ним покончу.

Никто мне не остановил. Они побежали прочь, сбились в кучу. Они кричали испуганными голосами:

— Не выпускай его! Он убьет нас! Разорвет на клочки тебя! Ты станешь кормом ворон!

— Я не боюсь Тротов, — отозвалась я. Открыв дверь, я захлопнула ее за собой с мрачным торжеством. Лучше столкнуться с жестокостью, чем самой так поступать.

* * *

Здесь было темно. Окна были грязными от сажи. Соломенный пол усеивали лопатки и грабли, колеса и телеги были перевернуты — Трот от боли сбивал их. Я чувствовала запах крови, слышала дыхание со свистом, но не видела его.

Я держалась рукой за засов и прошептала:

— Где ты прячешься?

Тихий рев в темноте. И ничего. Я ждала, понимая по зловещей тишине, что это было лишь предупреждение, что Трот не мог напасть. Я выдохнула и отпустила засов, пойдя мимо беспорядка, стараясь не шуметь. На полпути я застыла от вони крови и монстра. Я сглотнула и склонилась влево, вглядываясь в полумрак, видя тень, что принимала форму.

— Вот ты где, — прошептала я.

Трот был ужасно ранен, левая рука была вырвана из плеча, кровь текла из него, и была скорее черной, чем красной. Он провел так два дня, впечатляет. Но так он был опаснее — перед смертью он был яростнее. Трот вполне мог вырваться из сарая и напасть на выживших. И мог уничтожить их. Даже с одной рукой Трот мог всех нас убить.

Я разглядывала его, удивляясь, что он, будучи не таким и большим, был сильнее человека. Скорченный, с грубой кожей, спутанными волосами и острыми зубами, щели вместо носа. И глаза, предназначенные для тьмы. Они вспыхивали на свету. Я понимала, что Трот видит лучше и может убить одним ударом. Но я осталась, желая, чтобы монстр поднялся, хотела знать, словно в темноте я могла узнать Трота, что убил моего любимого. А если бы я узнала его, то...

Я не рассказывала бородачу, что Всадники спасли Мерит от худшего. Почти.

Троты вырвались из Темного леса, помчались по садам и полям, мимо домов и амбаров, по красивым дорожкам, что вели на площадь. Но за ними пришли Всадники и...

В отличие от Берна, мы были спасены.

Но резня в деревне была невероятно жестокой. Юноша лежал с разорванной грудью посреди площади Мерит. Райф, *мой Райф*. Трот ударил его грудь когтями. Может, именно этот Трот.

Мы смотрели друг на друга. Трот был в углу. Я была открыта. Не лучший вариант. Для него.

В этот миг я была непобедимой, силу давали мне не знания лекарств и бесстрашие, я ярость. У меня был виновник, я могла кричать на него, хоть и не делала так никогда. Кровь закипала, мчась по венам, щеки пылали, сердце билось чаще, и я уже словно занимала собой весь сарай, словно могла раздавить это жалкое существо мимолетным движением и без звука.

Трот почувствовал это. Он насторожился, светящиеся глаза смотрели на меня. Я зло смотрела на него с жестокой усмешкой.

— Я бы оставила тебя, — прошипела я. А минуту назад меня пугала жестокость жителей этой деревни. Теперь же я шептала то же проклятие, хотела его исполнить. — Я хочу, чтобы ты страдал. *Хочу* ранить тебя.

Он смотрел. Трот не понимал меня... или понял. Хоть я и притворилась, что пошла сюда с мрачными намерениями, Целители не могли действовать из злости. Я не могла ранить, продлить боль. Я не могла бросить его на растерзание жителей.

Не могла отомстить за смерть Райфа.

Ярость же все еще кипела во мне, яркая, словно падающая звезда. И все. Улыбка увяла, я решила прекратить его мучения. Оглядевшись, я отыскала косу. Изогнутая, острая, с деревянной ручкой. Она висела на стене. За Тротом.

«Задача Целителя...» — я пошла вперед, Трот дернулся. Я наступила на грабли, и он зарычал, небольшой удар, и я все еще не боялась его, а он остался настороженным. Мы были еще ближе друг к другу, моя накидка могла коснуться его ноги. Он не нападал и не убегал, он мог устать от потери крови и боли. Трот оставался у стены, выдыхая с шумом сквозь щели, я потянулась через него за оружием. Его зловонное дыхание и запах крови смешивались в невыносимый букет. Я слотнула, медленно потянулась рукой над его головой с тонкими волосами. Он проследил за моим движением....

— Госпожа Целитель! — крики разрушили тишину, мы вздрогнули. — Госпожа Целитель! Что там?

С громким воплем Трот бросился, я почти схватила за косу. Его когти впились в мою шею, я оказалась прикованной к стене, пальцы тянулись к рукояти. Жители кричали, не скрывая ужаса.

— Тихо! — пыталась крикнуть я. Но голоса почти не было, как и воздуха.

Трот был ранен, но держал крепко, рот без губ оскалился, обнажив острые зубы. Я закашлялась и потянулась к косе, пораженная его скоростью. Так просто. Я перестала бороться, вспомнив, как Трот бросился на меня, склонившуюся у безжизненного тела Райфа.

И мое бесполезное желание осталось прежним: «Убей меня. Убей».

Но этот Трот ждал. Может, он питался страхом, но не находил его у меня. Может, он учуял травы Целителя, надеялся на исцеление. Или он чувствовал ту же ненависть, что и я, и наслаждался тем, что боль жить для меня хуже быстрой смерти?

Лишь догадки. Трот был монстром, убийцей, а я — добычей. Мы смотрели друг на друга.

А вот и осознание того, что меня стоит убить. Хватка монстра стала сильнее, он вдавливал меня в стену. Шея врезалась в доску. Кончики пальцев достали до рукояти. *Давай. Ударь.* Я молила его победить. Здоровая рука полетела на меня.

Сработал инстинкт. Я сорвала косу с крючка и вонзила в его горло раньше, чем он прикончил меня. Кончик лезвия пронзил его мягкую шею, место, где вена проступала под кожей.

Как быстро все заканчивается. Так просто. Так нечестно. Он смотрел на меня без потрясения, его мучения прекратились, я видела... облегчение. Сияние в его глазах погасло, когти разжались. Трот упал на пол, шипела вытекающая черная кровь. Мои ноги коснулись земли. На миг была лишь тишина, даже жители притихли. Я медленно вытерла косу о накидку и повесила ее на стену. Я прижалась пальцами к щепкам на стене, о которые успела оцарапать руку и выдохнула, но не от облегчения. Сказывалась натура Целителя. Никакого зла. Никакого вреда. Даже для себя.

Снова крики.

Может, немного зла все же понадобится. Я добралась до двери и открыла ее, удивив жителей. Они отпрянули, крича, и я не сразу остановила их, сказав:

— Вот и все.

Они медленно вернулись, успокаиваясь, а потом беспомощно рассмеялись.

— Ты убила его! — вопил злой мужчина. Я кивнула и отряхнула одежду, чувствуя запах крови Трота, что еще покрывала мои пальцы. Одну из женщин стошнило. Но другая вытерла глаза и удивленно посмотрела на меня.

— Как? Как ты смогла? Ты пришла к нам, помогла, убила, но... твоё лицо такое смелое и спокойное. У тебя нет слез? Слез печали, тревоги, страха или облегчения?

Нет. Слез не было. Ведь Целители не плачут.

— Я сделала то, что вы просили, — сказала я. — И теперь ухожу, — я отошла от сарая. Я помнила, что нужно идти на запад, и повернула туда, а потом оглянулась. — Не забудьте про мальчика на площади, — и сказала Рафинну. — Не забудь накормить его бульоном, — он кивнул. Как и остальные.

Я не буду жалеть, покидая это место, это имя. Они глупо улыбались после смерти одного Трота. Уродливая победа в море отчаяния, улыбки и тусклые взгляды. Может, и мой взгляд был таким же. Я подавила дрожь и сказала спокойно:

— Я прощаюсь. Удачи вам.

Обгорела трава и деревня. Не жалеть, что покидаешь это место...

Но они не собирались меня отпускать. Они шли за мной и говорили:

— Ты не останешься?

— Куда ты?

«Нет, не останусь. Меня ждет мой конец».

— Пожалуйста, стойте, госпожа Целитель!

Рафинн. Я замерла, затем обернулась.

— Твое имя, — сказал он нервно. — Оставь хоть это. Мы должны благодарить тебя по имени.

— Ева, — сказала я через миг. Это не мое полное имя, даже не кличка. Но оно звучало старше, как у взрослого Целителя, которым меня ожидали увидеть.

— Благодарим вас, госпожа Ева, — прошептали жители в унисон. — Благодарим вас, госпожа Ева.

Я кивнула каждому и пошла дальше одна.

— Госпожа Ева, — услышала я восхищенного Рафинна. — Она не боится смерти.

Да. Никаких слез, никакого страха смерти. Скривившись, я ушла от них.

Вдали от них я улыбнулась. Бояться смерти? Нет. Я была бы ей рада.

2

Я была бы этому рада.

Слова повторялись, словно песня. Они сопровождали меня на всем пути по покрытому мхом берегу реки. Я остановилась, чтобы смыть с рук события прошлых дней, по очереди снимала вещи — накидку, платье, нижнее белье и сандалии. Я отмывала кровь и пепел с каждой вещи, вода по ним камнями со дна реки медленные круги. Я отмыла камешками и себя, пока не стала такой же чистой, как и моя одежда, пока мои волосы не стали снова серебристыми.

Я оставила все сохнуть на берегу и плюхнулась в реку, нырнув ко дну. Я любила плавать, смотреть, как на воде и каплях ее на коже сверкает солнце, таким было исцеление для меня. Но сейчас эта тишина заставляла воспоминания звенеть в ушах: звон мечей, крик монстра, рев огня на площади Мерит. Я не могла этого исправить.

Я была бы этому рада. Я пела это под водой, глядя, как вверх уносятся пузырьки, а закат окрашивал воду в кровавый цвет.

Позже я растянулась рядом с одеждой, чтобы высохнуть, и ждала, пока угаснет свет. Еще позже я собирала водяной кресс, фенхель и дикую морковь на ужин, добавив немного сушеного мяса, которым отблагодарила меня одна из деревень. Методично, аккуратно, без эмоций. Я нанесла немного масла из листочка беррита на веточку и зажгла ее, словно свечу.

Я невольно выполняла действия, что помогали выживать, хотя я этого и не хотела.

Горькая правда: я могла повторять, что буду рада смерти, но отдаться смерти было почти невозможно, даже в хватке Трота у меня не получилось. Я была плоха в этом, но я не могла отпустить себя.

Это была слабость, а не трусость. Можете звать это долгом, виной из-за моего дара. Целители знали слишком много. Мы часто работали с Природой и могли заметить растения, что можно было есть, что могли спасти. Мы могли легко найти воду, разжечь пламя, устроить укрытие от бури, определить направление... Наши руки испускали успокаивающую энергию в других, ускоряли исцеление. Мы инстинктивно защищали себя. Защищали от попыток забрать нашу жизнь раньше времени.

Рядом со своим скудным салатом я поставила две склянки с травами из своей сумки и смотрела на них, пока ела. Только два флакона. Миньон был слишком ценным, чтобы неправильно использовать, и я оставила его в сумке. Но гелиотроп и тис были милой отравой. Я часто вытаскивала их, открывала склянки и вдыхала насыщенный земной аромат одного и вишневым запахом другого. Я представляла, как проваливаюсь в сон.

Уснуть. Это я планировала, потому и ушла из Мерит, потому и бросила бабушку и Ларк на рассвете, не попрощавшись, и ушла от своей жизни. Я не могла остаться и страдать. Это было словно заканчивать вышивку без основного цвета, и не могла терпеть эту тусклую картину, это одиночество. Я хотела к Райфу. Я хотела, чтобы он не умирал.

Рука невольно потянулась к тису. Я коснулась пальцем гладкого стекла, повернула склянку, чтобы посмотреть на темные кусочки внутри. Из некоторых растений яд испарялся, если их нарезать и высушить. Но не из тиса. Медленно разжевать, случится расстройство желудка, смерть наступит быстро... Я делала так много раз — смотрела или нюхала склянки, вспоминала эффекты, хотела сунуть в рот содержимое. Каждый раз я была уверена, что смогу подавить инстинкты, но каждый раз я обнаруживала себя собравшей вещи и отправившейся в путь в тумане. Очередной ужин, еще одна ночь, еще одна разрушенная деревня.

Пальцы нашли крышку. Я сжала ее между большим и указательным пальцем.

«В этот раз, Эви. Если бы ты только смогла...»

Фенхель стал горьким. Я выплюнула его, вытерла рот и спрятала склянки в сумку раньше, чем осознала это.

Дыхание перехватило. Я содрогнулась. Пальцы коснулись предметов, что я прятала под швом на дне сумки. Воспоминания о доме, что я взяла с собой, вещи, что могла сохранить, что ранили сильнее и больнее любого яда.

Перо жаворонка и плетеное кожаное кольцо.

Перо напоминало о Ларк. Я подобрала его с дорожки в саду вскоре после того, как она ушла за Всадниками. Это был не знак, но перья жаворонков были редкими, найти его было приятно. А кольцо? Кольцо носил дедушка Райфа, которого растерзали Троты. Во время атаки на Мерит Райф вернул кольцо, что в качестве трофея оставили Троты. А я забрала его из мертвой руки Райфа.

От руки к руке, таким был цикл кольца, цикл побед и смертей. Моя рука была холодной, замерзшей от этого прикосновения. Воспоминания нахлынули, словно дождь с неба, сначала каплями, а потом стеной. Я зажмурилась и попыталась оттолкнуть их, но они захватывали меня, были такими яркими, словно все это случилось лишь вчера, они были слишком сладкими и душераздирающими. Райф, мой верный друг в Мерит, мой спутник во всех подвигах, где я не могла взять с собой робкую кузину.

Каждое поле и сад, каждое дерево было осмотрено нами, мы забирались на них вместе. Он украшал собой каждый мой день.

А теперь это был лишь ливень из воспоминаний. И я сдалась, обняв колени, прижав их к груди.

* * *

— Смотри, Эви! Смотри, где я! — звал Райф откуда-то сверху, он скрывался среди листвы яблонь Джаретта Доуна. В шесть лет он гордился своей ловкостью. — Расправь фартук! — фрукты посыпались вниз, я не успела даже дотронуться до своего синего фартука...

— Эви, это умора! — десятилетний Райф захлебывался смехом, мы играли в слепого, и я надела маленькие очки Вилби для прикрытия. Мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы правильно играть, Райф снял повязку одной рукой, дергая мою длинную косу другой. — Тебе от меня не спрятаться!..

Одна рука тянула мою косу, другая убирала со лба его темные волосы. В двенадцать лет мы гонялись друг за другом, счастливые, беспечные, свободные души. Райф постоянно указывал куда-то мне за спину, я оборачивалась, и он забирал с моей головы ленту и махал ею радостно. Я прыгала за ней, он изображал, что сдается. Мы дрались за победу...

А через три года прозвучали судьбоносные слова:

— Кэт! Хватит смеяться!

Голоса доносились из фруктового сада, куда я пришла, чтобы поприветствовать Райфа. Он восемь месяцев пробыл в Крене, учась садоводству, и я с нетерпением ждала его возвращения, мы хотели доказать друг другу свои способности и снова подшутить. Но первой пришла глупая заигрывающая Кэт, желающая забрать себе красивого юного Райфа. И он заявил:

— Если хочешь поцелуй, то я сделаю это правильно...

Я увидела их поцелуй, просто глупо пялилась. И все знакомое тут же стало странным, сердце желудок и ноги дрожали, я не могла ничего с этим поделать. Видеть Райфа на сборе урожая в саду или случайно где-то еще стало неловко, но и радостно. Он вдруг стал не моим другом, а ярким маяком, на который было больно смотреть, но нельзя было избежать. Еще страннее все стало, когда в шестнадцать он остановился в базарный день у нашего прилавка, чтобы понюхать лавандовое мыло бабушки и лимонные пирожные...

Райф сказал, что так пахли мои волосы. Он сказал, что они сияли серебром, словно луна. И эти ощущения уже не были странными, они завораживали, стали необходимыми, как воздух.

Высокий, темноволосый и бледнокожий даже посреди лета. Тихий, терпеливый, серьезный и остроумный, что редко замечали в нашей деревне. Я знала лицо Райфа лучше своего, ведь не могла прекратить смотреть на него, поглядывать в тайне краем глаза. Я заметила, что Кэт стала ему неинтересной. Я заметила, что он находил причины, чтобы приходиться к нашему прилавку и к общему колодцу за водой в то же время, что и я. Я заметила, что он смотрит на меня порой, и радовалась этому в душе. Я лежала на кровати по ночам и представляла его улыбку, желала тот поцелуй, что он отдал Кэт. Я представляла, как он признается в чувствах, представляла наше милое будущее — муж, жена и дети у очага. И я хранила все эти секреты. Они были моей глупостью. Моей потерей. Я могла говорить напрямую о многом, но не о любви. Этот выбор я сделала еще очень юной. Мне нравилось быть Целителем, я хотела стать лучше, может, даже получить статус Белого Целителя, потому решила не выдавать свои чувства, всегда выглядеть спокойной и смотреть на все ясно. Если Райф попросил бы моей руки, это было бы хорошо, но я не собиралась выбирать его сама. Я думала, что это было слишком смело и эгоистично. Я думала, что это не имело значения.

Бабушка сказала:

— Любовь не ослабляет дар, — словно она знала о моих мыслях. Но я молчала. И Райф терпел.

Но не в тот день, когда угроза Тротов нависла над деревней. Это было после рынка, я сложила корзинку, попрощалась и шла уже мимо дома госпожи Керен, когда Райф встретил меня и за локоть отвел за угол ее дома, где крепко обнял.

Он поцеловал меня. Это был не первый мой поцелуй, но самый лучший. Он целовал мои щеки, волосы, держал ладонями мое лицо, смотрел мне в глаза, запоминая меня. А потом быстро ушел, не потребовав моего ответа.

А позже колокол прозвенел тревогу, Троты завывали. Райф лежал с разорванной грудью на площади, а мои лунные волосы стали красными от его крови. Я не двигалась, отчасти удивленная, отчасти желавшая, чтобы Трот сломал мою шею, но его убил Всадник, промчавшийся мимо.

Мы так и не признались друг другу. Ларк сказала Райфу, что я любила его, она передала

мне его слова. «Любовь не может умереть», — это просил сказать мне Райф. И хотя Ларк вмещалась, было уже поздно, поздно для всего, кроме слов. Все секреты были впустую, они ни к чему не привели.

«Любовь не может умереть». Но эта умерла. И мне остались лишь страшные воспоминания и кольцо.

* * *

Руки крепко цеплялись за колени, пальцы побелели. Я медленно отпустила их, закрыла сумку с неиспользованными травами. Но я слабо улыбалась, ведь еще не была сломлена. У меня был другой план смерти: болота Руд. Я слышала о них на рынке, это место было просторным и пустым, человек мог затеряться в камышах, а питаться там было нечем. И это давало мне надежду, что если я не могу подавить инстинкт Целителя, болота сделают это за меня.

Мне сказали идти на запад. Я была уже близко. И вещи уже высохли.

* * *

Лунный свет облегчил путь. Я шла ночь, за ней еще одну, немного спала и все дальше удалялась на запад. Я была слишком далеко от Мерит, чтобы понимать, какую деревню прошла, чтобы узнавать ленты на их площади. Я измеряла направление по восходу, немного свернула на юг. Если пойти на север, я попаду в город Тир. Я слышала, что это место было ужасным, там я оказаться не хотела.

Я прошла мимо труппы актеров, что расположились на берегу пруда. Их колокольчики звенели на ветру, напоминая о фестивалях, акробатах и пантомимах.

— Какие новости? — спросили они про города на востоке. Я сказала, что все так же, как и на западе: праздновать нечем, фермеры обеднели, не могли платить за развлечения.

Мы пожали руки в месте, где делились едой, хотя делиться было нечем. Я собралась уходить, но меня поманил ребенок, указывая на воду. Она хотела, чтобы я привлекла водоплавающую птицу, что плавала посреди пруда, пытаюсь держаться ровно. Пруд не был глубоким, но никто не мог плавать. Я сбросила сандалии, подвязала юбки и вошла в воду. Черно-белая птица напоминала большую утку, но я такую еще не видела. Я провела ладонью под животом птицы, медленно повела ее к берегу. На земле птица дернулась и застыла, мы склонились над ней.

— Она мертвая? — спросила, хмурясь, девочка.

Я покачала головой.

— Нет, смотри, — я коснулась крыла, и птица расправила его. И я тоже нахмурилась. Я такого еще не видела: перья птицы были опалены, словно их срезали горячим мечом, темная линия виднелась по краям, все еще пахло металлом.

Мы окружили птичку пригоршнями травы и мха, оставив ее на берегу.

— Исцелить это нельзя, — сказала я. — Перья вырастут снова. Но птица далеко от дома, и это она должна сделать сама, — но девочка была рада и тому, что я спасла птицу. Я пошла дальше.

Водная птица тонула, крылья были обожжены. Такая жестокость не была доступна Тротам.

Что-то темное проникло в наш маленький мир.

* * *

День, ночь, снова день, пейзаж был скучным, а еды становилось все меньше. Зелень превратилась в коричневые земли, вскоре я прошла последние деревья и оказалась среди

тусклого места.

Болота Руд.

Мне пришлось остановиться и рассмотреть густые заросли камышей передо мной, что вырывались из грязи и были вдвое выше меня. Они тянулись с севера на запад. Я шла вдоль границы. Здесь кончались тропинки, многие не решались зайти туда. Но я нашла проем среди камышей и пошла сквозь них, сквозь узкий проход. Так было лучше, чем идти через заросли. Болота тоже так решили. Подул ветерок, касаясь дыханием моих щек. Камыши словно хлопали, приветствуя.

Я открыла сумку, вытащила флягу с водой и последние кусочки сушеного мяса и моркови. Я оставила их у края зарослей как подношение тому существу, что могло здесь пройти. Мне остались лишь трофеи из дома, миньон и яды. Я закрыла глаза, подставила лицо последним лучам солнца и улыбнулась.

Поправила сумку и пошла дальше.

Путь пролегал по твердой земле. Другие тропинки обрывались тут и там, я заглядывала за повороты среди камышей, касалась их стеблей. Все тропинки все равно возвращались к узкому проему меж стен камышей. Я шла дальше. Стало тихо, не было даже шелеста. Не было и тени, лишь серый свет. Шли минуты, может, часы.

Рвение уступало перед однообразием. Я представила рядом Райфа, представила Ларк. Представила, что я не иду одна.

Я вспомнила, что хочу пить. По привычке я отломала стебель и выпила сок из него, хоть на вкус он и был словно гнилые листья. Я, не думая, развернулась и пошла обратно, остановилась и фыркнула. Как глупо было идти по безопасной тропе, инстинкт Целителя вел меня через болота. Я чувствовала зов воды, помнила, где оставила на траве крохи еды. Я боролась с собой, чтобы остаться.

Я решила сделать быстро то, что точно должно было завести меня далеко, чтобы я не вернулась. Я закрыла глаза, закружилась, пока меня не начало покачивать, ... и бросилась в камыши. Расталкивая руками лес камышей, я прошла десять шагов, двадцать, еще немного, а потом открыла глаза.

Я была по щиколотку в грязи. Передо мной была тропа, и я побежала по ней, свернула в стену камыша. Никаких троп! Нужно идти в заросли.

Камыши ломались, качались, с их пушистых корон сыпалось, словно снег. Я выбралась на третью тропу, пересекла ее, оказалась на другой.

— Хватит! — зло шипела я. — Хватит находить меня! — кто еще здесь был? Никто не пришел бы сюда без причины. А впереди был грубо сделанный мост, лежавший поверх глубокой лужи. Я выругалась, развернулась и пошла по колено в зеленой склизкой грязи. Я споткнулась, ударилась о камыши. Я пересекала все больше троп, пока не разозлилась из-за невидимых исследователей, что протоптали тут пути. Я топнула ногой по грязи:

— Забери меня! — кричала я болоту. — Давай. Забери!

Я ждала. Шелестел камыш.

Я развернулась и снова побежала. Сломанные стебли, обломки камыша. Дальше, Эви, дальше. Я шагнула на зловонную землю. Задыхаясь и отплеываясь, я подняла голову, протерла глаза и посмотрела на то, что не дало мне провалиться.

Там был мостик, тот самый. Единственная тропа. Остальные я протоптала сама, бегая кругом. Инстинкт Целителя снова сработал.

Станный звук сорвался с губ. Я не могла потеряться, я не могла уйти с пути, чтобы не

вернуться. Я опустилась на землю, забыв о болоте вокруг. Я вытащила сумку, развязала и вытащила тис, решившись. Толпа камышей уже не хлопала, а недовольно шептала. Я зарычала на них, они притихли. Я закричала:

— Вам не понять: я хочу этого! Райф ушел! — мой голос был несчастным. — Вам нравится одиночество. А мне оно не по душе.

Но я уже не была одна.

Кто-то не пытался скрываться. Он просто шел неровным шагом, хлюпая грязью, хромая. Забираясь все дальше. Я недовольно спрятала тис в сумку и встала.

Через миг камыши зашумели...

На глаза показался старик.

3

И не просто старик. Страшный старик. Он был кривой и уродливый. Он был в одеянии, что дважды охватывало его тело, что было подвязано кожаным поясом. Я не знала, есть ли под длинным одеянием штаны. И, словно этого было мало, на его голове была небесно-голубая шляпа.

Старик остановился, удивившись, увидев меня — перепачканную грязью, закрывавшую ему путь. Но он приблизился, хромая, снял шляпу и вытянул ее со смиренным видом.

— Монетку на счастье для безумного пророка.

Я уставилась на него. А потом расхохоталась.

— Всего монетку, — скулил он. — И я расскажу ваше будущее.

— Посреди пустоши вы предлагаете сделку?! Кто вы такой? Провидец?

Он улыбнулся, показав пожелтевшие зубы.

— Некоторые зовут меня так. Я Харкер.

— Значит, господин Харкер...

— Не господин, — резко заявил он.

— Тогда Харкер. Если вы истинный провидец, то должны знать, что у меня нет будущего.

Он уставился на меня.

— Будь ты провидицей, думала бы иначе.

— Вы здесь не для этого. Я могу это понять, — веселье пропало. — Зачем вы пошли за мной?

— Пошел! Здесь дорога, — он усмехнулся. — Почему только ты одна можешь по ней идти?

— Это не объясняет ваше появление.

— А у тебя есть причины быть здесь?

— Больше причин, чем у вас.

Старик приблизился.

— Ты здесь не из-за причины. Ее ты не приняла.

— Не смейте так говорить. Вы меня не знаете, — мы словно играли словами. Мне это не нравилось. Я была растеряна, ведь я была так близка к концу.

— Ах, но я знаю тебя, — серьезно сказал он. — Ты Целитель.

Я фыркнула.

— Целителей достаточно. Вы могли догадаться.

— Нет. Ты *Целитель*. Единственная из немногих.

— А вы любите играть словами, — я развернулась и указала на мостик. — Уходите. Я подожду, пока вы не уйдете. Идите своей дорогой.

Он не сдвинулся.

— Ты приказываешь? Делаешь выбор за меня?

— Я лишь пропускаю вас вперед.

— Нет, ты указала пальцем. Ты выбрала мой путь. Если я пройду мимо тебя, это будет из-за твоего приказа.

— У вас своя судьба, Харкер. Вы провидец.

Он опечалился.

— Верно, — медленно кивнул он без улыбки. — Если я пойду туда, куда ты указала, это будет потому, что я согласился. Но... если ты меня толкнешь туда? Будет ли это мой выбор? Или поворот судьбы из-за чужого выбора?

Он явно был не в себе. Я опустилась на мостик, оставив место, чтобы он мог меня обойти.

— Делайте, как хотите. Но я надеюсь, что вы уйдете.

Харкер оказался слишком близко. Я видела его ступни в рваных сандалиях, в них набились травинки и прутики.

— Твоя кузина сделала выбор за тебя, — сообщил он.

— Кузина! — я подняла голову. — Вы ее знаете? Откуда?

Он посмотрел на меня и протянул шляпу.

— Будущего нет, — я оттолкнула шляпу и отвела взгляд. Может, ему надоест играть.

— Надеюсь, — медленно сказал он, — что она сделала хороший выбор.

Я уткнулась подбородком в ладони, игнорируя его. Но эти слова потрясли меня.

«Она сделала хороший выбор, Провидец, но было поздно».

— Нет, — Харкер словно меня слышал. Он склонился ко мне. Я чувствовала, как от него воняет из-за долгого путешествия, но при этом пахло и невероятной силой. И это боролось в нем — он мог жить много лет, но при этом страдал. Ужасное существование.

Он зашипел мне на ухо:

— Нет, Эви Кэрю, Целительница. Я не о твоем мертвеце. Я о том, что еще не случилось.

Я раскрыла рот, вскинув голову.

— Откуда вы знаете мои мысли? И мое имя?

— Ты не хотела предсказаний, а теперь задаешь вопросы за троих! — усмехнулся он. — Три вопроса и ни одной монетки? Вот, — он сунул шляпу мне в лицо. — Поделись.

— У меня нет денег, — сказала я.

— Воришка! — закричал Харкер. Я вздрогнула, но он промчался дальше. — Ты еще попросишь у меня. Все вы попросите! — он направился туда, куда я указала. Он не шел, а дергался, хромая, словно кукла на ниточках, ступая на носочках, едва касаясь земли, шурша камышами.

Я еще долго сидела, раздосадованная тем, что он помешал, но и встревоженная, что он знал Ларк. Он сказал, что Ларк выберет мне то, что еще не наступило.

— Она выбрала Райфа, — прошептала я ему вслед. — Она уже выбрала мне Райфа. Что еще она может сделать?

Ох, я была совсем как кузина! Ларк долго ждала бы, пока провидец уйдет, а потом

успокоилась бы в тишине и одиночестве. Но все мои попытки не увенчались результатом, а любопытство проникало в меня, словно гисань, а все из-за слов того старика. Темные, тревожные слова. Я должна была понять, что он хотел от меня.

Я подхватила сумку и пошла за ним.

* * *

Посреди болот Руд был секрет.

Там был остров, окруженный грязью и высокими камышами: участок ровной и твердой земли с ярко-зеленой травой и клевером, с ручейком чистой воды, что вырывался из-под камня, и с тремя деревьями — яблоней, буком и ивой. С одной стороны границу отмечали кусты куманики и рогоз, а еще плющ, по другую сторону росли буранчик и чабрец. Крошечная хижина была построена из бревен, а крыша — укрыта камышами. Коза и козел с козленком ходили неподалеку, щипая травку и глядя на чистое небо.

Старик, Харкер, сидел у ручья на большом плоском камне и смотрел на воду.

Я подошла к нему, не скрывая удивления.

— Это ваш дом?

— У меня нет дома, — сказал он, не дрогнув.

— Но другие придут сюда. Растения ухожены. И за животными кто-то должен следить.

— Мало кто ходит на болота. Пастух из Балбара оставил животных, но приходит за ними. Почти никто не знает об этом месте. Но те, что находят его, обретают покой, — он повернул голову и посмотрел на меня. — Ты не обретешь покой.

Я нахмурилась. Он говорил понятным языком. Но он говорил загадками, и я купилась.

— Откуда вы знаете мое имя? Почему вы говорите, что я не обрету покой?

— Потому что ты бежишь от одной причины, не найдя другую.

— Харкер! — я топнула ногой.

— Заплати мне за предсказание, Целитель.

— Прошу, у меня нет...

— Я не говорю бесплатно, — громко и с горечью заявил он. Старик кашлянул и добавил. Я не могу поддаться искушению. Не теперь.

Я развернулась, расстроившись, но снова посмотрела на него.

— Провидец, вы ведь знаете, что денег у меня нет. Плату можно взять другой услугой.

Он ждал. Я сказала:

— На ваших руках волдыри. Я могу их исцелить.

Может, он знал, что я дойду до сделки, но не ожидал такого предложения. Его глаза жадно вспыхнули. Он быстро взял себя в руки, рявкнув:

— Ты так думаешь?

— Вытяните руки, — настаивала я.

Он послушался. Я опустилась на колени и взяла его за руки. Они были морщинистыми и в красноватых волдырях, он дрожал. Я могла использовать гелиотроп, могла сделать зелье на основе козьего молока и буранчика. Могла взять листья ежевики, попытаться вылечить ими проблемы с кожей. Но Харкеру я помочь не могла. Эта боль была его наказанием.

Я сказала ему:

— Эти раны магические. Вы взяли что-то, что не должны были, — я заглянула ему в глаза. — Вы обожглись из-за ошибки.

Он холодно смотрел на меня.

— Давно это у вас? — спросила я.

— Я старый. А раны — нет.

Я посмотрела на волдыри, думая теперь, чем он заслужил такое наказание.

— Мне жаль. Но я не могу их исцелить.

Он убрал руки с кривой усмешкой.

— Тебе жаль меня или себя? — он засмеялся, увидев, как я хмурюсь. — Ты все еще хочешь узнать ответы.

— Да, — я схватила сумку и вытащила из нее склянку с цветами гелиотропа, протянула ее ему. — Вот. Возьмите. Одну штуку держать во рту, пока она полностью не растворится, и только потом глотать. По одному за раз. Это поможет проспать всю ночь.

Харкер забрал склянку. Один из волдырей задел мою кожу, он был холодным. Он спрятал флакон в складку одеяния, там был потайной карман, и сказал:

— Ты дала мне гелиотроп, отдала свой шанс сбежать. Почему не миньон? Ты хитра, Целитель.

Я прижала сумку к себе.

— Миньон слишком ценен, — честно сказала я, удивляясь, что он знает, что у меня был миньон, что я хотела покончить с собой гелиотропом. Он был хитрее.

— Верно, — ответил он. — Но дело не в этом. Но сделка есть сделка, — Харкер встал с камня, я видела, как ему больно отталкиваться руками. Постоянные страдания. — Отойди, Эви Кэрю. Войди в воду.

Я знала, о чем он. Бегущая вода не могла ни помочь, не навредить. Это место подходило для того, чтобы ждать его ответ, его вопрос. Я шагнула в холодный поток, камешки на дне расступились, принимая мои ноги. Я задержала дыхание, ожидая его слова.

Харкер тоже отступил. Он подставил голову последним лучам солнца, он застыл. И он ждал. Но он не выглядывал слова на небе, он ждал, пока они появятся внутри него.

И он заговорил, словно читал с невидимого листка:

Лунный свет на воде, деве той покажи

Мимолетный страх и печаль от резни.

Серебро, серп, взмах целебный руки,

Песнь ракушки услышь, дождь земле призови.

Я ждала, а потом выпалила:

— Это не предсказание. Это стихотворение.

— Но оно связано с тобой.

— Но оно ничего не значит! — я вышла из воды, отряхивая сандалии. — Вы хотите сказать, что я не умру здесь? Что болота поглотят меня, и что-то произойдет?

— Не ищи в этом смысла, дай этому случиться.

— Почему? Потому что вы запутали меня словами? Потому что я отдала вам гелиотроп? Если это не ваш дом, но он станет моим. Я останусь здесь, я состарюсь здесь. Буду ухаживать за козами, — заявила я. Из-за его предсказания я разозлилась, как и из-за того, что мой выбор никто не учитывал.

Но он рассмеялся.

— Не будешь, Целительница, как и не убьешь себя травами. Ты играешь с мыслью о смерти, думая, что печальна, что осталась одна. Ты винишь свой дар исцеления в том, что он удерживает тебя, но не из-за этого ты все еще жива. Ты не видишь...

— Не говорите так! Вы ничего обо мне не знаете!

— Скажу. Это ты ничего не знаешь, глупая. Твое время не пришло. Ты нужна.

— Нужна? — как он мог так издеваться надо мной? — Кому я нужна?

Харкер подошел ко мне и разглядывал с минуту.

— Ты не такая робкая, как твоя кузина, — сказал он. — Совсем не робкая. Но у тебя есть часть ее упрямства и нечто еще. Отличающее от других.

— От других?

— Твоя кузина ничего не рассказала о своем пути! — сообщил радостно провидец, но тут же скривился от боли. Он выругался, развернулся и закричал в пространство. — Я не должен рассказывать! Я не должен! — он зашипел себе. — Твоя вина, твой долг нести... — голос превратился в стон и утих. Провидец покачал головой, взял себя в руки и посмотрел на меня. — Она ничего не рассказала тебе, Целитель, и потому ты так мало знаешь. Жаль, ведь ты такая любопытная.

К сожалению, я была любопытной. Но я сменила тактику и перестала задавать вопросы, ведь он только избегал их. Через миг он повторил, дразня:

— Дочь Природы, одна из четырех.

Я прикусила язык и ждала.

Он приблизился, глядя на меня.

— Дочери матерей-близняшек, рожденные в один день, в один час. Похожие, но противоположные.

Харкер говорил о Ларк, обо мне, о нашей связи. Он произносил слова, словно заклинание:

— Ее волосы похожи на опавшие листья, твои же сверкают как луна на воде. Ее глаза цвета желудей, твои же — синь моря. Ее кожа тронута солнцем, твоя — бледна, как луна, — он медленно зашел мне за спину. — Она тиха, ты — общительна. Она принимает свои чувства, ты душишь их. Такие разные. А еще... — Харкер указал своей рукой на мою спину. — Что в вас общего? Чем вы с твоей милой Ларк схожи?

Я знала, что схожего мало.

— У нас одинаковое родимое пятно.

Провидец кивнул.

— Да. Метка. На левой лопатке, — он коснулся ее пальцем, я задрожала, отдернулась и обернулась...

Он отшатнулся, сгибаясь и крича:

— Прости! Прости! Прости!

— Вы ничего не сделали... — я застыла. Харкер не извинялся передо мной, он смотрел на синее небо.

Воцарилась тишина, он ждал, а потом с криком упал на землю и скорчился от боли. Он вытянул руки перед собой, волдыри набухли на его коже. Они пылали. Я схватила его за руки и подтащила к ручью, опуская его ладони в холодную воду.

— Это поможет, — вода могла смыть магию. Но вряд ли спасла бы здесь.

Он лежал у ручья, кулаки погрузив в воду, содрогаясь и всхлипывая.

— Прости! — я не знала, за что он извинялся, но мне было его жаль. Он был слишком старым, но все еще далеким от смерти, его ждали еще страдания.

Харкер умудрился сесть на колени и вытащил руки из воды. Они были красными, но уже не пылали. Он тихо прошептал:

— Все хотят услышать, что я знаю, хотят, чтобы я помог им встретить их судьбы, словно всего за миг нельзя изменить судьбу! А еще... а еще всем плевать на мою судьбу. Никто не

хочет помочь мне.

Он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Кроме тебя, Эвелина Кэрю. Я не предвидел твоей доброты, — он сел прямее, расправил плечи и сказал. — Ты заслужила это, Целительница. Я расскажу тебе, так что слушай. Ты видишь, что приближается тьма. Я не назову ее имени, но знаю, что тьма началась с жестокости в Природе, а стала жестокостью людей. Она поглотит всех нас, если ее не остановить. И ты, Эви Кэрю, та, кто может остановить тьму. Ты задала до этого три вопроса, я дам три ответа. Не на твои вопросы, но расскажу то, что направит тебя и поможет. Ты должна найти амулет, ракушку. И если ты любишь кузину, ты не будешь просить о помощи. Во-вторых, ты решила, что должна убежать из-за горя, но не от этого ты должна бежать. Тебе нужно раскрыть глаза. И последнее: они нападут, воспользовавшись твоей слабостью.

Харкер скривился, словно знал об этой слабости, словно ожидал, что его руки снова запыхают. Но ничего не случилось. Он выпрямился и забавно поклонился, а потом пошел прочь. Я последовала за ним.

— И я должна быть вам благодарна? За то, что вопросов стало только больше?

— Да.

— Но это не дар...

— Я не говорил, что подарю тебе что-то. Я сказал, что это ты заслужила.

— Но я могу заслужить еще что-то? Вы расскажете еще?

— Нет.

Харкер отряхнул свое одеяние и свернул с тропы в камыши.

— Харкер!

Он не слушал меня. А я не могла отпустить его, терзаемая вопросами.

— Харкер!

Я побежала за ним, но он обернулся, шипя:

— Они ударят по твоей слабости! Что у тебя за слабость, девочка? — он подло усмехнулся, приблизив лицо. — Что. У. Тебя. За *слабость*?

Я замерла. Провидец сошел с ума, но не был опасным.

Он ответил за меня:

— Любопытство, тяга к знаниям, Целитель! И страдания о том, что было. Любопытство вызывает эмоции. Целитель, им только того и надо. Осторожнее!

Провидец развернулся и бросился в камыши.

— Я дал больше, чем должен был! Я буду страдать. Страдать, — выдыхал он.

— Молочай, Харкер! — крикнула вдруг я. — Разотрите стебли в руках. И сок облегчит вашу боль.

Харкер замер и оглянулся.

— Это, — печально сказал он, — я уже знаю, — он снова развернулся и пошел дальше. Вскоре его уже не было видно за камышами. А потом стало слышно лишь их шелест.

На этом островке не было признаков угрожающей тьмы. Я сидела посреди зеленого луга, глядя на грузные тучи, что плыли по синему небу, слушая гудение и крики белобровиков, цеплявшихся за пушистые верхушки рогоза. Здесь было спокойно: пчела

лениво кружила над клевером, козленок спешил за своей мамой, ручеек неподалеку журчал, холодный и чистый, не было тревоги. И зловещие слова Харкера не выходили из головы — нечто темное пришло в наш маленький мир, но здесь его не было.

Может, я все-таки заблудилась.

Вот только Харкер сказал, что здесь я спокойствия не найду. Смеялся он или предсказывал, но эти слова не просто так не оставляли меня. И тот куплет, его предупреждения вызывали беспокойство. Желание узнать больше горело во мне после того, как он сказал, что я заслужила это. Он знал, что я полна вопросов, что они не дают мне покоя. Я хотела отрицать его слова, остаться здесь, пока не вернется тот, кому принадлежала эта хижина и козы. Ждать неделю, две недели, всю жизнь.

Я продержалась два дня.

Два дня я доила козу, собирала ягоды и травы, сухие ветки и вытаскивала из ручья угольные камни для костра. В хижине была чашка, тарелка и метла; я сплела из ивы корзинку в благодарность. Я выстирала испачканную от скитания по болоту одежду. Я играла с козленком, хотя он просто убегал от меня. А спала я под лестницей, в хижине было мило и тепло. Ларк понравилось бы это место.

Руки работали, но из головы не выходил провидец. Почему Харкер говорил, что Ларк нельзя мне помогать? Что означало «найди ракушку»? Почему мне нужно открыть глаза? Ни работа, ни сон не позволяли сбежать от его слов, от желания понять его предсказания... И мне пришлось сдаться, а красота этого места сразу померкла. Я не найду здесь покоя.

Внутри шел и другой бой: я уже знала, как найти ответы. У меня все еще был тис и миньон, из них можно было сложить заклинание, что создало бы мощное открытие разума, названное Проницательностью. Но это было опасно, таким занимались маги, а не простой Целитель.

Маги и Целители различались. Целители рождались с даром, а магом становился тот, кто учился мастерству. Работа Целителя была связана с Природой, ограничена ею, у магов все было иначе. Маги были фокусниками, но у них не было рук Целителей, инстинкта спасать, ослаблять боль. И все, что они делали, могло привести к опасности.

Но если Целитель выбирал путь магии, а не понимание силы растений и камней, он смешивал инстинкт и выученные техники, и сочетание было мощным, сила — куда большей, чем у простого мага. Таких называли Белыми Целителями.

Я знала, как делать заклинание Проницательности. Конечно, не от бабушки, она такими чарами не пользовалась. Бабушка не была любопытной, ей хватало «необходимый знаний». Я не была такой спокойной, хотя знала, что Ларк думает обо мне иначе. Бабушке хватало статуса Целителя, а я хотела стать Белым Целителем. Я хотела познать магию.

Отыскать эти знания было не сложно. В базарные дни среди слухов ходили и загадочные сплетни. Тебя провели бы, куда нужно, или кто-то сам заинтересовался бы тобой. Госпожа Гринджер была Белым Целителем в деревне Крен, и она торговала гусями. Она была рада моему интересу и одолжила мне книги заклинаний и зелий, которые я изучала в перерывах между торговлей. Вечером того же дня я вернула ей книги и задала вопросы.

— У тебя есть потенциал, — приободрила меня Гринджер.

Травы и минералы, использовавшиеся при исцелении, становились сильнее, сочетаясь с нужными заклинаниями. Я выучила, что тис может воскресить мертвого или, если смешать его с миньоном и нужными чарами, тис поможет открыть Проницательность. Я узнала, что

за это заклинание платят своей жизнью. Когда госпожа Гринджер чуть позже применила это заклятье, желая узнать, почему ее сын вдруг покинул деревню, она стала немой и больше не появлялась на рынке. Никто не знал, было тому виной то, что она узнала, или само заклинание.

Эован Холт сказал, что напоследок она говорила что-то о призывателях, он рассмеялся, решив, что она сошла с ума и болтает о гусях. Но на этом моя учеба прекратилась. Если бы госпожа Гринджер не стала немой, я могла бы узнать, как тисом воскрешать мертвых.

Я могла бы спасти Райфа.

Я продержалась два дня, оспаривая каждую причину, по которой не должна была использовать что-то, кроме своего дара, по которой не должна была принимать оставшийся яд, мой побег, как назвал это Харкер. Но ответы манили меня.

К тому же, ингредиенты заклятия были в моих руках, это не казалось совпадением.

На третий день я решила применить заклинание. Приготовления начались на рассвете — его важность каждый раз подчеркивала госпожа Гринджер.

— Покажи, что твои помыслы чисты, — писала она на полях книги. — Остальное последует, — и я проснулась с первыми лучами и осторожно разложила все камни мол, что собрала вчера, широким кругом на траве, создавая нейтральное пространство, убирая из круга все прутики и камешки. Я выдоила козу, выпила чашку молока, заела пригоршней ягод. А потом прогнала коз подальше от круга ивовым прутиком, чтобы они не помешали и не попали под действие заклинания. Я поставила в круг угольный камень, твердый камень, тис и миньон, добавила туда вторую чашку козьего молока. И последнее я вытащила из сумки, оставив в круге: перо жаворонка и кожаное кольцо. Я ощутила укол вины за такое использование их, но от воспоминаний заклинания становились сильнее.

Я умылась в ручье, оставила в стороне свою накидку, платье и сандалии, оставшись только в белом нижнем платье, показывая свою скромность. Я стряхнула с тела руками старую энергию. Затем я глубоко и судорожно вдохнула, подняла ветку бука и вошла в круг.

Буком я начертила полосу, деля круг на четверти. В первой я написала слово: «Ракушка», во втором: «Ларк», в третьем: «Видеть», отмечая вопросы, на которые хотела знать ответы. Я не просила поведать мне о моей слабости, ведь провидец уже рассказал мне об этом. Я опустилась на колени в оставшейся четверти.

«Сначала миньон, — напомнила я себе. — Миньон пробудит Землю в тисе», — я открыла маленький флакон с сушеным миньоном и разделила его, насыпая равные части на каждое слово. Я взяла склянку с тисом и высыпала содержимое на ладонь. Я отделила иголки от коры и от сморщенных, но еще насыщенно-красных ягодок. Я оставила три иголки, три кусочка коры и три ягодки, все это я бросила в молоко. Остатки тиса я рассыпала поровну поверх миньона.

— Представление о намерении, — прошептала я, сосредотачиваясь на ответах. Я вырвала волосинку и положила ее к «Ракушке». Самое слабое подношение, ведь я не знала, какой была ракушка, но если мне нужно ее найти, то ответ — во мне. Я положила перо к «Ларк» и плетеное кольцо Райфа — к слову «Видеть».

«Стекло для ясности», — я взяла твердый камень и разбила им пустой флакон от тиса, разделила осколки поровну. Одним из них я проткнула мизинец, добавив к каждой горке каплю крови.

— Кровь жизни, — прошептала я, а потом прижала ладони к земле возле каждого слова, трижды громко повторив. — Покажите причины, покажите задачи.

Я прокрутила в голове последовательность действий, проверив себя, затем взяла угольный камень, ударила им по другому камню рядом с первым подношением. Искра упала на горку, маленький огонек занялся, и я повторила так с остальными подношениями, пока они не загорелись белым и не потухли. Когда огонь угас, я смела все в центр, перемешивая пепел. Я вылила на ладони молоко, оставив немного, и этот глоток я выпила, стараясь не проглотить тис.

Готово. Чашка осталась за кругом. Пальцы переплелись на коленях. Я вдыхала и выдыхала... Выдох был слишком громким. Еще вдох, и еще, я уже не могла выдерживать тишину. Я справилась? Я должна подождать? Сколько? Я уже хотела просить...

Но не успела договорить. Отравленное молоко добралось до желудка, вены пылали. Я обхватила живот руками, меня едва не стошнило на пепел, я склонилась на бок, пытаюсь остановить кружение мира, но это уже не имело значения...

* * *

Я летела, земля проносилась далеко внизу. Там были болота, твердая почва, деревья, озеро в камнях, куда впадали водопады, разбивающиеся о скалы. Так летали птицы. Я поняла это, увидев свое крыло краем глаза, черные перья над белыми. Птица, которую я спасла, стала моим обликом в заклинании, и хотя крыло было обожжено, я летела. Я, едва дыша, скользила к водопадам, направилась дугой к центру озера, а потом бросилась в один из яростных потоков.

Не замедляясь, я мчалась вперед. Я прорвалась через водопад и оказалась в пещере за водой, звук оглушал, видно было плохо. Там был выступ, слабо мерцал свет. Красные скользкие камни...

Она лежала там, мой ответ на первый вопрос: ракушка брюхоногого моллюска, серо-розовая снаружи, но жемчужная внутри. Я видела такой рисунок в книгах госпожи Гринджер. Эта не отличалась, была маленькой и обычной, брошенной пустой ракушкой. Но меня пронзило сильное чувство, я узнала предмет, который должна спасти из этого холода и влажности, который я должна отнести домой. Но стоило мне приблизиться, как послышалось гудение, оно росло, становясь все страшнее, оглушая. Волны заполнили все, затмевая все чувства, а я откатилась, чтобы избежать воды, попала во тьму, и начался новый полет...

Я вырвалась из воды. Сколькие камни стали твердыми и обтесанными, теплыми и серыми, смешанными с ониксом и слюдой. Они были организованы. Я скользила взглядом вверх, и камни складывались в башни и бойницы, флаги на них развевались над каньоном. Замок, вырезанный из камня, стоял на утесе. Он был великолепным, сильным и впечатлял. Небо светилось позади, солнце играло тенями на изгибах и углах здания. Я влетела в вал на востоке и рухнула камнем, попав между высоких башен. Желудок от такого полета приближался к горлу. Я закрыла глаза, а потом распахнула их, ведь нашла зелень — внутренний двор, полный белых цветов. Я заметила синий пруд, обрамленный камнями, я направилась к западным башням, а оттуда — к широкому зеленому пространству.

Два коня стояли среди зелени, серый с вкраплениями и ослепительно-белый, на них было два всадника, что остановились и обнимались. Я помнила этих лошадей, помнила их в Мерит. И я знала всадников — свою кузину Ларк и Всадника Гарейна.

Я пролетела над их головами, но у меня не было ни голоса, ни руки, ничего, чтобы позвать кузину. Я успела лишь подумать: как она едет на лошади? Что за странная одежда? Где ее фартук цвета мха? А потом поняла: этот замок и этот каньон — это Тарнек. Ларк

покинула Мерит, как и я. Она нашла новый дом. И была с любимым.

Я получила второй ответ. Я радостно подумала: «Она счастлива».

Я летела к облакам, покидая красивый замок. Но потом словно ударилась о невидимую стену, резко остановилась, содрогнувшись. Я замерла, а потом полетела камнем вниз. Я рухнула на пару, крича и пытаюсь остановить падение рукой. Но голос был птичьим, а рука — крылом.

Крыло или нет, но Ларк что-то почувствовала. Она вскинула голову и бросилась на коне вперед. Что бы она ни видела — черный глаз птицы или мой глаз цвета моря — но она узнала меня. Мы смотрели друг на друга.

Печаль, острая, словно меч, желание того, что было раньше, до того, как Ларк нашла руку, до ее путешествия, до нашего ужасного дня рождения, до раны на ее плече, что так и не исцелилась до конца, до юноши, что похитил ее сердце... до того, как Трот убил человека, что похитил мое сердце. Ларк чувствовала то же, что и я, в ее глазах было то же желание. Ей тоже меня не хватало. И хоть она была счастлива в замке, была с любимым Гарейном, у нее что-то забрали.

Невинность.

И все пропало, в ее взгляде появилось что-то еще. Страх.

— Эви, — вскрикнула она, — что ты наделала...? — ее глаза увидели что-то за моим крылом. Она закричала. — Эви!

Я оглянулась и увидела страшную птицу, у которой были человеческие глаза. Я резко развернулась, полетела и поспешила к утесу.

Ларк спешила за мной на коне, выкрикивая мое имя. Я была высоко, я могла только смотреть на нее, на ее развевающиеся волосы. Она шла прямо к краю. Гарейн кричал ее имя, но был слишком далеко. И тут другие появились отовсюду, преследуя ее и крича:

— Миледи!

Ее белый конь застыл на краю. Ларк слезла с него, опустилась на колени, потом встала на ноги, глядя вверх и протягивая ко мне руки.

— Нет! Эви, нет! Стой! — молила Ларк, пока не охрипла. Гарейн тоже кричал, мчась с мечом наперевес. Тревога звенела в замке, люди выбегали во двор, чтобы помочь...

— Это лишь птица, миледи, — крикнула старушка. — Никакого вреда!

Но кто-то указал на небо:

— Не птица, а предвестник! Они идут!

— Эви, осторожно! — закричала Ларк. Я на маленьких крыльях увернулась от страшного монстра, летевшего на меня. Я пролетела мимо его груди, ощутив жар. Существо бросилось в атаку, но стрела, выпущенная кем-то внизу, попала монстру прямо в сердце, и существо взорвалось вспышкой света и шума.

Гарейн мчался на сером коне, ветер откинул назад его каштановые волосы. Он добрался до края утеса, слез с коня, опустил меч и одним движением обхватил рукой Ларк. Она попыталась вырваться, всхлипывая:

— Она применила заклинание, Гарейн. Эви колдовала! Смотри на птицу! Они заметили ее. Они придут... Она в опасности!

— Все хорошо, любимая. Он близко. Он найдет ее.

— Как? Он даже не знает, где она! Мы не знаем, где она! — ее ничто не успокаивало, хотя решительные лица окружали ее. Они шептали, пытались ее приободрить, пока Ларк выпрямилась, умоляя. — Хватит, Эви! Перестань делать это! — она развернулась к

остальным, словно кто-то из них мог поговорить со мной.

Но они смотрели не на нее, а на небо, где кружила я. Шепот перерос в тревожные предупреждения, коней отправили в загоны. Гарейн кричал:

— Все внутрь! Дартен, найди Илону! — Ларк тоже оглянулась, и ее лицо побелело. Она закричала:

— Беги, Эви! Призыватели наступают!

Двое мужчин вскинули мечи, защищая Гарейна, а он схватил Ларк за пояс и попытался увести ее. Но она стояла и умоляла:

— Он должен спешить! Мы должны его подгонять! Лорен должен ее найти! — она вырвалась, злясь из-за своей беспомощности. — Я должна видеть! Должна...

Гарейн схватил ее, вместе они побежали в замок. Я не увидела, добрались ли они, но имя Лорен кружило передо мной, как ответ на последний вопрос, возвращая меня к тому невыносимому видению...

Дым окружал меня. Я уже не была над землей, а сидела на брусчатке, глаза слезились, я едва дышала из-за дыма. Я узнала площадь Мерит, суету во время нападения Тротов. Я узнала кровь на камнях. Здесь был Райф, холодный, закрывший глаза. Я содрогнулась, меня пронзила боль, ужас того, что я опоздала, что я уже не могла спасти Райфа. И... что я не сказала ему, что любила его.

Жестокое сознание, горькая боль. Они переполняли меня, поглощали, опустошали. Я забыла о Тротах. Я не думала смотреть, в безопасности ли я. Я вообще не думала.

И даже когда я оглянулась, когда увидела приближающегося Трота с когтями и обнаженными зубами, я лишь слабо удивилась, а потом ощутила яростное желание: «Убей меня».

Но желание не исполнилось. Трота пронзили в прыжке, вместо него теперь был спаситель. Всадник. Сильный, темноволосый и синеглазый. Которого звали Лорен, теперь я знала. Мы на краткий миг взглянули в глаза друг другу. На миг.

«Видеть» — последний вопрос. Я думала, что в Мерит я должна увидеть еще раз смерть Райфа, его бездыханное тело, ощутить горе. Но заклинание показало мне другое: то, что я видела в пылу сражения, но не успела осознать.

Взгляд Лорена — искренний и обезоруживающий.

И я унеслась прочь от камней к небу, к камню, к воде, к земле. Я содрогнулась и открыла глаза, хватая ртом дыхание, я рухнула на землю, словно меня сбросили с высоты.

* * *

Ночь. Проницательность продержала меня от утра до заката. Звезды мерцали над головой, трава была мягкой. Что-то отличалось, может, изменилось болото. Может, дело было во мне. Я моргнула и повернула голову на звук бляения. Козы стояли там, где я их оставила. Слышалось журчание ручья. Я подняла руку и увидела, что она на месте. Уже не крыло. Я была целой. Я была живой. Я пережила заклинание.

Но не без последствий.

5

Лорен.

Шепот в ушах. Я не обращала на него внимания, я встала, покачиваясь, и начала разбирать круг так же степенно, как и раскладывала его. Я разожгла с помощью угольного

камня огонь на ветке бука, а потом вонзила ветку в землю. Я вернула камень, перышко и кольцо в сумку, собрала оставшийся пепел и высыпала в ручей. Я промыла чашу песком из ручья, а потом вернула ее в хижину. Камень за камнем летели в ручей, я разобрала круг.

Лорен.

Во второй раз шепот заставил меня замереть. Я остановилась и попыталась отогнать его, глядя на болото. Я отвязала коз, добралась до своего склада еды и съела пригоршни черники и одуванчиков, глубоко дыша и успокаиваясь. Козленок неподалеку рыскал что-то в траве, вскоре меня с голодным интересом окружила вся их семья, мне пришлось делиться. Потом я почистила зубы и вымыла руки в ручье, расправила на траве бирюзовую накидку и легла спать.

Лорен.

— Хватит! — громко прошипела я ночному небу. Но имя шептали снова и снова, и я закрыла глаза, желая, чтобы наступила тишина. Но имя осталось. — Что это? — пробормотала я и села. Я не понимала. Я не могла получить отдачу от заклинания в виде имени в голове. За водопадом была ракушка, Ларк была в замке, там было что-то ужасное, что напугало ее...

А я думала об имени.

Я лишь раз видела глаза того Всадника, и хотя я понимала, как силен был тот взгляд, он все же был коротким. Он попал по Троту мечом, взглянул на меня и умчался прочь, пока я сидела с Райфом, пока Куин и Керрик Свон не унесли его с площади.

Одиннадцать из двенадцати Всадников пришли в тот день в Мерит, а не один. Все они помогали нам спасти деревню. Они все были героями. Когда дым рассеялся, когда мертвых монстров убрали, приготовили еду. Всадники были благодарны горячему ужину, а мы благодарили их за спасение, но меня там не было. Я осталась с Райфом, я мыла его тело, зашивала рану, одевала его, пока они с печальной ноткой праздновали. Одиннадцать Всадников вскоре ушли, вскоре исчезли следы копыт. И позже я спросила у Куина, как звали Всадника с темными волосами и синими глазами. Я спросила, потому что это было вежливо, ведь именно он спас мне жизнь.

Имя ничего не значило. Так почему Всадник был ответом на совет Харкера открыть глаза?

Я встала с самодельной постели и пошла вдоль островка в свете звезд. Я скользила пальцами по кустам, и шелест заглушал шепот имени. Но слово оставалось на языке, и я сама шепнула его раз, другой. Лорен, *Лорен* — я зажала рот руками. Я любила Райфа! Я была бы рада стать его женой, видеть его теплую улыбку, спокойную силу, помогать в саду и на рынке, у нас был бы дом на западном конце деревни, а пухлые розовощекие дети бегали бы в саду. И наш мир был бы полон смеха и сладких ароматов. Я страдала, ведь все это уже не осуществится, и сосредотачиваться на имени было смешно.

— Вот так, прекращай! — я трижды хлопнула в ладоши и широко раскинула руки. Рассеивая мысли. Но шепот был в воздухе. Я стряхивала с себя дрожащими ладонями имя Всадника. Но когда я замерла, шепот слышался в воздухе. — Как это глупо, — выпалила я и пошла прочь от камышей. Шепот раздался вдаль, из болота, и я не смогла не обернуться. Там ничего не было. Но другой шепот послышался ближе, а потом за моей спиной. Я снова и снова оборачивалась...

Шепот заполнял болото. Я готова была смеяться над этим наваждением, но звук вдруг изменился, становясь совсем другим...

Она...

Голоса становились все громче.

Она... Она...

Я застыла и смотрела на стену камышей. Там было темно, ничего не было видно. А шепот вернулся, он возникал то с одной стороны, то с другой. А камыши тихо шелестели, хотя ветра не было.

Шелест перерос в треск, стебли ломались. Ночь уже не была тихой. Три дня я провела в тишине, а теперь на болоте что-то было. И это что-то чувствовалось.

Искало.

Она... Она... Она...

Я отступила от границы, ошеломленная такой переменной, холодок бежал по спине от этого шепота. Не Троты, они не говорили. И не келпи, они могли лишь угрожать. А этот шепот звучал дружелюбно.

Она... она...

Лишь миг. Короткий и зловещий.

И я вспомнила испуганный вопль Ларк:

— *Беги Эви! Беги! Призыватели идут!*

Я развернулась, безоружная, лишь в нижнем платье. Мысли ускорились, но я не видела растений, что могли бы создать барьер, зато в хижине была метла. Я побежала по траве, натянула на себя платье и накидку, обула сандалии и закинула на плечо сумку. Шелест становился все громче. Сколько еще есть времени? Сколько их там? Я бежала в укрытие хижины в темноте, благодаря хозяина дома, что оставил метлу, ведь ею можно было защититься.

Нападение... Ужасное слово. И я подумала вдруг о дедушке Райфа, что пострадал в нападении Тротов. Ларк сказала, что старик с честью принял смерть, как сделал бы любой житель Мерит. Не думаю, что я так смогу, но и сдать я не могла. Я планировала свою смерть столько раз, желала ее, но Целитель во мне тут же вмешивался.

Я нашла метлу, наступила на нее, чтобы отломать древко. Лучшего я не придумала. Никто в Мерит не умел сражаться с оружием. Насилие для нас было неприемлемо.

Я вышла наружу и прислушалась. Над болотом стояла неестественная тишина. Я подняла голову. Звезды казались тусклыми, что означало, что восходит луна. Я посмотрела на коз. Они толпились у хижины, тяжело дыша и тревожась. И я отошла от них в центр полянки, поставила самодельное копьё перед собой и, словно воин, приготовилась защищаться.

Наш островок ждал, замерев. Тишина становилась все страшнее, словно все вокруг задержало дыхание. И...

Раздалось испуганное бляенье, пронзившее молчание. Я развернулась, чтобы увидеть нарушителя, но лишь тень пробежала по траве и исчезла раньше, чем я успела моргнуть. Я замахнулась в другую сторону, другая маленькая тень выбежала из камышей, но пропала, за ней еще одна, а там и еще. Тени, маленькие, быстрые и бесшумные, словно летучие мыши. Но сотни: «Она!» — доносились из камышей, темные создания направлялись ко мне.

Я выругалась и побежала. Они преследовали меня, эти обрывки тьмы летели быстро. Никаких лиц, рук или ног, но они касались моих рук и лица, словно жгучая крапива. Я кричала и отбивалась древком метлы. Я попала по нескольким, ведь послышался ужасный рвущийся звук, ударил в нос запах серы. Я споткнулась, хватая ртом воздух, стараясь

отбиться от теней, но я уже была окружена, они наступали. Их было так много, что они казались непроглядной тьмой, облаком, что подняло меня и понесло над болотом на невероятной скорости, оставляя за собой сломанные стебли камышей.

Я отбивалась, но раненые заменялись новыми, и бесконечные тени гудели — Она! Она! — пока слово не стало сплошным жужжанием. Я не успевала бороться с ними, с этой скоростью...

И вдруг мы оказались за пределами болота, где над широким прудом, притаившемся среди кустов, поднималась луна. Она заливала воду серебром. Она делала мои волосы серебряными, была маяком в этой тьме. Свет, казалось, ошеломил тени, они разлетелись, злобно шипя. Я упала на живот в воду.

Я вынырнула из воды и пошла прочь от болота. Шаги были неровными, я шла, едва думая об этом. Но тени со мной еще не закончили. С криком они собрались в кучу над моей головой, и в этот раз их было еще больше. Я пригнулась. Сумка и накидка задерживали меня, но воды было лишь до подбородка. Я то спотыкалась, то ныряла, появлялась на поверхности, чтобы вдохнуть, а существа нападали, загоняя меня в центр. Когда я вынырнула в третий раз, они снова оказались слева, толкая меня на север. Они направляли меня.

Я вдохнула глубже и ушла под воду, направляясь к болоту. Я выбралась на влажную землю и пошла к камышам, но луна выдавала меня. Мои волосы сияли, даже будучи мокрыми, словно я сама звала тени к себе, а они уже были здесь, окружали, удушали, гудели...

— Прочь! — вопила я, ударяя по ним. — Отстаньте! — я глотнула воздух и бросилась в воду, устремляясь все глубже. Но это не спасало, ведь я лишь тянула время, а не сбегала. Я могла задержать дыхание, но не знала, что делать дальше. Я открыла глаза под водой, пытаюсь понять, где я обронила древко метлы...

Помощь подоспела неожиданно.

Я ныряла в реку в Мерит и в пруд в Данн. Порой рыбки и зеленые насекомые плавали среди прядей моих волос, словно они были водорослями. Но я никогда еще не видела, как пруд пронзает свет. Лунная вода. Этот феномен происходил только во время полнолуния и только в илистых прудах, потому его считали редкостью, почти легендой. Лунный свет пробивал спиралью путь в воде, создавал истинный свет, а не отражение, и этот свет каплями воды расплывался по пруду. Они мерцали, окружая меня, и было так красиво, что на миг я забыла о темных существах, я смотрела на сверкающие вихри. Я подняла руки, и огоньки собрались у моих пальцев...

Свет. Я вырвалась из воды под темной тучей и бросила этот свет в них. Они разлетелись, собрались снова, а я кричала, радуясь, что нашла на них управу, я нырнула снова за светом. И снова. Я была воодушевлена, а тени злились. Они разлетались и собирались снова. Каждый раз я выныривала и брызгала в них светом, и они злились, гудя все громче.

Они должны были устать и сдаться. Я бросала в них лунную воду, глядя, как тени разбегаются, ныряла и зачерпывала еще. Тени не скрывали злость, их гудение уже напоминало топот копыт по камню...

Я подавилась, вдохнув воду и свет. Неподалеку во тьме слышался настоящий топот копыт. И принадлежал он явно коню, а не пони, ведь я слышала и видела коней Всадников в Мерит в тот день. Этот звук я забыть не могла.

Топот был все громче. Тени ощутили его приближение. Они поднялись, оставив меня, и

бросились над прудом. Свет луны вспыхнул на воде, тени бросились в стороны, и теперь они напоминали существо с огромными руками, что раскинуло их, собираясь поглотить того, кто спешил сюда.

Копыта и шумное дыхание. Дыхание, крики, звон меча. Запахло серой, теней было так много, что я не могла видеть бой за ними. Резко заржал конь, и всадник его закричал во тьму, и я поняла, что их было не одиннадцать, как в тот раз, а всего один наездник на одном коне.

Он один сражался с этой тучей.

И не побеждал.

Мужчина тратил энергию, но разве мог его меч справиться с существами, похожими на дым, что появлялись снова, едва предыдущие исчезали? Их становилось только больше. Я слышала страдания коня, ведь всадник отказывался сдаваться.

— Стой! — крикнула я из воды. — Я помогу! — я нырнула и поплыла к берегу. — Я помогу!

— Назад! — последовал приказ в ответ. Но я его слушаться не собиралась. Он не справится один, он проиграет это сражение.

— Двигайся! — кричала я. — Я знаю, как их остановить! — я развязала узел накидки и ее капюшоном зачерпнула, как миской, лунную воду. Я тащила накидку к берегу к теням, туда, где должен был топтать копытами конь. — Двигайся, — крикнула я и вылила содержимое на тени.

Взрыв отбросил меня в воду. Я закашлялась, выплывая на поверхность. Монстр, которого они создали из тьмы, разбился, словно стекло, и осколки разлетались в стороны. Я ударила рукой о древко-копье и схватила его, потом бросила на берег вместе с сумкой, что пыталась меня задушить, впившись в шею. Я уже видела силуэт мужчины.

— Слезай с коня! — я убрала с глаз мокрые волосы и указала на сумку, пытаюсь четко отдавать указы. — Достань угольный камень! Они вернутся. Я могу задержать их, но ты должен разжечь пламя. Там есть палка. Они не любят свет!

Он не ответил. Не было времени. Тени возвращались с криками, быстрые, словно стрелы. Я нырнула и принялась плескаться на них лунной водой, ударяя по поверхности пруда. Все расплывалось. Я кричала, мне вторил конь, гудели тени, а потом...

А потом со вспышкой света послышалось последнее шипение теней. Я лежала на мелководе и глубоко дышала, глядя на небо, где луна заливала серебром край болота, пруд, коня и всадника, что стоял на берегу возле горевшей кучи мха и ткани. С коня капал пот, шея его блестела в свете костра. Силуэт мужчины снял с коня упряжь и седло. Он склонился рядом с лошадьёю. А конь отправился к воде. Мужчина подошел ко мне.

Бой не прошел бесследно. Он шел прямо, но походка была неровной. Он судорожно дышал. А я? Мое дыхание было не лучше. А когда он приблизился, лунный свет стер все тени, раскрывая его лицо. Я увидела темные пряди волос и ярко-синие глаза.

Я резко встала, оказавшись по щиколотку в воде, промокшая. Он остановился на берегу пруда и попытался улыбнуться.

— А... тебя... было... сложно... найти...

И Всадник Лорен покачнулся и упал лицом вперед в воду к моим ногам.

Темные, словно перья ворона, волосы ниспадали до челюсти. Лицо его было загорелым и гладким. Густые ресницы прикрывали глаза. Он был таким же высоким, как в тот судьбоносный день на лошади.

Я смотрела, как Лорен спал, рухнув от усталости.

Тени ушли. Они исчезли, словно кошмарный сон. Я вытащила Всадника из воды и оставила на укрытом мхом берегу. Я срезала камыши, собрала сосновые шишки и разожгла костер. Я сняла с Всадника рубашку и повесила сушиться у огня. А потом подошла к его коню — большому и черному, из ноздрей его вырывался пар, я протирала его бока мокрой накидкой, искала раны. Были лишь неглубокие царапины, а я много раз исцеляла пони, чтобы понимать, что конь не ранен, просто устал. Они долго ехали.

«Сложно найти», — сказал он. Ларк говорила во время заклинания: «Лорен должен ее найти». Всадник шел за мной.

Я вернулась к нему и тканью, что была привязана к его поясу, вытирала кровь и грязь с его ран. Я никогда не смущалась мужского тела. Работа целителя была понятной, я клялась себе, что думаю только о красных каплях на руках и груди Всадника. Но я часто останавливалась и отходила, чтобы унять дыхание, словно это я ужасно устала. Я понимала, что работаю сбивчиво, из-за этого результат был не таким хорошим. Я заставляла себя уделять внимание деталям, вести себя так, как Целитель ведет со всеми, проверяя переломы, очищая и исцеляя раны.

Но я сдалась, растерялась из-за своей реакции, я села в стороне от Лорена и смотрела на него. Любопытство съело меня, и я решила, что если все узнаю от Всадника в этот раз, что мне больше не нужно будет думать о нем. Это займет время. Всадник был полон вопросов — история боли, что отпечаталась на лице, силы, что строилась на долге. Это можно было прочитать по его телу.

Руки могли принадлежать скульптору, а лицо и тело — вдохновлять. Квадратная челюсть, легкая щетина, впавшие щеки — его лицо могло быть мрачным, как и взгляд, но этого не было. Лорен, хоть и был Всадником, не был рожден для этого. На левой скуле виднелся синяк от падения, он пройдет к концу дня. Порез над ключицей продержится чуть дольше, если я найду митрен и сделаю мазь, это касалось и свежего пореза на груди. Не было ничего серьезного. Но были давние шрамы от давних ран. Ран, которых касались руки других Целителей, но не постоянно. Я дала бы Всаднику двадцать пять лет. Интересно, скольких Целителей он видел?

А потом мне стало интересно, почему я задалась этим вопросом.

А один шрам тонкой линией шел над его левой бровью к виску. Он был старым и едва заметным, многие его не увидели бы. Но я привыкла замечать то, что было лишним. Рана была ужасной. Лорен явно потерял тогда много крови, пока трава или рука не запечатали порез, могли задействовать и заклинание. Белый целитель работал над этой раной. Идеально поработал. Я вытянула руку и провела пальцем по шраму, ощущая тепло и жизненную силу Всадника...

Я отстранилась, встала на ноги и отправилась по берегу. Зачем я касалась его не как Целитель? Это было предательством по отношению к Райфу, так я думала. Я должна прекратить это. Но я вернулась, ругаясь, что Лорен пришел, и заставила себя закончить начатое. Я ополоснула его вещи и развесила сушиться, а потом сняла с его коня седло, отвела его за голову отдыхать. К седлу был прикреплен узелок из ткани. Я раскрыла его. Внутри лежала еда — сухари, чашка и нож, какой-то пирог, пахнущий овсом, и это я отдала его

коню. Я оставила сухари на ткани для него, наполнила чашку водой. Я расстелила накидку. Лорена я уложила на нее и отошла в сторону. Ему не нужен дальнейший уход, он был силен.

Было неприятно, что я так и не получу ответов от Всадника, но мне и не хотелось с ним говорить. Я уже отбросила воспоминание о его взгляде, о его коже под моими пальцами. Я не хотела слышать его голос, чтобы он потом все время звенел в моих ушах.

Костер из камыша начал дымить. Я его не разжигала заново. Скоро рассвет. Я склонилась и подхватила Всадника под плечи, передвигая его. Простое движение, так я делала часто: если правильно использовать силу рычага, то я могла передвигать даже тела, что были вдвое тяжелее меня...

Но вдруг все стало не так просто.

— Что?

— Ай!

Его крик, мой вскрик, стук. Я стащила его, но теперь он был надо мной, прижав к земле ловким движением, сжимая рукой мое горло. Я была удивлена, а он оказался быстрым.

Но я тоже была быстрой, рефлексы давали о себе знать. Моя рука впиалась в кожу под его ребрами, я ущипнула его в точке, что заставило его замереть, и я успела выбраться. Он выругался и вздрогнул, но Всадник был обучен, он схватил одну мою руку, затем другую, потянул на себя и прижал весом к земле.

Прошло лишь мгновение. Он прорычал:

— Кто?.. — и его глаза расширились, он резко отстранился. Я развернулась и посмотрела на него, тяжело дыша, глядя, как выражение его лица меняется от боевого до удивленного, а потом до веселого, когда он заметил накидку на земле и свой оголенный торс.

Но веселье растаяло, когда он посмотрел на меня.

— Леди, — прошептал он и вежливо кивнул. Он убрал волосы с глаз. *Леди*. Смешно.

— Меня зовут Эви Кэрю, — но я пожалела, что назвалась. Зря я не назвалась Евой, чтобы звучать старше.

Всадник кивнул, оглянулся на меч, ведь тот оказался далековато от него. Он подхватил его плавным движением и оценил вес, а, может, свою силу, разрезав мечом воздух. Он огляделся, видимо, ожидая возвращения врагов.

— Ты сказал, что меня было сложно найти, — выпалила я, глядя на него. — Зачем ты меня искал?

Всадник вскинул брови, словно вопрос был глупым, или это относилось к мечу. И я добавила:

— Моя кузина, Ларк, попросила тебя? Скажи ей, что со мной все хорошо, — вот и все. Я думала, что все закончилось. Отряхнув юбку, чтобы выглядеть занятой, я надеялась, что он займется своим конем или начнет собирать вещи, что я взяла у него.

Он вложил меч в ножны.

— Нет, миледи. Я не вернусь. Я останусь защищать тебя.

— Зачем? — вопрос вылетел, словно выдох. Я и забыла свое обещание ничего не спрашивать, чтобы не узнать о том, из-за чего будет сложно оставить этого Всадника. Я покачала головой, чтобы очистить мысли и заговорить серьезнее. — Я иду одна. Меня не нужно защищать. И помощь мне не нужна.

— Всем нам нужна помощь, — мирно ответил он.

— Тебе нужна.

Он усмехнулся, но спросил серьезно:

— А ты не испугалась того нападения?

— Я не боюсь смерти.

— Бывают вещи и хуже смерти, — он вскинул брови в ответ на мои слова и на свою реакцию. Но потом я увидела его сожаление и понимание, словно он вспомнил тело Райфа на площади, словно подумал, что я уже видела то, что хуже. Улыбка угасла. Повисло молчание, и атмосфера изменилась.

Я быстро сказала:

— Твои раны неглубокие. Заживут. И конь в порядке, — я кивнула на его лошадь. — Как его зовут? — *хватит спрашивать, Эви!*

— Арро.

— Арро, — повторила я и встала на ноги, поднимая накидку и сумку. Развернувшись, я поняла, что мне некуда идти. Остаться на болоте не хотелось, ядов у меня уже не было, а домой я вернуться не могла. Выбор был быстрым: на западе была какая-то тень, наверное, лес. И я пошла туда, остановилась и оглянулась, подозревая, что он смотрит.

— Спасибо, — сказала я, стараясь звучать ровно. Я развернулась и пошла к теням.

— Миледи, — позвал он меня. Я прикусила губу и продолжила идти. — А ты? Ты так быстро исцелилась?

Я застыла. Что он мог знать о моей ране, моей потере и боли? Я оглянулась. Хотелось сказать что-то резкое, чтобы он перестал мне сочувствовать. Всадник стоял, его озарял лунный свет.

— Твои раны, — сказал он, указывая. — Осмотри их.

Я опустила взгляд на свои руки, с которых свисала мокрая накидка. Они были в длинных глубоких царапинах, кровь уже засохла. Я коснулась лица и шеи, и ладони стали красными. А я даже не заметила.

— Камыши, — я присмирела. И мне не нравилось это внимание.

— Или тени, — предположил он и кивнул на пруд. — Тебе нужно умыться.

Словно он мог указывать Целителю, как лечить. Но я все же прошла к пруду, опустила на землю сумку и накидку и сняла платье, бросив его и только потом поняв, что смысла в этом не было, ведь все было мокрым. Я была не в себе.

Тени. Он назвал их так же, как и я.

— Тени, — начала я, смывая кровь. — Что это было?

— Следы Пустыни. Они приходят из-под земли, их редко видят на поверхности, но если собьются в такой рой... Тени, вроде, и не опасные, но могут ранить, если их разозлить. Толпой они могут подхватить и унести. Их можно обхитрить, но нужно быть быстрым, — и он с горечью добавил. — Я быстрым не был.

— Быстрым? — *хватит вопросов, Эви!* Я прикусила язык, пока не успела спросить о Пустыне.

— Нужен огонь или источник света, как ты и говорила. Я знал, что это лучше, чем сражаться с ними. Но не понимаю, почему сработала вода?

— Лунная вода.

Лорен посмотрел на меня, а потом кивнул, словно уже слышал такое название. Он сказал серьезнее:

— Спасибо, что помогла.

— Мы квиты, — я выбралась на поверхность и оделась. — Если они вернуться, я буду

знать, как их остановить.

— Они не остановятся.

— Но ты же сказал. С ними легко расправиться, — я была нетерпелива, было трудно казаться спокойной, когда я такой не была. Я хотела уйти. Мне хватило событий этой ночью.

— Тени — меньшая из наших бед, — отметил Всадник. — *Они* могут управлять землей, огнем, собирать опасных существ, вытаскивать из людей худшее...

— Они? — не поняла я. — Кто *они*?

— Призыватели. Они найдут тебя. И не остановятся.

Ветерок подул на нас. Я сказала:

— Ты нашел меня, Всадник Лорен. Ты из Призывателей, которых не остановить?

— Нет, — он немного замешкался, словно смутился. Так это поняла я.

— Как ты меня нашел?

Всадник посмотрел на пруд поверх моей головы и тихо сказал:

— Лунный свет на воде...

Холодок пробежал по коже. Лунный свет на воде... Так говорил провидец. Я развернулась. Луна отбрасывала на воду серебристую дорожку. И пока я стояла у края воды, она приводила к моим ногам.

Я оглянулась на него и поежилась. Он вдруг спросил:

— Ты не знаешь, кто ты, миледи? С чем мы боремся? Тебе никто не рассказал?

Я сказала:

— Я Целитель, — хоть и испорченный, но это я не сказала. — Я не сражаюсь.

Этого не хватило.

— Твоя кузина была в Мерит после сражения с Тронтами. Она не рассказала тебе?

— Ларк была ранена, а когда ей стало лучше...

— Ты ушла.

Я отвела взгляд.

— Я не могла тогда говорить...

— И куда же ты идешь, миледи? — мягко спросил Всадник. — Ты знаешь? — я снова поежилась, но не от ветра. От его голоса.

Я не ответила, и он снова спросил:

— Думаешь, твоя кузина Ларк все еще в Мерит?

Я сказала:

— Думаю, она с одним из ваших Всадников. С Гарейном.

— Так и есть.

— Но... Я видела стены, замок, — я не могла молчать, ведь видение было странным. Я взглянула на него. — Не этого я хотела для нее, — или для Всадников. Но Лорен нахмурился.

— Что значит «видела»?

— Я сделала заклинание. Увидела Ларк в замке. А она — меня.

Лицо Лорена стало мрачным. Он медленно вдохнул, рука его коснулась рукояти меча.

— Вот что имела в виду королева в сообщении. Потому они так быстро пришли.

— Кто? Призыватели? Какая королева?

— Твое заклинание — ты открыла им проход. Нам нужно уходить, — он оглянулся и понял, что я все его вещи отвязала, потом покачал головой и пробормотал. — Мы останемся наготове...

Я не сдвинулась.

— Так сказала Ларк: «Призыватели идут».

— Так и есть. Тени — это мелочи, — он сложил еду и уже скручивал быстрыми движениями накидку. — Не надо было создавать заклинания. Это было глупо. Оставь одежду и накидку, они слишком мокрые. Прицепим их к седлу, — он поднял упряжь.

Я возмутилась:

— Ты не понял? У меня свой путь.

— Куда? Зачем? — Лорен надевал уздечку на голову Арро, шепча ему. — Еще упрямее, чем ее кузина.

— Я не прошу тебя следовать за мной!

Он бросил через плечо спокойным тоном:

— Я не следую. Я иду рядом.

Все не так. Я жалела о заклинании, но ему говорить не собиралась. Если Призыватели хотели наказать меня за то, что я перешла границу дозволенного Целителям, пусть так и будет. Но я не хотела идти с этим Всадником, тревожить еще свежие воспоминания. А он и не спрашивал, словно поход со мной и не был для него вопросом! Пока он седлал коня, я подобрала мокрые вещи и сумку.

— Ты допустила ошибку. И теперь опасности будут идти друг за другом, — сказал Лорен. Он услышал, что я ухожу, и заговорил громче. — Если справишься с одним, они пошлют другое, и так, пока не получат тебя, — я не слушала его и уходила.

Лорен тревожно позвал меня, и я ускорила шаги, тревожась из-за его голоса, а не из-за опасностей, о которых он говорил. Его голос был бальзамом.

Он пошел за мной, ноги стучали по земле, и я с яростью сказала, не оборачиваясь:

— Если будешь навязываться, я сбегу. Я знаю, как лечить, но и знаю, как ранить.

Может, он уже это знал. Лорен замедлился, но безмолвно шел за мной. А потом сказал:

— Я не могу заставить. Это выбор. Ты хочешь быть одна?

— Да.

— Тогда... — его рука оказалась на моей, он развернул меня лицом к себе, — я должен кое-что сначала сделать.

Всадник был слишком близко, в его глубоких синих глазах можно было утонуть. Я безумно подумала, что он собрался меня поцеловать, его ресницы опустились, он посмотрел на мои губы, а потом взметнулись, и он поймал мой взгляд. Его рука скользила по моей, он потянул за узкую лямку нижнего платья и стянул ее с моего плеча. Накидка и платье выпали из моих рук. Он склонился ближе, касаясь лбом моего лба, его дыхание было таким легким, касалось моей кожи запахом сандалового дерева. Я не могла ни дышать, ни говорить. Я таяла в его руках, словно воск.

Брови Лорена поползли вверх из-за моей податливости. Я тоже понимала отчасти, что это абсурд, что я веду себя странно. Но я не думала, я тянулась к его губам. На миг его губы почти коснулись моих, но Всадник попятился, взгляд его скользнул по моей шее и его пальцам, схватившим меня за руку. Он крепко схватил меня за плечо и прижал другую ладонь к моей спине...

Я закричала, когда вспышка тоски взорвалась во мне, упала на колени под ее весом. Лорен потрясенно отступил. Мы безмолвно смотрели друг на друга. Он взял себя в руки и выпрямился, собранный, серьезный и, наверное, злой.

— А теперь, миледи, если хочешь идти одна, ты хотя бы не останешься

незащищенной, — он развернулся и пошел к коню, что терпеливо ждал его.

7

Я поднялась, схватила свои вещи и пошатнулась. Ноги дрожали, я слышала свои причитания:

— Что это было? — выдохнула я. — Что это? Что ты наделал?

— Связь, — мрачно отозвался Лорен. Он добрался до своего коня и закреплял седло. — Без формальностей, но так было нужно.

— Нужно? Стой! — я выронила вещи и споткнулась, растерявшись. Почти поцелуй, я глупо потерялась в этом чувстве. Что-то сладкое, горькое, неуловимое — в той вспышке пролетело множество эмоций, и я была и переполнена, и опустошена этим, не могла понять точно. Я даже не была уверена, что знаю свое имя. Как-то я оказалась возле коня и вцепилась в поводья, склонившись к боку Арро, держась за него и дыша. — Не уходи, Всадник, не объяснив этого.

Лорен застыл на миг, вдохнул и легонько коснулся моей левой лопатки.

— Здесь, — сказал он. — Твоя метка. Я ответил на твой зов. Это, миледи, был мой выбор. Вам я его предоставить не мог. До встречи.

Он взобрался на коня и подтолкнул его. Я раскрыла рот, поводья выпали из моей руки. У меня не было сил.

— Этого... не... хватит, — задыхалась я. В голове стоял звон. Я уперла руки в колени, попыталась вытряхнуть звук из головы, злясь, что сначала он принес прекрасные чувства, а потом такие отвратительные. — Что за зов? — кричала я вслед ему. — Какая связь? Почему твой выбор?

— От этих вопросов появится лишь еще больше вопросов, миледи, — отозвался он, словно знал, что я пыталась не спрашивать ничего. — Вам бы лучше уйти, пока не рассвело.

— А тебе лучше рассказать мне, что я должна знать, — парировала я. Но он не ответил.

Лорен проехал несколько ярдов, остановился и подождал... пока я уйду. Всадник выполнял мой приказ, позволял мне уйти. Но сам не спешил уходить, словно хотел убедиться... в чем? Что я не погибну? И только из-за Всадника я нервничала, из-за его присутствия я была не в себе, а от этой связи мне было плохо.

Я отвернулась и пошла в противоположную сторону. Я не помнила, куда собиралась уйти. Но я увидела свою одежду на земле и подошла к ней. Я принялась надевать платье через голову и замерла. Голова кружилась от постоянного звука. Мокрое платье, мокрое нижнее белье, я стояла, так и не надев платье до конца, было холодно. Мысли путались. Я бросила платье к ногам, желая рухнуть рядом с ним. Но я пока еще могла стоять и идти, потому я зашагала, таща за собой одежду и сумку. Звон не прекращался, он был невыносим. Я пробивалась сквозь этот шум, словно в меня дул сильный ветер.

Я пошла вдоль пруда, но рухнула на колени из-за звона в голове. Намерения были забыты, как и Всадник. Меня охватило отчаяние из-за беспомощности, я не знала, как защититься, как исправить все. Руки дрожали, зажимая уши, пытаюсь спастись от ужасного шума.

Что он наделал? В голову впивались иглы. Я была на коленях, потом на земле, перекатилась на спину, сжала виски, смотрела на небо, а визг в голове лишь усиливался.

Тени кружили в слабом свете. Если они вернуться, пусть. Они могли забрать меня,

содрать кожу с костей, зато звук прекратится. Земля дрожала под моей спиной, стучали и топали копыта.

— Хватит! — кричала я, моля, чтобы меня смог кто-нибудь услышать. — Прекратите! — но я вдруг взмыла с земли, мир взорвался. Тень в небе стала сгустком пламени, вспышка света и шум — так ужасная птица взорвалась в видении заклинания. На миг звон утих, и я увидела Лорена, он был без коня, защищал меня, размахивая рубашкой и мечом, словно подавая сигналы. Но нет. Он ударял ими темных существ, они не успевали напасть на нас, они взрывались, а Лорен стоял среди этого хаоса, сосредоточенный и смелый...

* * *

— Эви.

Блаженная тишина. Чирикали птицы, дул ветерок.

— Эви, открой глаза.

Я послушалась и прищурилась. Лицо Лорена было надо мной. Мои глаза расширились. Небо было тусклым, но ясным. Никаких теней или облаков.

Челюсть плохо двигалась, ведь до этого я сильно сжимала зубы.

— Что случилось?

— Стрижи. Птицы Призывателей, — сказал он мрачно. — Они очень быстрые.

Опять Призыватели.

— Ты их сжег.

— Стрижи взрываются от прикосновения чего-нибудь, связанного с землей. Их легко уничтожить, но они разрушительны. Целители почти с ума сходят.

— Этот звук... — я думала, это было из-за прикосновения Лорена. Все случилось в одно время. Но теперь я могла мыслить, монстры ушли... Осталось лишь тепло связи.

— Тени, стрижи... Призыватели выбирают существ, что окружают тебя и задавят.

— Задавят? — я быстро села, чтобы доказать, что не придавлена. Все кружилось.

Всадник схватил меня за руку и помог успокоиться.

— Потому тебе нужно быть собранной и внимательной.

— Если им нужна я... — это мне не нравилось, — ты не рассказал, почему.

Он вскинул брови.

— Я думал, это ты не спрашивала.

Замечание было спокойным, но по горлу поднялся странный жар.

— У меня есть глаза, — парировала я. — И я вижу, что тьма шла к нам. Засуха, Троты, мертвые жители деревень, испуганные выжившие, а теперь... — я указала на небо, словно тени и стрижи могли вот-вот вернуться. — Что Ларк не рассказала мне?

— Миледи, ты ведь хотела уйти? Уходи, пока твои волосы укрывают тебя в сером рассвете. Тебя будет хуже видно... глазу.

Он играл со мной. Я попыталась встать, не сдаваясь:

— Что она мне не рассказала?

Лорен не ответил, но протянул руку, я ее не приняла. Я выпрямилась, проверяя равновесие. Я уже не раскачивалась, осталось лишь тепло в области метки. Она покалывала. Так происходило и с жаром в горле, покалывали и воспоминания о том, что я ожидала, нет, хотела поцелуй... Глупо. Я уперла руки в бока с яростью.

— Я должна знать, какой опасности ожидать.

Всадник окинул меня взглядом — мою стойку и взгляд — и тихо сказал:

— За что ты так сильно цепляешься? Это не страх.

— Едва ли, — фыркнула я.

Его рот чуть изогнулся. От этого взгляда можно было покраснеть, но я заставила себя сдержаться. Он сказал:

— Не нужно доказывать мне свою смелость, миледи. Я знаю о ней. Удачи, — он развернулся и пошел к коню.

Ничья. Мы поменялись местами. Всадник знал, что мне некуда идти, знал и о любопытстве. И я догадывалась, что он не собирается меня отпускать. Но кто сдастся первым? Я чуть сдвинулась, но развернулась и вернулась. Я не могла притворяться застенчивой.

— Если я позову тебя с собой, ты ответишь на *все* мои вопросы.

Намек на победу заставил Всадника вздрогнуть, но он лишь бросил через плечо:

— Светает, миледи. Лучше найти укрытие, а там и поговорить, — он взобрался на коня. Я отвела взгляд от болота. На западе небо бледнело, было уже не пепельным, а жемчужным. Неподалеку было несколько деревьев. Можно ли их считать укрытием? Я посмотрела на Всадника.

Он опустил руку. Я замешкалась.

— Езжай, — сказала я. — Я кататься не умею.

— Это, — отозвался он, — и не нужно, — Лорен впервые по-настоящему улыбнулся мне. — Твоя кузина быстро научилась, — он быстрым движением втянул меня на коня и усадил перед собой на седло. Я сглотнула, его руки оказались вокруг меня и взяли поводья. Его обнаженная грудь была теплой за моей спиной. — Я тебя не уроню, — сказал он.

* * *

Я ошиблась. Укрытия были повсюду. Лорен выбирал осторожно, пройдя несколько рощ.

— Почему дуб? — спросила я, когда мы остановились.

— Лучшая защита от Призывателей, — сказал он, спешившись. — Остановимся и высушим вещи, — он обхватил руками мою талию и спустил на землю, а потом неловко отстранился, и я только тогда поняла, что цеплялась за него.

Я опустила руки, он повернулся к коню.

— Итак, я слушаю вопросы, миледи.

— Тогда я начну. Кто такие Призыватели?

— Враги, — сказал он, отцепляя от седла мокрые вещи.

— Почему?

Он улыбнулся.

— Неизбежность.

— С каких пор враг — это неизбежность?

— Видишь ли, — Лорен передал мне мою сумку и принялся развешивать вещи на ветвях. — Есть те, кто защищают Равновесие Природы, и те, кому хочется его уничтожить. И враги есть постоянно.

Я рассмеялась.

— Кто может быть врагом Природы?

Взгляд Всадника был лишен веселья.

— Хранители Равновесия и Призыватели Хаоса — противоположные силы, — сказал он. — Ты не знала?

Я покачала головой.

— Все на земле — результат Равновесия изначальных стихий Жизни, Смерти, Тьмы и Света. Долг Хранителей — защищать Равновесие, а Призыватели постоянно пытаются это нарушить, — Лорен перестал развешивать вещи и подошел ко мне. — Вечная борьба. Хранители не пускают Призывателей. А те ищут шанса впустить Хаос...

— Всадники, — перебила я. — Всадники на стороне Равновесия?

Он фыркнул.

— Ты звучишь неуверенно.

— Но, — сказала я, — ты убиваешь.

— С каких пор убийство не часть Природы?

— Но это намеренно... в бою.

Он замер. Я увидела, как он помрачнел.

— Я не Целитель, — ответил он. — И не из Мерит. Не сравнивай меня с вашим невинным... воспитанием.

Он явно хотел сказать не «воспитание». Его тон жалил. Я отозвалась:

— А я не из вашего жестокого мира, так что не рассчитывай, что я пойму.

Лорен снял седло с Арро.

— Точно, — согласился он, смягчившись. — Порой у нас нет выбора, и приходится брать оружие, особенно, когда жизнь в опасности, — он оставил седло на пне. — Ты ведь понимаешь, что у Призывателей преимущество, — продолжил он. — Война не прекращается. Происходящее это только доказывает. И станет только хуже.

Я задумалась.

— Это связано с поиском ракушки?

Лорен выронил поводья и вышел из-за дуба ко мне.

— Ты ведь не говорила с кузиной?

— Нет. Но я вспомнила часть куплета: «Песнь ракушки услышь, дождь к...»

Он схватил меня за руки.

— Где ты это слышала?

Я застыла, не ожидавшая его прикосновения.

— Ты спокойно отцеплял седло, говоря о судьбе Земли, а теперь бесишься из-за каких-то слов?

— Ты знаешь. Откуда?

Всадник был слишком близко, глаза его были синими.

— Я встретила старика, провидца, — сказала я, едва дыша. — Он сказал, что наступает тьма, что я должна найти ракушку, — и что я пряталась от чего-то, что еще не видела. Я вдруг захотела, чтобы провидец ошибся во всем.

— Провидец, — Лорен встревожился. — У него было имя?

— Харкер.

Его взгляд ожесточился.

— Держись от него подальше.

Я вспомнила старика, что был одиноким и мучился от боли.

— Он безобиден.

— Безобиден? — рывкнул он. Лорен отпустил меня и отошел. — Он — причина всего этого.

— Как? Почему?

— Харкер предложил Призывателям то, чего у него не было, и это привело к новой

атаке, — его тон ужасал. — Об этом он явно умолчал.

Я потирала руки, его хватка была крепкой.

— Но зачем он сказал мне найти ракушку?

— Надеюсь, из чувства вины, — прошептал Лорен. — Миледи, та ракушка — амулет, один из четырех, что защищают Хранители в замке Тарнек. Но из-за этого предателя мы потеряли их, Призыватели украли их, — он поджал губы. — Они разбросаны и скрыты, они пытаются выманить нас...

— Что за амулеты?

— Шар, ракушка, камень и меч. Символы Жизни, Смерти, Тьмы и Света, изначальных стихий.

Я потеряла дар речи.

— И... что они делают?

— Они связаны под надзором Хранителей. Так оберегается Равновесие, циклы этих сил защищаются. Если амулеты разделены, силы становятся нестабильными, все живое в опасности.

— Почему? — прокричала я, удивив Всадника. Но я вдруг разозлилась из-за этого разговора, не желая верить, что такой силой беспечно играли. — Почему все так просто... Почему наши жизни в опасности из-за разделенных амулетов?

— Просто? — оскалился Всадник. — Ты ничего не знаешь о бесконечном присмотре Хранителей! — он отошел, взял себя в руки и вернулся. Его голос был ровным, но все еще слишком громким. — Подумай о Равновесии, о потоке изначальных сил, ты ведь, как Целитель, связана с ними. Рассвет, закат, урожай и увядание... Каждый день, каждый год цикл повторяется. Почему? Потому что так должно быть. Если одной силы становится больше, или она исчезает, все пропало. Ты видела, что это привело к трем месяцам засухи, представь, что дождь вообще не прольется.

Слова ударили по мне.

— Ты говоришь о дожде! А не о свете, тьме... или смерти!

— Не будет дождя, — мягко, но настойчиво говорил Всадник. — Это выбор Призывателей. Понимаешь? Изначальные силы связывают Природу и Землю. Они должны быть в равновесии, тогда сбалансированы и элементы — земля, вода, ветер и огонь. Но в руках Призывателей амулеты становятся игрушками, — он сузил глаза. — Они могут убрать воду... если захотят.

Я услышала свой выдох, меня словно ударили этой угрозой. Засуха была прихотью жестокости.

— Теперь ты понимаешь, как они играют нашими жизнями, — Лорен подошел и прошептал это. — Они не могут разрушить амулеты, но могут управлять, обернуть Природу против себя. Разорить землю и свести с ума существ. Они нападут с такой силой, какую мы не видели. Амулеты нужно вернуть, чтобы помешать им.

Я, вроде, кивнула. Веселье и злость исчезли. Плечо покалывало, во мне была нить тепла...

Лорен склонил голову, разглядывая меня.

— Я вижу сомнение в твоих глазах. Ты задаешь все вопросы, но не главный. Задать его за тебя? — он заговорил еще мягче. — Почему Призыватели ищут тебя, Эви Кэрю? Что пробудило эту связь?

— Моя метка. Наверное, она что-то значит, но я не знала... — я замолчала,

задумавшись. Провидец боялся моей метки, спрашивал, что у меня общего с Ларк. Я с подозрением посмотрела на Всадника.

— Кузина. Кто она?

Он сказал:

— Лучше спроси, почему твою кузину выбрали искать помощи Мерит.

— Потому что были знаки!

— А кто посылал их, миледи? — я покачала головой, и он ответил. — Ларк призвали Хранители из замка Тарнек, нам нужна была ее помощь. И нужна твоя помощь.

Всадник был слишком близко, и это, и его слова заставило меня задержать дыхание.

— У каждого амулета есть Страж, который может спасти или разрушить его. Четыре амулета — четыре Стража, Стража Тарнека. Только они могут найти и вернуть амулеты, восстановить Равновесие. Ларк — одна из них.

Ларк. Милая и робкая Ларк. Как это? Но в этом был смысл.

Я прошептала:

— Я хорошо знаю кузину, ее связь со всем, а значит, она ваша Стражница Жизни.

Кивок. В груди заболело, следующий вопрос было сложно задать.

— Если Ларк — Стражница Жизни, то кто я?

— А ты, миледи, Стражница Смерти.

8

Жар поднимался по горлу к щекам. Я отшатнулась.

— Это не то, о чем ты подумала, — сказал за моей спиной Лорен.

— Откуда тебе знать, что я подумала?

— Твои глаза вспыхнули, когда ты отвернулась, словно ты пыталась отогнать это. Словно это оскорбило тебя.

— Не связь, Всадник, а титул, — я встревожилась, что он такое заметил. — Я Целитель. Как я могу быть Стражницей Смерти?

— Ты не так понимаешь. Ты видишь в смерти зло.

Я вспыхнула:

— Я никогда не видела зла в смерти! Это необходимость! — но после Райфа я не видела в ней смысла. Смерть преследовала меня... или я шла за ней, а теперь этот юноша бросил ее мне, увенчал меня этим словом. Я была уязвлена этим. Если я Стражница, то почему не Света? Или хотя бы Тьмы? Лишь мы не Смерти.

Но Лорен тихо сказал:

— Не Смертоносная Стражница, а Стражница Смерти, ее амулета. Конечно, ты Целитель. Единственная из немногих.

— Так назвал меня Харкер. Вы с ним одинаково говорите, а его я считала сумасшедшим.

Фырманье.

— Он хитер, но не безумен. И говорил правду. Стражница Смерти — самый сильный Целитель. Ты последняя стоишь между жизнью и смертью. Ты пропускаешь только тех, кого уже не спасти.

Только тех, кого уже не спасти? Я была потрясена. Холодок пробежал по спине, колени дрожали, внутри было пусто. Я вдруг расхохоталась.

— Разве я спасла жителей Берн или тех умирающих среди обломков, когда проходила мимо? Разве я...?

Спасла Райфа... Я не могла сказать это вслух, но Лорен словно услышал и понял. Он тихо сказал:

— Но ты можешь найти амулет и спасти этим многих.

Я резко села, все еще смеясь. Я не могла остановиться.

— Так легко звучит, — Лорен покачал головой, но я смеялась. — Ну, да. Да, Всадник. Пойдем к водопаду, достанем ракушку и спасем...

Лорен тут же спросил:

— Водопад?

— Да... водопад, — я вытерла нос, хихикая. — А что? Мне не положено это знать? О, это нужно скрывать. Призыватели плохо стараются.

Всадник прошептал:

— Как ты узнала?

— Заклинание. Я увидела озеро, утес, с которого стекали потоки воды, — мне было очень смешно, я сдалась истерике, не думая о своем поведении, плечи дрожали. Лорен подошел ко мне, серьезный и тревожный, он опустился передо мной и сказал:

— Эви, ты говоришь о форте Грена. Это союзники Тарнека. И оставить амулет на виду... это слишком просто. Уверена?

Я что-то выдохнула, пытаюсь сказать «да». Лорен повторил настойчивее:

— Уверена?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он схватил меня за плечи, так я хваталась за плечи Рафинна, когда прогоняла из него панику. Теперь я была тем безумцем, а Всадник — мной, он встряхнул меня, кожа горела под его руками, но смех превратился в икоту.

— Хватит! — я оттолкнула его руки. Усталость заполнила меня, я уткнулась лбом в колени, дрожа. Стражница Смерти. Я должна была, по словам Харкера и Всадника, быть ею. Но забрать ракушку, скорее всего, сложно, словно вырвать руками дуб.

Что подумала Ларк, когда ей сказали об этом?

Лорен не извинился, он встал и отошел на пару шагов. Он посмотрел на меня и снова сказал:

— Утес. Водопады. Ты уверена.

— Это заклинание Проницательности. Оно не врет, — устало ответила я.

— Ясно, — он нахмурился. — Я отведу тебя туда.

Я покачала головой и вздохнула.

Лорен не сдавался:

— Всего день пути. Может, меньше, если поспешим.

— А потом?

Я слышала молчание, словно мое невежество все еще удивляло его, или он не верил в такую легкость.

— Заберем ракушку, — сказал он. — Вернем ее на место в Тарнек. И восстановим цикл Равновесия.

— Нет.

— Ты даже коня не испугалась!

Я подняла голову.

— Я сказала нет, Всадник.

Молчание звенело, а потом:

— Значит, отказываешься идти. Или... отказываешься помогать? — он злился. — Ты не можешь быть такой глупой.

Я вскинула голову.

— Я устала, Всадник, — заклинание, ночь с тенями и Всадник, а теперь еще и долг Стражницы свалился на мои плечи, и я уже не могла бороться с усталостью, едва дыша. Я грубо сказала. — Сам придумывай причину, а я не могу идти сейчас с тобой или без тебя.

Лорен замер, но потом кивнул, вытащил накидку и бросил на землю рядом со мной.

— Миледи, — указал он. Не так грациозно, но он и не насмехался.

Я устроилась на ткани, улеглась и отвернулась от него. Я не знала, ляжет ли он тоже, но оставила ему место. Я закрыла глаза, радуясь, что усталость мешала думать.

Но я с любопытством прошептала:

— Ларк нашла свой амулет?

— Да.

* * *

Целителям ничего не снится. Сны не могут завладеть нашим сознанием. Но я проснулась растерянной. Было что-то не так в том, как угасающий свет играл на траве, как ветерок шелестел травой, это напоминало мне Мерит, минуты, когда я лежала под яблонями поздним летом, вдыхая запах фруктов.

Он прислонился к стволу дерева, на него падала тень, ножом он вырезал что-то из дерева, быстрым движением отбросив волосы со лба. Он ощутил мой взгляд, нож замер. Повисла тяжелая тишина, словно даже птицы перестали петь.

Я прошептала:

— Райф?

Тихо, но Всадник услышал. Он посмотрел на меня, вышел на свет. Я быстро села и протерла глаза. Конечно, я была под дубом, а не яблоней, и накидка была другой. Да и Всадник был выше, если подумать.

Лорен вернулся под дерево. Но я все смотрела на него, думая, стоит ли извиниться, чувствуя себя раскрытой, словно нечаянно сболтнула секрет. Лорен был спокоен, он сосредоточился на работе. И опустил взгляд. На свету разница между Всадником и Райфом была очевидной, но я скользила по нему взглядом. Если он и заметил, то притворился, что ничего не происходит.

Я спросила без причины:

— Шрам на виске, Всадник. Откуда он?

— Это было давно, — мне не стоило спрашивать.

— Над ним поработал Белый Целитель, да?

Лорен замер.

— Мужчина или женщина? — я не имела повода спрашивать и это.

Но он ответил:

— Никто, — он больше ничего не сказал, убрал ножик и выпрямился, вежливо добавив. — Одежда высохла.

Я надела платье. Оно затвердело, но пахло солнцем. Лорен приблизился, сжимая в руках копьё из дерева, он заострил наконечник. Второе копьё. Он сказал, увидев мое лицо:

— Ничто не запрещает Целителю защищать себя.

Я взяла копьё. И коснулась кончика, чтобы убедиться, что им можно пронзить. Я хрипло сказала:

— Нужно сначала что-то поесть. Желуди...

Но Лорен уже протянул еду.

— Сухари найти быстрее.

Я приняла их и тут же проглотила в два укуса, что развеселило его.

— И что смешного, Всадник? — спросила я с полным ртом.

— Такое неземное и милое создание, похожее на королеву фейри, ведет себя так... по-человечески.

Я удивленно замерла.

— Тебе повезло, что я не фейри, Всадник Лорен, — ответила я, сглотнув. — Я слышала, что они разбивают людям сердца.

— Они могут, — он кивнул и отошел. Надев рубашку, он прицепил к седлу свою сумку и взобрался на Арро. Я подхватила свою сумку и накидку и пошла за ним, но вернулась за копьём.

— В этот раз я сяду сзади, — сообщила я, когда он протянул руку. Он послушно помог мне сесть за ним, и я была рада, что никаких вопросов не последовало. Мне было не по себе, ведь он назвал меня милой, ведь он не знал, что мое возражение означало, а я не хотела, чтобы он видел на моем лице эту борьбу мыслей. Я поправила платье и устроилась удобнее. Копьё я закрепила между полосок кожи на седле, а потом неловко обхватила Лорена за пояс.

— И где форт Грен? — спросила я в его плечо.

— На юге, — отозвался он. — Древние каменоломни во впадинах Вестран. Е известняке вырезали себе жилища люди, что давно борются с Призывателями.

— И сколько было столкновений у Хранителей и Призывателей?

Его плечо под моей щекой дрогнуло.

— Равновесие всегда привлекает бой.

* * *

Мы покинули рощу. Я крепко держалась, решив, что ошиблась, прижавшись к его спине. Но он сказал, что ехать всего день. Надеюсь.

Пейзаж сливался в моих мыслях. Порой я замечала особые растения, что помогали пищеварению или от боли. Я думала о сухаре, после маленького кусочка которого долго не хотелось есть. Солнце село, мы проходили впадины. Чай... припарка... рука Лорена держала мою руку, чтобы я не соскользнула со спины Арро, ведь темп укачал меня.

Арро резко остановился и повернул налево, врываясь в гряду деревьев. Мы пригнулись под ветки и замерли. Я обернулась, но Лорен, сжав мою руку, призвал к молчанию и указал вверх. В небе были вороны, они кружили и каркали.

— Что-то приближается, — выдохнула я. Ему не нужно было отвечать.

Лес был редким. Лорен повел Арро в густую рощу, соскочил с него и крепко привязал поводья к ветке. Всадник впервые привязал коня, и я это заметила.

— Оставайся... — начал Лорен, взглянув на меня, а потом увидел мое бирюзовое платье и нахмурился. Он снял меня с коня и подвел к липе. — Залезть сможешь?

Я кивнула. Он подтолкнул меня, и я взобралась. Лорен вернулся к Арро и выхватил меч, копьё отдал мне.

— Залезь выше. Юбки подбери.

Одной рукой я помогала себе взбираться, я нашла крепкую ветку наверху и оттуда

посмотрела на Всадника. Он выбрал дерево гикори на краю тропы. Он прислонился к нему спиной, обеими руками сжимал меч и застыл. Я смотрела на него, ожидая, чувствуя, как замедляется биение сердца, удары отдавались эхом. Предвкушение каплями пота стекало по шее.

Топот, но не пони, а тяжелых ног, звякающих металлом. Они бежали, но синхронно. Лорен поднял меч. Я схватила копьё и склонилась вперед.

Солдаты в броне, уродливом порождении печи кузнеца. Шлемы, нагрудники, наплечники, плотные перчатки. Металл обезображивал их, словно они ходили с костями наружу, они были черными, тяжелыми и угловатыми. Они были с оружием — цепи, топорики и сабли, жестокие варианты того, что я видела на ярмарке. И рисунки на броне были зловещими, но знакомыми: круг, который пересекала изнутри Z — такой знак был на руке Рубера Минла.

Их было десятеро, даже не армия, но они были угрозой. Дорога огибала деревья, солдаты были все ближе, каркали вороны, протестуя. Они шагали целенаправленно, пыль поднималась из-под сапог, и казалось, что они идут по воздуху. Я прикусила губу, стараясь не дышать, хотя запах пыли и пота достигал моего носа. И в этом поте была велика жизненная сила. И упор был на силу, а не на жизнь.

Они шли, ветви дрожали от их шагов. Я посмотрела на Лорена, а он повернул голову и следил. Они исчезли, а он не шелохнулся. Шло время. Вороны успокоились, а мы не двигались. Я смотрела, как движется меж листьев свет, пахло сладостью. Я почувствовала, как меч Лорена касается моей сандалии, и я поползла вниз.

Он подхватил меня и помог спуститься с последней ветки. Я чувствовала его злость.

— Стража из Тира, — сказал он, хмурясь. — Рыщут.

— Скоро бой? Сейчас? — удивленно спросила я. — Они сражаются с Призывателями?

— Тир наравне с ними.

— А я думала... — но мысли исчезли, я осознала слово «наравне». Тошнота подступила к горлу. Я знала слухи об этом городе, но я не верила, что люди могли помогать тьме, помогать ей разрушить их же мир. Вопрос мой был глупым. — Почему?

— Жадность. Зло.

Слова его звучали, как пощечина, губы он поджал, словно у Всадника были свои проблемы, связанные с ними. Я начала спрашивать, но вспомнила слова Харкера, что началось все со зла в Природе, а стало злом в людях.

— Зло наступает? — прошептала я.

— Словно вирус. Находит слабости и захватывает.

Я, наверное, вздрогнула, Лорен коснулся моей руки.

— Хаос принять легко, — мягко сказал он. — Равновесие требует борьбы. Из-за этого мы слабы. Помни.

Я кивнула. Слабы. Так тоже говорил Харкер, пытался запугать меня, страшным голосом спрашивая, в чем моя слабость.

— Итак, — Лорен выпрямился. — Тир рыщет.

— Форт Грен?

— Глупо думать, что они отправили лишь десятерых, — сказал Лорен. — И эта дорога почти на виду. Нам нужно быть осторожными, — он вернул меч в ножны и направился к Арро.

Я вдруг окликнула его, ужасная мысль сковала меня.

— Они... стражи ищут меня?

Лорен замер, покачал головой.

— Отыскать Стражницу можно и более подходящим способом, — но он добавил то, что не звучало приятно. — Но у тебя с Призывателями одна цель.

* * *

Всадник был прав. Целью была не я. Дорога повернула на запад, и мы увидели их: двадцать три мужчин и мальчиков, вооруженных сельскими инструментами, защищаясь, лежали на земле, словно сломанные куклы.

Дорога была в крови.

9

Я спрыгнула с коня и подбежала к первому телу, ко второму. Лорен соскочил с Арро раньше чем он остановился.

— Есть кто живой? — крикнул он.

Я нащупывала пульс, разглядывала раны и качала головой снова и снова. Я нашла старика, хрипевшего и с розовой слюной, и подняла его голову на свои колени, краем накидки вытирая с его лица кровь и грязь, смахивая пыль с белых волос.

Его глаза открылись, он закричал и отшатнулся, словно все еще был в бою. Я вскрикнула.

— Все хорошо! — попыталась достучаться до него я. — Вы в безопасности.

— Они забирают нас. Мы не смогли их остановить, — руки мужчины вцепились в меня, он пытался приподняться.

Я обхватила его пальцы и крепко сжала. Я чувствовала, как жизнь уходит из него с каждым выдохом, вытекает из ладоней, ее нельзя было удержать.

— Мы можем помочь, — уговаривала я. — Расскажите, как!

— Верните меня. Моя деревня... Мы не хотим быть рабами...

— Рабами? — слово было неприятным. Я не верила раньше в такие слухи о Тире.

— Верните меня, — молил он. — Я должен остановить...

Мужчина умирал, выдавливать информацию было жестоко. Я недовольно скривилась, но обхватила его голову руками, ожидая, пока его кожа потеплеет, пока исцеляющая энергия рассеет страх.

— Вы в безопасности, — говорила я. — Ваша деревня тоже, — я надеялась на это. — Вы доберетесь домой. И увидите это сами. Все будет хорошо, — я повторяла это, пока его лицо не расслабилось, голос и прикосновения утомили боль. Биение сердца замедлялось. И все. Я закрыла его глаза и опустила его голову на землю, мне было плохо. Я уже не знала, скольких умиравших я успокоила, не в силах помочь им...

— Эви!

Я поспешила к Лорену. Он держал на руках мальчика, которому было не больше девяти, с ужасной раной от меча спереди.

— Он дышит, — сказал Всадник.

Морковные волосы, веснушки, рыжие ресницы, ярко выделяющиеся на лице.

— Солдаты искали рабов, — прошипела я, разрывая окровавленную рубашку. — Так не может быть... не может! — я злилась на Тир. — Что это за место, где других заставляют подчиняться?

— Это для шахт.

— Каких шахт? — Всадник ответил слишком быстро. Я вытерла кровь, чтобы увидеть рану, мои руки впервые задрожали. Рана была длинной и глубокой, почти как у Райфа. Я сглотнула и сжала челюсти. Я должна спасти мальчика.

— Шахты камней в Тире, — сказал Лорен. — Туда могут забирать людей.

— Нельзя *забирать* людей, — я рвала рубашку мальчика. — Останови кровь, — приказала я, протягивая обрывки Всаднику. Я подбежала к Арро, схватила свою сумку и флягу с водой с седла и вернулась. — Сильнее прижимай! Останови кровотечение.

Я открыла фляжку, намочила обрывок ткани и вытирала ею руки Лорена. Я принялась искать в сумке травы, забыв, что все ушли на заклинание и для провидца. Осталась лишь склянка от миньона, которую я со злостью выбросила. Лорен посмотрел на меня.

— Миньон, — я вела себя грубо. — Быстрее! Миньон здесь растет?

— Я не знаю, миледи.

Официальность Всадника подсказала мне, что спасти мальчика поздно. Но я хотела помочь. Я вскочила на ноги и побежала к траве у дороги, двинулась вдоль края. Клевер, ромашки, молочай, но не миньон. Да и откуда ему здесь быть? Миньон был редким, он не рос у дороги. Я в отчаянии сорвала молочай. Сунула в рот, разжевала на бегу обратно и выплюнула на ладони.

Я бросилась к Лорену. Кровь пропитала ткань, его руки, все вокруг.

— Ты слабо прижимаешь! — закричала я.

— Ее не остановить, — тихо сказал Лорен.

— Нет! Это *ребенок*! — конечно, Всадник был прав, но я все равно кричала на него, на всех, лишь бы избавиться от гнева, что пылал в моей груди, в моем сердце. — Мы должны спасти его! — процедила я и исправилась. — Я должна спасти его.

Лорен не ответил, только убрал руки и отошел. Я смазала рану молочаем. Кровь текла из нее, и зелень превратилась в черное месиво, черными были и мои руки. Я давила на рану, сцепив зубы, молча, желая, чтобы мои руки удержали смерть, ведь я еще чувствовала. Чувствовала в нем жизнь.

— Нет. *Нет!* — я отчаянно склонилась и поцеловала веснушчатый лоб. Почему я так цеплялась за жизнь? — *Останься!* — кричала я ему. Я знала, что расстроена, я отряхнула руки и снова прижала их к ране, умоляя. — Живи, — но поздно. Мальчик, что еще утром мог бегать по полю, носить воду из колодца, собирать яйца на завтрак, теперь не двигался, покрытый кровью.

Как и все здесь.

Я выпрямилась и отошла, принялась вытирать руки о траву, а потом стала оттаскивать тела к краю дороги. Лорен безмолвно присоединился, оттаскивая другое тело. Мы укладывали их рядом друг с другом, молчали, словно мертвецы. Здесь не стоило их сжигать или закапывать. Их нужно было оставить, чтобы их забрали семьи. Но когда Лорен потянулся к рыжеволосому мальчику, я остановила его.

— Он с нами, — заявила я. — Мы отнесем его в его деревню.

— Если деревня еще есть, — прошептал Лорен. Но он не спорил. Он обернул мальчика своей накидкой и устроил осторожно на седле. Он протянул руку, чтобы я взобралась, но я покачала головой.

— Я пойду пешком.

— Оба пойдем, — сказал Лорен. И мы повезли ребенка домой.

* * *

Мы следовали на запад, к рассвету. Я не спрашивала, меня душил гнев. Как люди могли убивать других, порабощать других? Кто сжигал дома и скот, разрушал поля? Что подстрекало эту жестокость и ненависть к жизни?

Я не знала, о чем думал Лорен, но он тоже крепко сжимал челюсти. Мы не говорили.

Вдали был дымок, сначала невинный, словно из труб. Но его становилось все больше, и я уже видела, что горит.

— Их дома, — я бросилась вперед. — Мы должны помочь.

Лорен схватил меня за плечо, остановив, и кивнул на поле кукурузы у дороги.

— Лучше подойти по полю. Нас не заметят.

Я пошла первой, раздвигая высокие стебли, что засыхали, тоже страдая. Дым был все плотнее, он разносился ветром, и я прижала рукав к лицу, чувствуя горький запах. Зачем скрываться, если сухие листья выдают наше приближение? Мы уже опоздали.

Мы остановились у края поля, глядя на разрушенную деревню. Не было ни людей, ни животных, кроме тел овец, похожих на упавшие облака.

Восемнадцать домов и три амбара обгорели, пламя охватило их слишком быстро, чтобы посчитать его обычным. Девятнадцатый дом, что стоял ближе всех к общему колодцу, остался целым.

— Они намеренно оставили его, — прошептал Лорен.

— Тогда узнаем, почему, — сказала я и сорвалась с места.

Лорен остановил меня.

— Не так быстро, миледи. Солдаты могут использовать этот дом. Они могут быть близко.

Я резко развернулась.

— И? Дым скроет меня. Я почти одного цвета с ним, — так и было. Моя кожа, волосы и платье были серыми.

Мы смотрели друг на друга. Мои зубы были сжаты, его губы напоминали тонкую линию. Лорен смягчился. И начал:

— Тебе больно, я знаю...

— *Нет*, — яростно прервала его я. — Ты сказал, что я отпускаю лишь тех, кого не спасти. Не жалей меня.

Всадник замешкался и сказал:

— Будь начеку, миледи. Я спрячу Арро и догоню, — он повел Арро глубже в кукурузу.

Едкий запах горелого дерева, камней и соломы. Я пробиралась вперед, мощеная дорога была горячей. Дым тоже, но я никогда не видела последствий такого костра, что моментально сжигал все. Это не было похоже на дикие нападения Тротов. Я разглядывала сожженные сады, пытаюсь увидеть травы или цветы, хотя бы корешки, что могли пригодиться в исцелении. Почти ничего не осталось.

Я заглянула в окно уцелевшего дома, увидела огонь на кухне, котелок на нем и старушку рядом, и все выглядело так спокойно, но странно посреди разрушения. Она была одна. Я пригнулась и подошла к двери, где прошептала:

— Госпожа.

Старушка выпрямилась, хоть и с трудом. Я, наверное, напоминала призрака, потому что она зажала рукой рот и пошатнулась.

— Ой! Ты кто така?

— Где солдаты? — прошипела я.

— Рядышком вроде...

— Скорее, — попросила я. — Идите за мной!

Она застыла.

— С тобою? Куда? Я не могу уйти, — она постучала костылем.

— У нас есть конь.

— Конь! — она приблизилась, разглядывая меня в тусклом свете. — У кого — у нас? Вы колдуны?

Я покачала головой и протянула руку, но она отстранилась.

— Они придут кушать. Уходи. Уходи или прятаясь. Скорее! Пока тебе не увидели.

— Кушать! — я вошла, а она попыталась меня прогнать. — Вы их кормите?

— Не думай, что я хочу! Но выбора нету! Куда я пойду? — старушка помрачнела. Она перестала прогонять и отвернулась. — Ох уж этот изъян. Иначе я была б с остальными.

— Радуйтесь! Мы отведем вас в другую деревню.

— Радоваться? — рывкнула она. — Ты не понимаешь! Нет другой деревни! Они нападут на них завтра или дальше. Радуются те, кто далеко от Тира.

Я была поражена, но выпалила:

— Как можно так хотеть рабства? Люди на дороге умерли, пытаюсь спасти вас от...!

— Молчи! — перебила она, голос был горьким и холодным. — Знаю, что соседи умерли! Их кровь была на их топорах! Люди в железе связали остальных, как скот, увели их. И, нет, я бы лучше была с моими, чем прислуживала мучителям! — она прошла, хромя, к котелку.

Я пошла за ней.

— Мы пришли помочь.

— Помочь! — она фыркнула. Она уже не верила, что ей могут помочь, что ей стоит помогать, да и не думала ли я так же? — Пришли из ниоткуда и шепчете: «Сбежать!». Уже поздно!

Я вдохнула. Я жалела, что вела себя грубо, спорить было глупо.

— Но мы принесли одного для похорон, — сказала я.

Она выпалила:

— И кого это вы принесли?

Я не сдалась.

— Мальчика с яркими рыжими волосами.

Ее изогнутая спина напряглась, не желая мириться с этим, но она вздохнула и сказала:

— Поди, Бен. Он не должен был идти. Но что ты ему скажешь? Будь рабом? Нет. Он хотел сражаться с ними. Нельзя его винить за это, хоть я так и не сделала, — она потрясла в отчаянии кулаком. — Они забрали всю мою деревню! В чем толк этого старого тела? Или ребенка? Они все заберут!

Женщина возмущалась, но она уже сдалась, ждала конца. А он был близко, ведь уже никого и ничего не осталось. Я посмотрела на ее полки. Там была лишь соль и мед. Перевела взгляд на котелок, только там хоть что-то было. Была еда для мучителей, как она сказала. Последняя еда.

— Они ведь не ушли, — почему я не подумала об этом раньше? — Они вернутся за едой!

— Перекусят, а потом убьют, — сглотнула она. — Мне приходится служить. Ничего не

осталось, видишь ведь. Если хоть кто-то из других деревень появится, они нападут на его дом следующим. Может, они знают, что солдаты просто сожгут их.

Я едва ее слышала.

— Уже почти стемнело. Где солдаты?

— Наверное, на юге, у проема реки. Хотя там воды почти не осталось. Но там глубоко, утес не даст толпе сбежать.

— Сколько их? — спросила я. — Сколько солдат?

— Тринадцать. Сначала пришло трое, потом еще десять, — она повернула голову ко мне, словно хотела увидеть мою реакцию на слова. — Я слышала о солдатах, но не думала, что они придут по нас. Да, были похищения, пропадали мальчики и девочки для их шахт, но теперь они забрали все. Жадные! И оставили меня! — она стукнула тростью по котелку.

Оттуда вылетели брызги, костер зашипел. Я взглянула в окно.

— Когда они вернутся за едой?

— Уже скоро. Я же говорила тебе спешить!

— Не бойтесь, — сказала я. — Мы поможем вам и освободим ваших односельчан.

Старушка фыркнула.

— Ты и кто еще? У тебя милое личико. Не знаю, откудава ты, но лучше тебе бежать отсюда, пока не отправилась силком в Тир. Тебе не по силам железные мужчины, — она вскрикнула. — А-а! — она смотрела на дверь, где появился Лорен.

— Госпожа, — Лорен кивнул ей и тихо сказал мне. — Мальчик у колодца. Ногами к воде, головой в сторону восходящей луны.

Старушка не сводила с него глаз.

— Ты знаешь наши обычаи, но лишь зря тратишь доброту. Некому похоронить бедняжку Бена.

— Мы освободим ваших соседей, — повторила я. Лорен, знаю, смотрел на меня.

— Разве? — старушка повернулась к двери, ожидая, а потом ко мне. — И больше никого нет? — когда я ответила «нет», она покачала головой. — Даже с ним! — сказала она. — С ним и его мечом вы не справитесь.

— Да, — согласился Лорен. — Этого мало.

— Не мечом, — быстро сказала я, взглянув на Лорена. Он вскинул брови, но я улыбнулась. — Спрячьте его, — попросила я старушку. — Добавьте в рагу мед и горсть соли. Не давайте солдатам его есть. Я сейчас вернусь, — и я выбежала раньше, чем Всадник успел бы меня отговорить.

Я видела в одном из обгоревших садов валериану. И я была уверена, что найду среди корней кукурузы дурман. Я пригибалась, рыская по садам, потом в поле, собирая все, что только могло пригодиться. Валериана, дурман, ромашка. Это легко было найти среди пожухлой травы. Было бы проще, конечно, будь у меня гелиотроп из Мерит, но жалеть было поздно. Я задумалась, использовал ли его Харкер. Смог ли он поспать без кошмаров?

Дым рассеивался, но наступала ночь. И я была лишь тенью среди развалин, серая и быстрая. Но, двигаясь среди кукурузы, я застыла. Силуэт в доспехах стоял в дверях дома старушки. Она уже знала? Всадник успел спрятаться?

Старушка вышла, хромя, за ней шел другой солдат. Она что-то сказала, но мне не было слышно, и они ушли. В красноватой дымке виднелись лишь силуэты — два больших и в доспехах и еще один хромал. Но старушка держала голову поднятой высоко. И она намеренно шла еще медленнее, чтобы дать мне время, в этом я была уверена. Я была тронута

ее смелостью, тем, что она не сдалась, но не могла не подумать: к чему это приведет? Она все равно осталась одна.

Я покачала головой и побежала к дому, чуть не сбив Лорена, что вышел встречать меня с мечом. Он нахмурился, готовый отчитать, но я оттолкнула его с прохода.

— Что ты делаешь? Они скоро вернуться.

Он почти не сдвинулся от моей попытки оттолкнуть, но прошептал с совсем не милой улыбкой:

— Ты думала, что я буду прятаться, пока ты бегаешь по развалинам?

Я решила сменить тему.

— Вот. Помоги разорвать и насыпать в котелок, — я рассыпала по полу травы. — Маленькими кусочками. А то будет слишком горькое.

Мы были мрачными. Рука Лорена была готова схватить меч. Он не умел ждать. Он хотел действовать, расправиться с солдатами. А я приказала заниматься такой мелочью, когда он желал размахивать мечом. Но он послушно склонился над травами, разрывая дурман на маленькие клочки, бросая их в кипящее рагу.

Мы работали быстро. Засохшая кровь и грязь с наших рук пачкала травы, они чернели еще до того, как я бросала их в котелок. Они напоминали гнилые кусочки.

«Подавитесь», — зло подумала я.

— Идут, — вдруг тихо сказал Лорен. Он хватил меня за талию и утащил по крошечной лестнице в тень, дверь распахнулась. Голоса принадлежали трем солдатам и старушке. Я задыхалась, поправляя юбки, пытаюсь удержаться на краю чердака, небольшого выступа для хранения сушеных фруктов. Места здесь хватило бы лишь одному. Лорен обхватил меня, заставляя замереть. Лицо уткнулось в его грудь. За запахом грязи я ощущала его аромат теплого дуба, привкус сандала. Я сглотнула и попыталась повернуть голову, но сейчас это было бессмысленно.

— Не двигайся, — шепнул он мне на ухо. Его пальцы скользнули по моим волосам.

Мы ждали, замерев, слушая, как звякают доспехи. Двое что-то несли, они с гулким стуком опустили это у камина. Я ощутила запах вина. Старушка громко спросила:

— Этого хватит? Вы забрали все. Еда, вино. Этого хватит? Или ваши тени заберут еще и все солнце у нас?

Ее не слушали, хотя она пыталась уязвить их. Звякнул металл, вытащили пробку из бочки, бросили ее на пол, в дерево вонзился топор, вино потекло в чаши. Голос старушки оборвался. Ее тошнило, словно ее заставляли пить вино, солдаты смеялись, глядя на это. Я застыла, желая крикнуть, прыгнуть...

Страдания прекратились. По полу проехал стул, стукнул костыль. И за всем шумом я услышала более мягкий звук.

Старушка была мертва. Ее убили, пока мы прятались, мы не помешали этому. Я дернулась.

— *Стой*, — выдохнул он мне на ухо, это звучало приказом. Я и не могла сдвинуться, хватка Лорена была стальной. Я чувствовала тепло его крови, его ярости. Я хотела возненавидеть его за приказ, но он заставлял стоять на месте и себя, может, это было даже сложнее. Словно ему приходилось терпеть эту жестокость. Я вспомнила его шрам.

Бочку отставили, котелок с огня переместили на ее ручку. Я была так сильно сдавлена Лореном, что казалось, что сломаются кости, но он удерживал меня, ожидая, когда солдаты выйдут из дома. Последний пнул ногой в латах полено в камине, дрова с огнем рассыпались

по полу, и мы почувствовали запах дыма.

Лорен держал меня, и я успела досчитать до пятидесяти. Солдаты должны были уйти. Мы спустились. Я подбежала к старушке, Лорен вернул дрова в камин, потушил огонь ковриком.

— Она мертва! — прошипела я. — Ее пронзили мечом, пока мы прятались! — я скривилась. — Просто прятались!

Лорен мрачно сказал:

— Мы отнесем ее к колодцу, — он наступил на огонек на полу.

— К колодцу? Так же, как и мальчика, с такими же почестями? Мы позволили ей умереть, Всадник!

— Если бы мы вмешались, жертв было бы больше...

— Больше уже умерло! Мы ждали в лесу, пока солдаты шли нападать на этих людей! Мы никак не попытались их остановить!

Лорен повернулся ко мне и процедил:

— Ты думаешь, что мой меч и твоя зубочистка остановили бы их? У тебя даже нет при себе того копья!

— Я не...

— *Тринадцать* солдат, миледи! Десятерых хватило, чтобы убить больше двадцати людей, а потом окружить остальных, — Всадник был слишком близко. — Пусть ты и Целитель, Стражница Смерти, но тебя так же легко убить, как и ее, каким бы ни было оружие.

Он вытянул палец и коснулся впадинки под ключицей, я задрожала.

— Здесь, миледи, — его голос стал шепотом. — Стрела, копье, меч... И все. И что будет с нами? Ты нужна нам. Таков мой долг, — Лорен опустил руку и отошел, старушка теперь оказалась между нами. — Возьми ее за ноги, — сказал он. Я сглотнула, но склонилась, чтобы поднять ее.

Мы уложили ее тело рядом с мальчиком у колодца на площади. Лорен тут же отправился за Арро. Я задержалась, желая остаться одной. Я смотрела на Бена, которого Лорен осторожно положил ногами к воде. Я погладила его волосы, последнее очищение. Угли сожженных домов освещали площадь разрушенной деревни, его лицо, и мне захотелось, чтобы было темно.

— Мне так жаль, — прошептала я.

Рука легла на его лоб, теплая на холодном. Перед глазами возник бездыханный Райф. Я снова была беспомощной. Я никого не спасла.

— Прости, — прошептала я и ушла.

Лорен стоял с Арро, две сильные фигуры среди кукурузы. Он смотрел, как я подхожу, и я расправила плечи и вскинула голову.

— Река на юге, — сказала я, пройдя мимо него. — Там они держат заложников.

Лорен позволил мне пройти дальше, легко догнал меня и сказал:

— Злиться сейчас — это нормально.

— Я не злюсь, — соврала я.

— Ты почти не видела жестокости в Мерит. За эти два дня ты пережила многое. Осознать все сразу не так и просто.

— Я в порядке, — выдавила я и добавила. — Ты тоже это пережил.

Он пропустил это мимо ушей.

— Что ты подложила в рагу?

— Усыпляющие травы. Они быстро действуют.

— Усыпляющие? — вырвалось у него. — Всего-то?

Я резко развернулась.

— А ты думал, что это отравка? Что я убила их? Я не могу.

— Я не это...

— Ты не понимаешь мой жалкий долг, Всадник? Никакого вреда. Я такой родилась, я не могу это изменить! Я не убила солдат, я пыталась помешать им убивать, и, да, я могла умереть из-за этого! Думаешь, я рада этому? Ты можешь махать мечом, сражаться за добро или за зло, как захочешь! Я не могу. Что бы я ни чувствовала, я должна уважать жизнь, — я вдохнула, пытаюсь понизить голос, но сдавливать эмоции было слишком больно, их было слишком много во мне. — Ты хоть знаешь, как себя чувствуешь, когда умирает тот, кого ты мог спасти, а ты не можешь даже отомстить за его смерть?

— Знаю.

— Тогда не говори, что я должна убивать!

— Я и не говорил, — тихо прошептал Лорен. — Я верю тебе.

Этого мне еще никто не говорил. Я никому не была нужна. Это расстроило меня. Я назвала Целителей жалкими, это тоже расстраивало. Я согнулась, уперла руки в колени и пыталась дышать.

— Но я спрошу, — добавил Лорен. — Что мы будем делать, когда они уснут?

— Свяжем солдат, заберем доспехи, оружие... — голос утих, план казался детским на фоне жестокости. Лорен смотрел на меня и ждал. — Не важно, — сказала я. — У меня есть идея.

Мы подошли к утесу как можно тише. Лорен выхватил меч, сердце мое сжималось. Все ли солдаты поели? Все ли уснули? На краю светился костер. Лорен оставил Арро, жестом остановив его, и мы пошли дальше.

Река была почти на дне, поблескивала в свете огня. Ниже были связанные жители деревни. Они общались, пытались вырваться из пут, не боясь своих мучителей, что лежали на берегу реки. Тускло мерцали их доспехи.

Я схватила Лорена за руку. Он посмотрел на них, на меня, и я победно улыбнулась. Лорен разрезал мечом веревки и лозы, что связывали их — стариков, женщин, детей и подростков. Я подбежала к солдатам и принялась снимать доспехи, зажимая нос из-за вони.

«Они живут в этих доспехах», — подумала я. Кожа их была бледной, сдавленной жесткими пластинами.

Другие помогали мне. Мы снимали доспехи и оружие, собирали их у реки. Никто не спрашивал, почему мы не перережем им горло, но я слышала, как женщина тихо вскрикнула:

— Он дышит! — и страх был ошутим. Я отозвалась:

— Они не проснутся! Не бойтесь, — я сама боялась, что не найду способ покончить со всем без убийств.

И я увидела рыбацкие лодки, что покачивались неподалеку. Причал был на тонких ножках, воткнутых в уже высохшую часть реки, лодки были возле него. Я оставила солдата и вошла в реку, направляясь к ее центру и оценивая. Глубиной по шею, может, глубже... Хватит такой реки, чтобы унести тяжелую лодку? Жители деревни смотрели на меня.

— Река везде такая? — крикнула я. — Далеко она идет?

Кто-то отозвался:

— Вдали она мелькает. И впадает в море.

— Это! — я указала на лодки. — Нам нужно две лодки! — Лорен с двумя детьми побежал к причалу, обрезал их веревки и прыгнул в воду. Он оказался по грудь в воде и вскоре потянул за собой две лодки.

— Зачем это? — заворчал на берегу мужчина. — Зачем лодки? Возьмите их оружие! Убейте их!

— Нет! — завопила я из воды. — Нет! Не убивайте!

— Не убивать? — я разозлила их, послышался шепот. — Почему это? Чтобы они вернулись?

— Они убьют нас...

— Нет, сначала будут пытаться...

— Нет! Не ударяйте первыми, — я спешила к берегу. — Лучше не станет!

— А кто считает? — появились крики. — Ты кто такая?

— Придут другие, они будут еще сильнее! — не сдавалась я. — И не проявят милосердия!

— А эти разве не такие? Они оставили мне лишь злость!

— Мой дом сожжен! — другие поддержали. — Убили моего сына! Сожгли сад!

Я увидела фигуру самого молодого из пожилых мужчин, он отделился от толпы первым и направился к куче оружия. Он взял первую попавшуюся ведь — топор с длинной ручкой. Лорен уже был на берегу, на бегу он выхватил меч.

— Ты не ударишь! — приказал он. — Леди сказала пощадить их.

— Леди! Разве леди может требовать? — мужчина поднял топор над головой, пошатнулся от его веса и опустил на ближайшего солдата. Я закричала. Это было даже хуже людей, испугавшихся Трота. Эти люди были запуганы, но страх звал их к действию, подсказывал убить спящих.

Всадник был быстрее, чем я думала. Лорен с разворота ударил ногой и подсек ноги мужчины, тот упал рядом с солдатом.

— Эта леди, — Лорен задыхался, кончик лезвия меча был у горла мужчины. Он отошел и направил меч на остальных. Они нервно попятнулись, он указал и на меня. — Мы будем ее слушаться.

Кто-то смог спросить:

— А кто она?

Лорен сказал перед тем, как опустить меч:

— Она — единственная, кто нас спасет.

* * *

Мы связали солдатам руки и погрузили их в лодки, в одну — шесть, в другую — семь, а потом спустили их на воду. Мы смотрели, как лодки уплывают, свет костра поблескивал на воде. Жители молчали, ведь так поступить хотела только я. Мы спустились с утеса по очереди, помогая детям, все толкались, тянули за руки...

Еще больше криков вызвал Арро. Лорен просил их успокоиться, но тщетно. Было слишком много потрясения и недоверия, они просто испугались. Но один старик вышел из толпы и приблизился на шаг.

— Конь! — тихо воскликнул он. Подойдя к Арро, он протянул руку к его носу. Арро выдохнул. Несколько детей поспешило к нему, но их оттащили. — Ты Всадник? — спросил старик, вглядываясь во тьме в Лорена. — Я слышал о вас. Но никогда не видел. Быть беде.

— У вас есть время, — сказал Лорен и обратился ко всем. — Похороните умерших. Переплавьте доспехи в щиты, заберите оружие. И уходите. Расскажите о происходящем остальным. Готовьтесь.

— Они вернутся? — спросила женщина.

Лорен поправил седло.

— Если вы объединитесь с другими деревнями, у вас будет больше шансов. Научитесь сражаться оружием Тира, научитесь защищаться, — он повернулся ко мне и прошептал. — Нам пора, миледи, — и поднял меня на спину Арро, потом взобрался сам. Лорен натянул поводья и сдвинул Арро с места. — Используйте время с умом! — крикнул он жителям деревни. — Еда, укрытие и защита.

Лорен заставил Арро ускорить шаги, я обхватила руками его пояс, мы уехали.

Он злился, его спина была напряжена под моей щекой.

— Ты хотел убить их, — заявила я. — Солдат. Ты хотел, чтобы они умерли.

Кивок. Он не отрицал.

А я не могла смириться.

— Зачем? Зачем убивать?

Арро бежал, а Лорен повернул голову, на щеке его блеснул лунный свет.

— Нет ничего хорошего в выживших солдатах. Они вернутся, точно вернутся. Солдаты не пойдут в Тир без рабов, иначе их бросят в шахты. Так что не думай, что кого-то пощадила, миледи.

— Но у них нет ни оружия, ни доспехов!

— Они не одни. Тир — крепость Призывателей. Они не остановятся.

Я была ошеломлена.

— И вы их убиваете, а они снова приходят? Так почему бы не сказать бедным жителям, что смысла в борьбе нет? Зачем давать надежду?

— Надежда дает смысл жить! — он злился, он цеплялся за поводья и обернулся, процедив. — Что бы ты сказала им? Хаос среди нас? Как его победить? Этот бой вечен, — он тяжело дышал. — Не все выживут. Но народу лучше быть при оружии, защищаться. Они могут их сразить. Могут с ними покончить.

Он отодвинулся. Я не спорила, отношение к жестокости стало пропастью между нами. Но было и что-то еще, что пересекало эту пропасть и тревожило меня сильнее.

— Ты принял мое мнение. Лорен. Ты злишься, не согласен, но позволил пощадить их, помог погрузить в лодки.

Он не повернулся, но выдохнул:

— Ты Стражница, а я Дополнение. Я должен верить твоему выбору.

Мы ехали. Много миль, много часов. Я не знала, сколько именно, но мы не останавливались. Злость угасла. Мысли тоже. Я уснула, уткнувшись в его спину, он крепко придерживал мои руки. И я успела подумать, что Всадник сказал «Дополнение» не как описание себя, а как титул.

Целителям ничего не снится. Но я помнила тихий топот копыт, ветерок, запах воды, словно открывался другой мир, когда я закрывала глаза. Руки спустили меня и укутали во что-то теплое и мягкое.

А мне не хватало прикосновения к Лорену.

Разбудил меня комфорт. Я замерла на какое-то время, чувствуя под собой пух, а сверху замечая балки. *Балки*. Как давно я их не видела? Крышу и подушку. Свет проникал в помещение, слышался поток воды... Я уснула снова, а проснулась резко.

Комната, кровать, вода — я отвыкла от этого за месяцы скитаний. Я поднялась, забрав с собой стеганое одеяло, ведь вещей своих не нашла, и подошла к окну. Не совсем к окну, но к прямоугольной брешу в камне, что был толще длины моей руки. Я сунулась в «окно» и выглянула, после чего отшатнулась. Сердце колотилось.

Я взяла себя в руки и выглянула с трепетом. Я была посреди утеса из известняка, люди устроились здесь и годами меняли пейзаж, вырезая в камне.... Вода озерами виднелась на дне.

Форт Грена.

Со своего места я видела широкий извилистый карьер с водопадами. И сверху, и снизу были водопады разных размеров. Солнце встречалось с брызгами, и в тумане мерцала радуга. Все утекало в озеро вдаль, а сам форт был в камне, почти посередине. Он змеился в камне, вырезанный уровнями, соединенными каменными ступенями, деревянными лестницами, узкими тропами и веревочными мостами, что соединяли этажи. Тропы пересекали известняк зигзагами, словно зубы.

Я развернулась и осмотрела комнату, в которой спала, понимая, что и в ней все было вырезано из камня. Даже то, что я приняла за балки, было лишь похоже внешне, потолки и стены были светлыми из-за бледного известняка. Комната была пещерой. Просторной, лишенной мелочей, словно это место не было домом. Мне стало интересно, сколько лет Форт Грен вырезали из камня, могли ли Хранители прятаться здесь, нападая на Призывателей и исчезая в убежище? Как они скрывали это место? Я подумала о Тарнеке, который видела во время заклинания, земля и камень были важными для Хранителей. Они строили из прочных материалов. Из чего-то крепкого и стойкого...

Как Лорен.

Его имя ворвалось в мои мысли, голова от этого кружилась сильнее, чем от высоты. Я трянула головой, чтобы очистить ее. Я высунула голову в окно и оглядела форт. Девушка спешила по узкому краю с подносом еды. Я крикнула:

— Осторожно! — не было поручня, и если бы она упала со ступеней, то разбилась бы о камни или рухнула бы в озеро внизу. Но она не обратила внимания, не глядя ни на меня, ни на пропасть, пока шла по краю.

Девушка исчезла в туннеле. Через пару минут она оказалась в дверях, но самой двери не было, стучать было не во что. Она улыбнулась, скромно опустив взгляд, присев в реверансе, из-за чего покачнулась плотная коса на затылке. Она была не так юна, как мне показалось, может, лишь на год младше меня. Но она была такой легкой и тонкой, что казалась ребенком.

— Можно поставить здесь? — спросила она, придерживая поднос. Я кивнула. Хлеб и масло из козьего молока, свежий сок, вроде, из персиков. Я слотнула от вида. Я не ела больше дня, но я не помнила об этом до этого момента. Когда это Целитель забывал поесть?

Девушка вошла на цыпочках и устроила поднос на низком столе, единственном предмете здесь, кроме кровати. Я укуталась в одеяло, устроилась на полу и напала на еду.

— Спасибо, — сказала я между укусами. Хлеб был черным, полным сухофруктов и ореха гикори, но и сухим. Я съела половину буханки, замедлилась и заметила, что девушка

сидит у дверного проема, тихая, как мышка, и вежливо ждет.

Я вытерла рот.

— Это Форт Грена?

Она кивнула.

— Сколько вас здесь?

— Семь семей.

— Так мало... — даже в Мерит было двадцать семей. А семь даже с натяжкой можно было считать фортом.

Но она рассмеялась, и ее робкое поведение исчезло.

— Мало? Семь семей и семьдесят поколений! Но, думаю, вам кажется так, потому что форт вмещает сто людей. Остальные обитают, — она махнула рукой, — повсюду. Увидите за ужином. А сейчас вам нужно отдохнуть одной.

Но я уже отдохнула.

— Сколько я спала?

— Вы прибыли в предрассветный час. А сейчас уже вечерет, — она поднялась. — Я могу показать вам, где можно помыться.

— Пожалуйста... — я замолчала, вдруг мне стало неловко. Я не хотела спрашивать о Всаднике, но вопрос вертелся на языке, хоть это и было глупо. Мы все время спорили, и я должна была радоваться его отсутствию. Я сглотнула и осторожно сказала. — Я пришла не одна.

— О! — дернулась девушка, лицо ее покраснело. — Да! Но он все еще спит, — она махнула за плечо. — Он очень кра... высокий.

— Да.

Вспышка эмоции, она села и покраснела. Это удивило ее. Она склонила голову, разглядывая меня.

— Вы не женатая пара, вряд ли вы были в его комнате. Вы... знаете его *хорошо*?

— Нет, — я сглотнула. Почти правда.

— Я так и думала, — девушка придвинулась чуть ближе и тихо прошептала. — Он — один из Всадников.

Ее движение обрадовало меня, вызвало улыбку, она напомнила мне глупую Кэт из Мерит, ее легкомысленное поведение и игру с каждым юношей в деревне. Но я не хотела обсуждать с ней внешность Лорена или делиться впечатлениями, хотя с Кэт часто сплетничала о Райфе. Я сменила тему.

— Расскажи о себе.

— Я Лилль. Помогаю на кухне. Теперь вы, — она настаивала, а не спрашивала, ведь я подвела ее ожидания обсудить Лорена, она хотела впечатлений.

— Эви. Я Целитель.

Улыбка.

— Я готовила это, — прошептала она, кивнув на хлеб и краем глаза посмотрев на меня, ожидая похвалы. Лилль была темноволосой, очень бледной и похожей на эльфа угловатыми чертами лица и большими глазами. Волосы ее были стянуты в косу, выделяя уши. У Кэт были рыжеватые кудри, круглые щеки и слащавая красота. Лилль была красивой, но иначе, интереснее.

Что-то сжало мой желудок, лопатку слабо обожгло, мою метку. Притяжение, наверное, но не понимала, к чему. Я думала о Кэт и Лорене, о доме. Но Лилль была не такой, как Кэт,

и я не была дома. Да и где мой дом?

— Ну? — Лилль снова кивнула на хлеб.

— Да. О. Спасибо, — выпалила я, Лилль была разочарована. Я намазала масло на еще один кусочек и съела. — Очень вкусно, — я энергично жевала, ожидая ее улыбку. Это было на меня непохоже — желание, неловкость, стремление обрадовать кого-то.

Я выпила сок и вытерла рот рукой, глядя на грязь и засохшую кровь на коже. Пряди волос на плечах были серыми.

— Ты сказала, я могу помыться?

Она вскочила на ноги.

— Я отведу. Придется пройти, но нести оттуда воду слишком неудобно.

— Не страшно, — я медленно поднялась с пола, все еще скованная после поездки на коне и укутанная в одеяло. — А есть одежда? Хоть что-нибудь.

— Вещи сохнут, — ответила Лилль. — Так сойдет. Идемте.

И я пошла за ней в одеяле. Мы прошли маленький дверной проем и попали в полумрак туннеля. Три ступеньки, и мы вышли на тропу. Солнце слепило, а от пропасти кружилась голова. Лилль никого не заметила и поспешила вперед. Она поднималась все выше, бежала легко по узким ступенькам своими истоптанными башмачками, часто оглядываясь на меня. Я шла осторожнее, зная о ее любопытном взгляде и пропасти рядом... а еще мешало одеяло, сковывающее меня. Мы шли над карьером, по тропам, за водопадами и по лестницам и ступенькам, пока не попали на дорогу пошире, где смогли идти рядом друг с другом.

Мы остановились, пропуская двух женщин. У них были короткие волосы, а одеждой были блузки с металлическими вставками и кожаные брюки, похожее я видела на Ларк. У одной был лук и колчан, у другой — короткий меч на поясе. Они пронзительно посмотрели на меня, потом кивнули Лилль и прошли дальше, продолжив разговор, когда мы уже не могли его услышать. Я повернулась к Лилль.

— Кто они?

— Стражи Грена, — сказала она, поежившись. — А вы не поняли? — я покачала головой, она нетерпеливо добавила. — Оружие и кольчуга, глупышка.

— Они готовятся к бою?.. О, ради всего святого, Лилль, что такое? — я уже не выдерживала ее взгляд.

— Почему вы не знаете о кольчуге и спрашиваете про сражение? Вы не сражались?

За ее вопросом скрывалась дрожь, она ожидала от меня красочный рассказ с кровью и грязью. Я покачала головой.

— О, — вздохнула Лилль. — Что ж, ходят слухи о великих боях, о том, что мы сражаемся с темнейшим злом. Я надеялась, что вы в них участвовали. Вы ведь ехали с *Всадником*. А они не приходят, если не грядет сражение, — в ее голосе снова появился интерес. — Вы ведь знаете, что Призывателей и их приспешников стало больше? Призыватели — ужасная угроза. Я слышала, что Хранители пробуждают Стражниц, ищут союзников. Стражницы... вы слышали легенды? Их не пробуждали уже столько лет! Нам нужны все силы, чтобы оттолкнуть врага в этот раз.

Если Стражницы не были секретом, я могла признаться, что оказалась одной из них? Лилль будет разочарована. Я могла лишь спрашивать, ответы мои для нее были скучными, а не такими, как она представляла.

— Слышала, — сказала я ровным тоном, пожелав вдруг, чтобы Лорен был рядом. — Но я не видела сражений.

Лилль снова вздохнула.

— Я-то думала, почему кровь так легко отстиралась от ваших вещей. Кровь сражений сложнее отчистить. Я видела, как вещи утром стирали... Ох! — она нашла новую тему. — Ваша одежда! Почему она такая синяя?

— Индиго и квасцы, — сказала я. — Это распространенный прием. Здесь так не делают?

Она покачала головой.

— У нас нет таких цветов.

— Но все вокруг синее! — я махнула на водопады.

Лилль пожала плечами.

— Не так. Здесь цвета серые, — она указала на стену из камня. По краям карьера были рядами высаженные растения, были они и вдоль большого водопада (ниже — фруктовые деревья, а потом рядами поднимались овощи и ягоды), так они постоянно оказывались под брызгами воды. Веревочная лестница вела к садам. Наверху работал мужчина, зацепившись за веревку ногами, срезая зелень. Он запихивал листья в большую сумку и поднимался все выше.

Лилль привыкла к такому и не обращала внимания, она потянула меня за руку.

— Мы красим одежду лишь луком и шпинатом. Цвета зеленые, желтые и коричневые, — она простионала. — Такие тусклые! Помню, когда-то я была окружена цветами...

— Ты выросла не здесь?

Она покачала головой.

— Я беженка. Некоторые здесь не произошли от основных семей. Меня спасли десять лет назад. Во время сражения. Не в таком, что грядет, но... — Лилль вдруг развернулась, я не успела спросить, почему ее тон изменился. — Целители должны знать все о растениях и камнях. Расскажите, какие растения могут кого-то влюбить в меня.

Она была похожа на Кэт. Я рассмеялась.

— А тебе кто-то нравится?

— Хочу ему приглынуться, — она побежала, порхая, вперед, а потом вернулась, веселясь. — Я слышала, Стражницам не нужно никого привлекать, что у них уже есть кто-то... — Лилль посмотрела на меня и понизила голос, хотя никого не было видно, и сказала. — Я слышала, создается мощная связь, что Хранитель или союзник заключает эту связь одним касанием! Метка к метке — вот тебе и связь: Стражница и Дополнение, и Дополнение защищает Стражницу от смерти сердцем и мечом! Если только, конечно, Призыватели не схватят Стражницу раньше... Что же это за связь? — она с серьезным видом склонилась ко мне. — Как думаете? Простое касание может создать сильную связь?

Все внутри меня сжалось. Улыбка угасла. Дополнение — Лорен — не рассказывал мне важности связи. Сказал лишь, что так нужно. Я посмотрела на край дороги, мысли блуждали.

— Думаю... связь не всегда означает любовь.

— Не была в сражениях, новостей не знает, воображения нет, — Лилль была недовольна. Она спросила. — Зачем тогда вы пришли в Форт Грена?

— Путешествуем, — осторожно ответила я.

И снова разочарование. Она пожала плечами.

— Здесь сражений нет. Исцелять некого...

Лилль побежала по тропе, я поспешила за ней, а она остановилась под свисающими ветками березы, что как-то проросла в трещине известняка и собой заслоняла широкий выступ с двумя прудами воды и водопад. Пруд побольше был гладким, как стекло, в него стекала вода из потока. Тот, что ближе, был беспокойнее, ведь в него вода падала с камней, растекаясь. Их я не видела во время заклинания.

— Можете купаться здесь, — сказала Лилль. — Одеяло оставьте за ветками, а я принесу одежду, — она развернулась.

— погоди, Лилль! — позвала ее я. И ее узкое лицо появилось меж листьев. — Я кое-что ищу. Ракушку. Она, — я не врала, — очень важна для Целителей. Говорят, что она где-то среди водопадов. Ты о ней не слышала?

— Какая ракушка? Как панцирь черепахи?

— Морская ракушка.

Лилль покачала головой.

— Никогда о таком не слышала. Можете спросить за ужином Юдина. Он наш главарь. Он знает больше.

Я кивнула, она издала злой смешок.

— Надеюсь, он не скажет вам идти к закрытым водопадам. Это будет ужасно.

— Почему?

— Потому что из них нельзя выйти.

— Тогда вряд ли там что-то можно спрятать, ведь туда сложно пробраться, так?

Она пожала плечами и исчезла, а потом снова выглянула из занавеса веток, что-то придумав.

— О растениях. Так как его влюбить в себя? Поможете?

— Сунь в его карман ромашку, — сказала она. — Они еще цветут, если, конечно, они вообще цвели в этом году. Если поискать, парочку найдешь. Рядом есть поля?

Хоть в этот раз повезло. Лилль обрадовалась.

— Я найду. Смогу найти! — она побежала, но снова вернулась. — Ваши вещи я не забуду. Я вернусь, — и она ушла.

* * *

Будучи среди камней и в укрытии ветвей березы, было сложно помнить, что снаружи была засуха, что дождя не было месяцами. Вода здесь была повсюду, чистая и теплая от солнца. Я шагнула под водопад, и он очищал меня, пока я смотрела, как солнце опускается все ниже, как сгущаются тени. Я нашла обломок известняка и принялась им отскрести засохшую кровь от кожи и волос.

Камень издевался надо мной. Известняком кузнецы очищали металл от грязи перед работой, и я не верила в это. Оружие и броня сияли снаружи, но были черными внутри. Так себя чувствовала и я — чистая снаружи, но вся эта кровь запятнала мою душу. И никакой известняк это убрать не мог.

Я подняла руки и смотрела, как вода падала на мои ладони, думая, может ли она смыть весь ужас, как делала это магия. Или вода тоже была запятнанной — она была серебристой, пока текла, но замирала, забирая все, что смывала с нас. Может, как Целитель, я была похожа на поток воды. Я смывала болезни людей. Но как Стражница Смерти я была и стоячей водой, где болезни собирались.

Вода била, и ладони мои покраснели.

Я села в оставшихся лучах солнца, чтобы обсохнуть и подумать. Лилль принесла мое

нижнее платье и оставила за ветками. Я оставалась на месте, уткнувшись подбородком в колени, пытаясь осознать все случившееся и понять, что от меня требуется. Найду ли я амулет-ракушку? Где Тарнек? Разве в стихотворении не говорилось, что ракушка вызывает дождь? Если я смогу это сделать, на что еще способен амулет?

Я дрожала. Я не двигалась, представляя способности, но они не радовали. Лорен говорил: «Пробудилась». Это могло относиться к силам, что я еще не поняла, но для меня это было чуть иначе: я знала, что тьма хочет поглотить мир, я могла остановить ее. Меня словно сдавливала вода.

Все менялось, мой маленький мир расширялся. Я оборвала связи с домом, я хотела исчезнуть, раствориться в боли. Но получила новый титул, новую цель. Новую боль.

И, как говорила Лилль, у меня появилось Дополнение.

Метка все еще была теплой. Прошло уже больше дня, а она горела, но не обжигала, просто напоминала о себе. Хотела я того или нет, но я не могла избавиться от странных ощущений из-за прикосновений Лорена. Он выбрал связь, пусть и из надобности, он был рядом, я прислонялась к его сильной спине, я почти поцеловала его...

Хотелось бы поцеловать его, чтобы меня поцеловали в ответ.

Я прикусила губу, желая улыбнуться, но и убедить себя, что это не предательство по отношению к Райфу. Я решила отказаться. Желание не помогло бы в печальной ситуации. И я всегда гордилась своим беспристрастием Целителя.

Я должна быть такой, должна сосредоточиться на амулете. Я должна думать об этом... Разве провидец не предупреждал меня?

Слишком многое сразу свалилось на мою голову.

* * *

Одна в комнату я возвращалась вдвое дольше, потому что пришлось делить тропу с горными козлами. Им, в отличие от меня, пропасть была не страшна, они крепко стояли на камнях.

— Хорошо, что у вас полезное молоко, — фыркнула я, протиснувшись мимо них.

Я вернулась в сумерках. Уже зажгли факелы, и вырезанные коридоры и окна светились, словно медовые соты. Моя комнатка тоже была светлой. Лилль забрала одеяло, когда принесла мое нижнее платье, и чистое одеяло лежало на узкой кровати. На ней были и мои вещи — чистые, слабо пахнувшие миртом. Здесь был и гребень, и я оделась, а потом устроилась у окна, распутывая волосы, как делали перед сном в Мерит мы с Ларк.

Мне не хватало Ларк. Не хватало ее милого и серьезного лица, я помнила, как она безумно бежала по краю утеса. Она была в странной одежде, похожей на форму стражей Грена, она могла готовиться к битве...

— Добрый вечер.

Я чуть не рухнула с выступа у окна. В дверном проеме стоял Всадник.

Он улыбнулся, а я смотрела, словно глупая Кэт, и не могла ничего поделать. Может, это из-за того, что таким отдохнувшим и чистым я его не видела. Может, из-за того, как свет факела отбрасывал на его кожу свет, заставлял блестеть его темные волосы. Но это лишь отговорки, он был красивым, вот и все. Чарующим. Я забыла или не хотела помнить, или...

Беспристрастие вылетело в окно.

— Я помешал, — прошептал Лорен через миг, я молчала. Он повернулся.

— Да... Нет. Я... просто... — глупо было так запинаться и смущаться. Я выровняла голос и отвела взгляд. — Все в порядке, Всадник. Входи.

Он тут же пробрался в комнату.

— Надеюсь, хорошо отдохнула?

Я резко кивнула.

— А ты?

Он кивнул. Мы растерялись, ведь привыкли спорить, а не говорить мирно. Я думала о словах Лилль о его росте. Интересно, я тоже покраснела, как она? Я ведь никогда не краснела... Но я не смогла удержаться и снова посмотрела на него краем глаза. Лорен прислонился к стене и смотрел на меня. Дыхание застряло в виновато сжавшемся горле.

Уголок его рта приподнялся.

— Ты уже отобрала порцию вопросов, миледи?

Не на что отвлекься. Я вытянула руку, указывая на пространство.

— Расскажи о Форте Грена.

— Древний, — Всадник подвинулся и огляделся. — Его основали в прошлый раз, когда Призыватели заполучили амулеты.

— В *прошлый* раз? Как часто крадут амулеты?

— Уже дважды, — он посмотрел на меня и улыбнулся. — Это не наша слабость, миледи, как тебе кажется. Мы не можем всегда сдерживать Призывателей.

Я вспомнила о гребне в руке.

— Вы все же вернули амулеты, — сказала я и вернулась к распутыванию прядей.

— Нам приходится, — ответил Лорен. — Первый раз был быстрым. Но прошлое сражение длилось четыре года. Хватило времени, чтобы построить эту крепость.

— Четыре! — гребень зацепился за колтун, я боролась с ним, считая жизни. — Но люди... Была засуха? Куда забирали амулеты? Призыватели не хотели, чтобы Стражницы нашли их? И как Стражницы выживали в это время?

Он рассмеялся.

— Стражницы не... — он замолчал и сказал. — Прости за взгляд. Но ты очень красивая.

Моя рука замерла. Если я и говорила, что Всадник мне не интересен, то я врала. Меня уже называли красивой, но в этот раз из-за слова задрожало все внутри, мурашки пробежали по спине. Дрожь, чувство открыло что-то в моем сознании, что-то, что было заперто, ключ от которого был выброшен. Я сглотнула, заставила гребень двигаться и спросила:

— «Стражницы не» что? Не выжили?

— Вы связаны, — ответил он спокойно. — Если Стражница погибает, пробуждают другую.

И вся уверенность пропала.

— Приятно знать, что мы заменимы, — недовольно сказала я, но Всадник пожал плечами, не извиняясь. Я добавила резко. — А Дополнения? Тоже заменимы?

— Нет, — отозвался Лорен. — Только один.

Он шутил. Он понял, что я знаю о связи, и не стал спрашивать, откуда. А у меня не было хитрого ответа. Я опустила гребень и заплела косу, чувствуя, как от груди к горлу поднимается жар.

— Что привело тебя сюда, Всадник? — спросила я. — Скучно смотреть, как я заплетаю волосы.

— Твои волосы светятся от огня и луны. Это не скучно.

— Но... — щеки точно покраснели. — Не это тебя привело сюда.

Он вскинул брови, оттолкнулся от стены и выпрямился.

— К сожалению, нет. Я провожу тебя на ужин.

Только для сопровождения. Я едко сказала:

— Всего-то? Я думала, что ты собрался искать амулет.

— А что? Ты знаешь путь? — он был удивлен. Я покачала головой. — Тогда после ужина, — улыбнулся он. — Ты ведь должна понимать, как важен хороший ужин, — он указал на дверной проем. — Миледи?

* * *

Главный зал был выше. Мы прошли по извилистой тропе, Лорен шел позади, словно хотел убедиться, что я не упаду. Но я чувствовала в его взгляде что-то еще, может, это я лишь придумала. Путь был спокойным, луна плыла по темно-синему небу, факелы освещали тропу и ступеньки. Весь карьер был усеян светящимися окнами и балконами, словно светлячками.

— Разве это крепость? — вдруг рассмеялась я. — Тут же сотни входов.

— Снизу сюда не забраться, а ты спала и не видела, как хорошо он скрыт сверху, — сказал Лорен. — Карьер открыт, но добраться к нему можно лишь по мостам, а их легко сломать.

Я подняла голову, но не смогла увидеть края.

— Где Арро?

— Мосты узкие. Он пройти не смог. Но за ними есть дозорный пост. Он остался там.

Мы добрались до плоского выступа, где виднелись деревянные двери — единственные в крепости — и они были широко раскрыты. Лорен назвал место Большим залом, ведь по размеру комната превосходила другие. Из-за факелов камень стал золотым. Стены были увешаны тканями. Огромный деревянный стол стоял в центре, на нем были свечи и еда на деревянных и каменных тарелках. Я улыбнулась.

— Это красиво!

— Скопировано с замка Тарнек, — сказал Лорен. — Вот что красиво.

И хотя все внешне было красиво, шум стоял не как на банкете. Лилль говорила, в форте сто человек, и стол мог вместить всех, как и было. Они уже ужинали, и атмосфера была дикой, как на фестивалях эля в Данн. Некоторые общались между собой, но большинство кричало через весь стол, порой грубо, передавали тарелки и подносы с едой и ели. Я заметила Лилль в середине, она сидела рядом с блондином ее возраста с красивым лицом. Наверное, он ей нравился, она тянула его за рукав, чтобы привлечь внимание. Интересно, нашла ли она ромашку?

Наше прибытие не заметили. Только ближайšie к дверям повернулись посмотреть, кто вошел. Но в дальнем конце стола огромный мужчина поднялся и поманил нас вперед.

— Сюда! Садитесь! — гудел он.

Мы с Лореном прошли на места напротив друг друга за столом, люди подвинулись на скамейках.

— Юдин, — перекричал шум мужчина, когда мы устроились. — Глава Форта Грена.

Главарь вблизи был еще больше, шире и выше, густая борода окружала ослепляющую, полную зубов улыбку. Он источал силу, богатство... и риск. Его тело было полно шрамов. Я была ошеломлена и... немного испугана.

— А вы получили свою порцию мечей, — заметила я. — И топоров.

— Интересное приветствие! — оглушительно рассмеялся Юдин. — Но могло быть хуже в моем возрасте.

Я посмотрела на Лорена.

— Около семидесяти, — прошептал он, я раскрыла рот.

— Добро пожаловать! — крикнул Юдин. Он повернулся сначала к Лорену, пожал ему руку, как старому другу, а потом ко мне, обхватив огромными руками мои щеки, словно ребенка. — Добро пожаловать, Эви Кэрю, — он светился, а потом тихо добавил, шепча. — Сохраним твою роль в секрете, ладно? То, что не знает клан, сохраняет их в безопасности. Лучше не знать всех тайн, так я говорю! — он указал на свободные места на скамейке и сообщил. — Мы не приглашаем гостей. Будьте как дома.

Я посмотрела на стол — птица и рыба, в основном то, что не нужно разводить. Но зато их сады и большое количество воды предоставляли многое: зелень (и шпинат, о котором нелестно говорила Лилль), разные овощи и коренья. Было фруктовое желе, сладости и соусы, хлеб с медом. Крепкий сидр и эль разливались из бутылок. Я коснулась пальцем одного из кувшинов — он был ледяным.

— Охлаждаем в озере! — гордо сказал Юдин, заметив мой интерес. — Опускаем в воду и достаем, когда нужно! — видимо, доставали кувшины часто, ведь было много кружек, у всех были красные щеки.

Тарелки и ножи оказались перед нами. С шумом принялись передавать нам еду, и я рассмеялась от этого беспорядка. Кто-то налил в кружку сидр и придвинул ко мне. Все вернулись к общению.

— Ешьте, — приказал главарь, и я послушала. Я жадно глотала. Еда была вкуснейшей. Я не могла остановиться, хотя знала, что за пределами крепости люди страдают. Еда, напитки, общество — это было редкостью теперь, и я радовалась такой возможности. Пир был почти таким же приятным, как во время солнцестояния в Мерит. Я вспомнила, что тогда рядом сидел Райф, наши руки соприкасались, когда мы передавали тарелки или вино. Воспоминание было острым, но кратким. Я видела перед собой Всадника, его руки ломали горбушку хлеба, поднимали кружку, он улыбался смущенно, глядя на мой аппетит.

Я вернулась к тарелке и разрезала ножом кусок рыбы.

— Какие новости, друг? — спросил Юдин у Лорена. — Не скрывай, — добавил он. — Лучше честно говорить в толпе. В тихом месте могут подслушать.

— Сначала хорошее, — сказал Лорен. — В Тарнеке появилась королева.

Юдин кивнул и поднял кружку в честь этого.

— Стражница Жизни вернула амулет и взошла на трон. Вернутся амулеты, и она сможет удержать Равновесие.

Нож соскочил с рыбы. Кузина, Стражница Жизни была еще и королевой Тарнека? Я подумала о замке на утесе, откуда она чуть не упала, пытаюсь спасти меня. Ларк была королевой этого королевства.

«Как много ты прошла», — что-то похожее я говорила ей. Но я и не знала, сколько.

Лорен заметил выражение моего лица.

— Стражница Жизни всегда была королевой, — тихо сказал он. — Она нашла свой дом.

Дом. Я не могла спорить, но ее домом больше не был наш домик в Мерит. Я хотела сохранить в памяти Ларк, что работала в поле с собакой, с Рилегом, а не окруженную толпой на троне.

Юдин кивнул с довольным видом.

— Королева вернулась, следующая Стражница найдена, — он посмотрел на меня и обратился к Всаднику. — Понадеемся, это положит конец проблемам. Так быстро нашли две Стражницы.

— Нам нужна помощь, — сказал без эмоций Лорен, но губы его напряглись, это я научилась замечать.

— Почему просьба о помощи злит тебя? — спросила я.

— Потому что мы не должны ее просить, — Лорен повернулся к Юдину. — Я не верю, что такая легкость хорошо закончится. Призыватели знают, что у нас есть книги Судьбы, и они ждут, пока мы найдем Стражниц, чтобы сделать ход. Если возвращение первого амулета было победой Тарнека, разве позволят они так легко получить второй амулет? Нет, я не верю в такую свободу в этом пути.

— Свободу! — рассмеялась я. — Тени, стрижи, солдаты повсюду. Какая свобода? И никакой легкости!

— Это помехи, могло быть хуже, — пожал плечами Лорен. Я помрачнела.

Но Юдин согласился с Всадником.

— Мы получали вести с голубями из Герана. Они видели беспорядки в предгорье Мир, набеги на заставы. Призыватели пытаются проникнуть дальше, призвать худшее, — он понизил голос. — Не только Тротов. Они думают...

— Я знаю, что думают в Геране, — остановил Юдина Лорен, тревожно кивнув на меня. — Хватило и Тротов, напавших на Мерит, Крен, Берн и Литлфен и не только. Теперь еще Тир оживился, они уводят людей не только подходящего возраста, — он огляделся, убеждаясь, что его не слышат. — Они посылают разведку. Они близко.

— Знаю, мы убили нескольких, — кивнул мрачно Юдин. — Тир нападает, а Доргран не спит. Они собирают свою армию. И мы уже получали отчеты о стычках на севере.

Я заерзала, они слишком спокойно обсуждали конфликт, Лорен и Юдин называли деревни и города так, словно обсуждали людей, что-то недоговаривали из-за меня, что злило.

— Сколько сражалось? — спросила я.

— Тысяча, в десять раз больше... — Юдин ополовинил кружку с элем одним глотком и ударил ею по столу. — Это не имеет значения для тебя.

— Почему?

Он склонился ближе.

— Один может изменить судьбу, начать войну. Ты качаешь головой, юная дева, но ты должна думать об источнике бед, а не о последовавших проблемах. Источник будет уничтожен, если ты найдешь амулет.

— А если не найду, что тогда? Победят Призыватели Хаоса?

Лорен издал звук, Юдин посмотрел на него и покачал головой. Он сказал:

— Ты найдешь амулет, Стражница. Если Призватели и победят, то из-за того, что случится, когда ты найдешь амулет.

— Я верну его в замок Тарнек, — сказала я.

Мужчина рассмеялся и ударил по коленям.

— Да. Поспеш ради Стражниц!

— А что еще можно сделать, кроме как вернуть?

— У тебя есть выбор, Эви, — сказал Лорен. — Амулет можно и уничтожить.

Я фыркнула, но Лорен был серьезен.

— Ты можешь так не думать, но Призыватели могут повлиять на тебя. Да, они играют амулетами, тревожат Природу. Земля дрожит и движется. Они могут выкачать воздух из комнаты или заполнить все огнем...

— Они такое делали?

— Порой. Засуха тоже их рук дело, — Лорен склонился ближе. — Но это лишь игра. Эви, я уже говорил. Они не могут держать или использовать амулеты, они могут лишь наслаждаться, глядя, как беспорядки истощают нас, заставляют сражаться друг с другом, — он коснулся моей кружки, когда я попыталась сделать глоток, удержав ее. Глаза его были темно-синими. — Призывателям нужна ты, чтобы сделать амулет своим, чтобы уничтожить его.

— Но я не буду этого делать!

— Манипуляторы, — сказал он тихо и мрачно. — Ты можешь не понять этого, а будет уже поздно. А если уничтожить хоть один амулет, беспорядки не остановятся. Хаос придет. Холодок пробежал по шее. Спасти или уничтожить. Всадник говорил и раньше, но не о том, что можно уничтожить, не зная. Он предупреждал меня. И я кивнула, словно обещала.

— Итак, — Лорен смягчился и отклонился. — Остерегайся Призывателей. Если ракушка здесь, как мы думаем, не слишком ли все просто?

Вмешался Юдин.

— Не пугай девочку, Всадник. Пусть будет просто. С остальным мы справимся.

Я повернулась к Юдину:

— Справимся — то есть, сразимся.

Он улыбнулся.

— А как же? Амулеты не для переговоров.

— И вы не боитесь?

— Сражения? Смешно. Страх и хотят Призыватели! Чтобы мы были трусливее их!

Юдин прокричал:

— Выше головы, Форт Грена! Мы боимся боя?

Последовал вопль: «Нет!». Кричали молодые и старые, женщины и мужчины. Главарь ударил кружкой о стол и начал скандировать с остальными:

— Хаос и Грен: гибель их, мы победим! Хаос и Грен: гибель их, мы победим...!

Они кричали это снова и снова, дрожал стол, звенели стены. Я зажала руками уши. Лорен смотрел на меня, вскинув бровь, словно говоря: «Видишь, Целитель? Союзники Хранителей могут быть такими же агрессивными, как Призыватели».

Я крикнула Юдину:

— А нет другого выхода? Не все готовы так, как вы! Есть деревни без оружия! — я посмотрела на Лорена. — Ты говорил, что не все должны участвовать...

— Это не... — начал возражать Лорен, но Юдин вмешался:

— Ты не должна!

— Но мы уже участвуем! — кричала я. — Все должны помочь. Вы говорили, что города собирают силы, что монстры из Пустыни ждут своего часа. Как сто человек из Форта Грена могут их остановить? Это и наше дело.

Юдин громко рассмеялся.

— Мы — не только сто мечей, юная Целительница!

— Эви, — сказал Лорен. — Никто не просит сражаться тебя.

— Я не о себе. Я говорю не как Целитель. Мерит, моя деревня, мы... — я сглотнула. Я едва могла думать о друзьях в Мерит, которым снова придется взять оружие в руки. — Мы не знаем, как сражаться. Мы не умеем сражаться. И таких, как мы, больше.

Лорен слабо улыбнулся.

— Вам повезло.

— Сказал человек с конем и мечом! — фыркнул Юдин. — Повезло Всадникам! — он похлопал меня по плечу. — Не в чем винить твоих друзей в Мерит. Есть и те, что путешествуют и не знают, что Хаос проникает в этот мир.

Мы с Ларк были такими раньше. Мы не знали. Мы смотрели на мир без опаски, а с восторгом. И я хотела вернуть это, потому и спорила, что все должно быть иначе.

Интересно, что думала Ларк, узнав об этой тьме? Она могла так же скучать по Мерит, как я сейчас, могла и бояться.

Я не боялась. Я печалилась.

Юдин смотрел на меня. Он захихикал.

— Не суди так строго. Это не приговор. Всегда есть выбор, всегда есть надежда, и всегда есть убежище, даже в самом ужасном месте. Помни это в своем пути.

Я нахмурилась.

— И вы тоже специально так говорите. Чтобы я искала амулет.

Он гулко рассмеялся.

— Я не пугаю тебя, дева?

— Я не боюсь.

— Вот так! Потому ты здесь, — он приблизился к нам и заговорил тише. — А теперь с заданием. Всадник сказал, что ты думаешь, что амулет где-то за водопадом.

— А у вас их много, — сказала я. — Но я не уверена, что это здесь.

— Откуда ты знаешь о тайнике? Было видение?

— Заклинание.

Это удивило его.

— Говорили, что амулеты связываются со Стражницами, что они раскрывают себя, когда приходит время.

Я покачала головой.

— Я увидела это сама, — я посмотрела на Лорена. — Я заставила его раскрыться. Может, это было неправильно, и я не готова.

Лорен не возражал, и я вдруг обеспокоилась, что он согласен, что все неправильно, что я поспешила, как и он, создав связь Стражницы и Дополнения. Разве Юдин не сказал только что, что нам нужно обдуманно делать выбор? Тогда мы сражались с теньями, Лорен упал... А если он поспешил, создав связь? А если...

Юдин не сдавался.

— Твоя метка здесь. И стихотворение ты слышала.

— Но я ничего не чувствую. Должна ведь быть связь? А не только видение заклинания, — было больно говорить это вслух.

Лорен прошептал:

— Может, ты не старалась услышать, — он сказал Юдину. — У леди не было времени. Мы прошли много испытаний по пути сюда, — он подмигнул мне, — хоть и не очень сложным. Может, Стражнице стоит побыть в тишине.

Я была в тишине, я была одна. Я почти два месяца была одна. Но Лорен смотрел на меня, вскинув брови, словно знал, что я думаю, словно опровергал это. И, может, он был прав. Может, я не слушала.

Я встала со скамейки.

— Можно мне уйти?

Юдин кивнул. Я прижала ладонь к сердцу, поклонилась капитану и начала уходить. А потом вернулась и допила сидр. Для храбрости.

11

Луна была высоко и светила ярко, когда я шла по карьере к водопаду. В трещинах гнездились голуби, их курлыканье заглушало мои шаги. Я прошла под листьями березы к первому пруду, в котором мылась, но остановилась у другого пруда, что был шире, вода в котором стояла. Я пришла сюда только потому, что знала это место, но оно было тихим. Я глубоко вдохнула. Пахло влажными камнями и ночью. Я сняла сандалии, приподняла юбки и села на камень, глядя на карьер. Слабые брызги от водопада долетали до моих босых ног.

«Слушай», — приказывала я себе, успокаиваясь. И я вслушивалась в тишину, в странные звуки ночной жизни. Я задумалась о разных звуках существ. Я смотрела на луну, кривобокий круг, и считала дни до затмения...

«Слушай», — я закрыла глаза и дышала медленнее. Вдыхала металлический запах камней, думала, что за минералы источают этот запах. Я вспомнила запах дома, вспомнила бабушку и Ларк. Я вспомнила, как мы делаем микстуры по рецептам бабушки, готовим мыло, лепим его, смеемся и дышим запахами лимона и лаванды...

«Слушай!» — в этом я была плоха. Это любила Ларк. Она бы упивалась тишиной ночи или солнечного луга, сидела бы и слушала шум дождя, не думая о времени. Я любила общение на рынке, где делились историями, не спрашивая о моей...

«Эви!» — я поднялась. Я не могла слушать. Не могла. Я получила сведения о ракушке до того, как узнала, что это было. Я упустила момент, а водопадов и в карьере, и в королевстве было множество. Мне обыскивать каждый? А если водопад здесь не при чем?

«Вечно спрашиваешь», — я отвернулась от луны и пропасти карьера, опустилась на колени у пруда, злясь на свои мысли. Злясь на то, что злилась. Куда делся спокойный Целитель?

Ларк точно смогла услышать свой амулет.

Луна заливала светом маленький пруд. Вода напоминала зеркало. Я склонилась и увидела свое отражение, свой хмурый вид. Волосы мерцали серебром, словно лунная дорожка на пруду.

«Лунный свет на воде, деве той покажи... — всплыло в памяти. Если это так, что потом? — Мимолетный страх и печаль от резни... Серебро, серп, взмах целебный руки... Песнь ракушки услышь, дождь земле призови... Дождь. Не было дождя. Призыватели его забрали».

Упал листок с березы. Не было ветра, но листья опали, медленно умирая и попадая в пруд. Я склонилась и убрала его, коса соскользнула с плеча и тяжело упала в воду, разрушая зеркальную поверхность. Мое лицо исчезло.

— Стражница, — окликнула я себя. Стражница...

Пруд замер, отражение вернулось, но там уже была не я. Пряди моих волос стали чем-то другим. Видение появилось на воде. Ракушка. Ракушка брюхоногого моллюска.

Я задержала дыхание и смотрела. Жемчужные завитки складывались в спираль на ракушке. Она была когда-то домом, убежищем, а теперь была брошена. Я потянулась к изображению, понимая...

Ракушка — амулет Смерти. Как маленькое окно между мирами, остаток от жизни. Сама

смерть в миниатюре.

Если я опущу руку, то смогу ее взять? Но рука уже опустилась в воду, чтобы вытащить амулет. И я с детским восторгом подумала:

«У меня видение...»

Пещера. Полутьма. Стены из камня, вода стекает потоком за мной. Я стояла по бедра в воде и смотрела на маленькую ракушку. Она была на узком выступе, не подходила этому месту, словно ее бросили. Я очень хотела забрать ее, приласкать, словно мать покинутое дитя. Боль притягивала меня к ней, нить жара в холодном пространстве.

«Видение, — напомнила я себе. — Будь внимательна. Пойми, где ты».

Я скользила взглядом, ища подсказки. Стены были влажными, поросшими водорослями и чем-то еще. Рука потянулась, но не к ракушке, а к ее каменному гробу. Я ощутила холод влажности, отбитые края, желтые водоросли и липкость чего-то еще, из-за чего водоросли становились коричневыми. Вода закружилась у моих ног, я коснулась стены и отшатнулась, придвинувшись к слабому свету, чтобы посмотреть на свои пальцы. Кровь.

Дыхание прервалось, я вскинула голову, услышав что-то еще...

Я была не одна.

Послышался резкий звук, плеск, и я вернулась в карьер, задыхаясь. Рука разрушила видение в пруду, но, может, я увидела достаточно. Но кровь, другой звук...?

— Эви.

Тихий зов доносился из-за ветвей. Я убрала руку из воды, вытягивая ее в свете луны.

— Я здесь, — мой голос дрожал.

Лорен раздвинул ветви.

— Я услышал твой крик и плеск, — он остановился и посмотрел на пруд, водопады и на меня.

— Ты преследовал меня? — чисто. Крови не было. Я сглотнула и вытерла руку о рукав.

— Чтобы убедиться, что ты в порядке. Я ждал неподалеку.

— Я думала, что здесь безопасно, — грубо, но я не могла четко мыслить.

Пауза.

— Ясно, — тихо сказал он. — Я оставлю тебя в тишине.

Он развернулся. Я выпалила:

— Всадник...

Еще пауза. Я видела его спину.

— Леди?

— Я видела, — рука моя была протянута. Словно я чего-то просила. Я опустила ее на колени. — Видела ракушку.

Он обернулся, увидел мои огромные глаза и потрясение и улыбнулся. Я подвинулась, показывая, что он может сесть рядом, и он так и сделал, устроившись рядом. Мы свесили ноги с края, пока я описывала то, что увидела. Я едва дышала от восторга и гордости из-за видения, я напоминала, наверное, трещащую игрушку.

— Я нужна амулету, Всадник! Нужна ему! — словно это могло выразить глубину того, что я поняла, что посреди отчаяния можно было найти красоту и заботу.

Всадник тихо сказал:

— Помни это, Эви.

В словах его было предупреждение, что отрезвило меня. Я посмотрела на него.

— И ты честно думаешь, что Стражница может уничтожить амулет?

— Мы следим, чтобы они этого не сделали.

Мы. Хранители, Всадники, люди в Тарнеке. Я притихла.

— И вы убьете Стражницу за такой выбор?

— До этого еще не доходило.

— А если дойдет? И что это за выбор: вернуть или уничтожить, если одно из действий приведет к смерти? Зачем Стражницам вообще уничтожать свой амулет?

— Мне нужен щит, — вздохнул Лорен, загруженный моими вопросами, но ответил лишь на один или сразу на все, я так и не поняла. — Мы не всегда действуем на здравую голову.

— Ну... — я отряхнула руки и встала, расправив плечи. Я не хотела ждать, я была готова спасать. — Моя голова сейчас мыслит здраво. Если Юдин узнает водопад, я пойду туда. Луна сегодня яркая.

— Сейчас? — рассмеялся Лорен, напоминая нашу первую встречу. — Что мешает сначала поспать?

— Чем раньше пойдем, тем быстрее все кончится. И я не хочу спать.

Юмор угас, и он улыбнулся.

— Целитель все спешит исправить. Избавить от боли, — прошептал Лорен. — Но не воспринимай все это так легко, Целитель. Нам еще понадобится сила.

Это «мы» было другим: он и я. Всадник пойдет со мной, я знала, но само слово было таким сильным. *Нам*. Мне нравилось, как оно звучит.

Может, Всадник думал о том же. Он спросил:

— Ты была не одна в видении. Ты поняла, кто или что это было?

— Нет, — я посмотрела на него. — Может, это был ты, — я сглотнула и пояснила. — Ты ведь мое Дополнение.

Он издал смешок.

— Это жалоба?

Я покачала головой. И не соврала.

— Хорошо, ведь Дополнение не может не защищать свою Стражницу.

— Точно, — прошептала я, и он улыбнулся.

— Правда?

— Это логично, — я посмотрела на него открыто, серебряный свет мерцал на его темных волосах, на белой рубашке. И тоже улыбнулась. — Но тебе защита нужна больше, чем мне. Ты ведь уже занят, Всадник.

Он вскинул брови.

— Что?

— А ты не видишь, что у тебя в кармане туники? — я заметила там какой-то силуэт.

Он опустил взгляд и вытащил из складки ткани помятый стебелек. Я рассмеялась.

— Ты знаешь, что это?

— Похоже на ромашку.

— Это, Всадник, талисман, означающий надежду на любовь, — я не ожидала, что Лилль выберет Лорена, это было глупо, да и она была еще слишком юна. Мой смех оборвался из-за странного чувства в сердце. А что я знала о Лорене? Вдруг Лилль станет его выбором?

Я быстро сказала:

— Девочка, Лилль. Это ее. Ты ей понравился.

— Ясно.

Я уставилась на него. Лорен сказал:

— Всадники спасли ее десять лет назад. Солдаты забирали и ее семью в Тир.

— Ах, и ты спас их, а она с тех пор тебя любит.

— Меня тогда там не было, и мы не спасли ее семью, — горько сказал он. — Ее отца и мать убили. Сестру сделали рабыней. А меня там не было, потому что... — он замолчал. — Потому что я не вернусь в Тир, — он колебался, вспоминая что-то неприятное. — Но, наверное, я совпал с ее воображением.

Вернусь. Слово засело в голове.

— Я не знаю твоей истории.

— Ты видела достаточно, — я ждала, и он посмотрел на меня. — Я Всадник. И в Тарнеке — сильнейшие и самые смелые...

— И самые скромные, — не сдержалась я.

Лорен пожал плечами.

— Я говорю правду, миледи, — он уперся коленом о камень и опустил на ногу руку, осматривая так карьер.

— Почему ты не говоришь о прошлом?

Он фыркнул.

— Всадники должны жить настоящим и быть всегда наготове, миледи. Прошлому здесь нет места.

— Тогда я представляю, что шрам на твоём виске скрывает твоё прошлое. Это связано с Тиром?

Ответа не последовало. Но он сказал:

— Я не держусь за прошлое так, как это делаешь ты.

— Тогда у Лилль есть надежда, — я указала я ромашку.

Лорен посмотрел на цветок и сверкнул улыбкой. Радостной. Но предупреждающей.

— Сохрани ее для меня, — он передал ромашку мне и повернулся к карьере, опираясь на руки. — Ночь прекрасна.

Я сунула цветок в карман. Осмотрелась. Луна была очень высоко, в ее свете известняк был белым, словно жемчуг.

— Я думаю о ракушке, — нарушила затянувшуюся тишину я. Это было не совсем так, но я должна была отвлечься от мыслей о Лилль... и Лорене.

— И?

— Ракушка — это остров. Хороший амулет для Смерти. Но здесь ведь есть что-то еще? Если силы эти связывают Природу с Землей, то разве не должна каждая сила быть связана с элементом?

Всадник кивнул.

— Жизнь — земля, тьма — воздух, свет — огонь, а смерть — вода. И все это сплетается в Природе.

— И Стражницы... мы тоже связаны с ними. Ларк любила работать в саду, а я — плавать...

— Плавать, — рассмеялся он. — Склонность к таланту — не связь.

— Нет, но это ее часть, — я прижала руку к груди, не зная, как ему объяснить. — В нас тоже есть что-то древнее — жизнь или тьма, вода или огонь. Ты говорил, что Стражниц пробуждают для поиска амулетов. Но наши силы всегда внутри нас, даже если нас никто не

пробуждал.

Тишина. Сердце колотилось о ладонь медленно и ровно. Всадник заговорил:

— Это верно.

Он говорил не со мной, а с луной и широким небом, словно это было правдой для всех нас. И я обрадовалась, что он понял.

И подвернулся хороший шанс. Я с надеждой спросила:

— Песнь ракушки. Как мне ее найти?

Лорен оглянулся и улыбнулся.

— Сколько еще будет вопросов, миледи?

Я покраснела. Он понимал меня. Я постаралась сказать непринужденно:

— Пока ты сможешь отвечать.

Он кивнул.

— Ладно. Скажу только, что амулеты нужны для Равновесия. А песня связана со Стражницей, с твоей историей.

— Как?

— Истории Стражниц не повторяются. Амулеты постоянны. С каждым пробуждением разные люди и в разное время проходят новые испытания. Слова стихотворения помогают найти тебя, доказать, что ты — Стражница, а не кто-то другой. Тебе и понимать смысл.

— Но...

— Смотри, — перебил меня Лорен, указывая влево вдаль. — Ночная рыбалка.

Всадник больше не хотел отвечать. Я посмотрела туда. Мужчины опускали в озеро фонари — стеклянные шары, в которых светились свечи, медленно опускались на веревках от тонких удочек. Некоторые шары уже были в воде и светились из глубины.

— Там сети, — тихо сказал Всадник. — А свет — приманка, на которую плывет любопытная рыба.

Меня притягивал свет. Фонари словно печально танцевали в воде. Я смотрела. Я забыла обо всем.

— Красиво, — прошептала я, — они светятся в воде. Словно в каждом заключена луна.

— И в тебе есть частичка луны, — прошептал он. Я посмотрела на него. — Твои волосы. Словно лунный свет.

Я лишилась дара речи. А мужчины у озера пели, музыка доносилась до нас, тихая и медленная. Лорен поднял руку и заправил прядь волос мне за ухо. Шепот прикосновения.

Я едва дышала из-за его поступка. Незнакомое желание пронзило меня, как стрела, и я не знала, что с ним делать. Лорен отстранился, когда я напряглась, и отодвинулся от меня.

— Прошу прощения.

— З-за что? — я сглотнула. Он уже спрашивал, за что я цепляюсь. И если он спросит снова...

Но Лорен лишь сказал:

— Я расстроил тебя.

— Как?

Выдох.

— Твои чувства принадлежат другому. И я не претендую на его место.

Он говорил о Райфе. И Всадник теперь уже причинил мне боль, разворошил воспоминания. Я хрипло сказала:

— Просто то, как ты поправил мои волосы, напомнило о нем.

Лорен молчал. Он кивнул, оттолкнулся от камня и выпрямился в свете луны. Я отвела взгляд.

— Нужно все рассказать Юдину, — сказал он.

Я кивнула, и радуясь, ... и нет. Я поднялась медленно, жалея, что мы договорили, и что «мы» разделилось.

— Надеюсь, он поймет, что за место я видела.

— Юдин знает карьер. Он проведет нас. Завтра можно отправляться.

Лорен протянул руку по-дружески, и я взялась за нее, радуясь его теплу и силе.

Другой рукой он раздвинул ветви березы, чтобы я прошла под ними. Я успела вдохнуть сандаловый аромат его кожи.

12

— Закрытые водопады!

Я проснулась от этого крика. И не сразу смогла понять, где я. Мягкая подушка, одеяло... Я подумала: Мерит! Но свет озарил стены комнаты в Форте Грена и сияющее лицо Лилль.

Я посмотрела на нее, а она повторила:

— Ракушка, которую вы хотите, в Закрытых водопадах!

Я приподнялась на локтях.

— Так сказал Юдин. Светящаяся пещера, водоросли...

— И кровь! — кивала Лилль, опустив поднос с хлебом и чаем. — Ходят слухи о крови на стенах. По легенде Закрытые водопады плачут кровью.

— Скорее водорослями, — сказала я. Убрав волосы с лица, я придвинулась к подносу. — Просто они похожи по цвету на кровь.

Она не согласилась.

— Вошедшие туда не возвращаются. Это их кровь.

Я улыбнулась, она была в своем духе.

— И ты радуешься, что это место такое ужасное. Думаю, ты даже хотела бы пойти с нами.

— Я иду с вами! — она подпрыгнула. — Я вызвалась отвести вас к водопадам. Я знаю, где это, и я очень быстрая.

— Лилль! — чай пролился мне на пальцы, обжигая. — Это слишком опасно, ты слишком юна! — ладно путь, но если за этим следили Призыватели?

— Юна! — Лилль возмущенно бросила в меня полотенцем. — Я не младше вас, и я знаю карьер так же хорошо, как семьи основателей. И еще, — она вздохнула, — я только отведу. В сами водопады я не пойду, это ваш путь, — она снова просияла. — И мы попросаемся, ведь вы не вернетесь!

— Ну, — я взяла кусочек хлеба и намазала вареньем. — Вряд ли я не выйду оттуда. Иначе зачем мне искать свою ракушку?

— Вашу! Если она ваша, то как потерялась? — она смотрела, как я ем. — Вы не боитесь моих рассказов о крови и тупиках?

Я покачала головой.

— Думаю, это пугает тебя.

— Ха! Я хитрая. Быстрая. Меня не одолеть, — она перечислила качества, гордясь ими.

— Возможно. Я слышала, что ты сбежала от рабства.

— Да! Нас вели в шахты. Но я убежала.

Лорен рассказывал иначе, но его там и не было.

— Я была быстрее сестры, — добавила она. — И она не спаслась.

— Она в шахтах? — хлеб застрял в горле. Я не могла представить жизнь раба.

— Они все попадают туда, — голос Лилль стал тише, глаза ее мерцали. — Но Всадники привели меня сюда.

— Ты хочешь ее спасти? Можешь спасти?

— Она, наверное, уже мертва, ведь шахты убивают. Это как Закрытые водопады. Если войдешь, выйти не сможешь. Но, может, когда-нибудь я отомщу им, — она выскочила на центр комнаты и взмахнула воображаемым оружием. — Может, Всадник научит меня использовать его меч, — она нанесла удар, словно хотела лишиться меня ноги, улыбаясь. — Наказать врага, не оставлять узников. Вот и вся месть.

Я ощутила удар.

— Осторожнее, — сказала я. — Я уже говорила, что твои слабости могут обернуться против тебя.

Она пожала плечами.

— Или сделать опаснее, — она опустила руку. — В шахтах прекрасные камни. Люди убивают за них. Порой — лишь порой — их приносят в город. Я возьму парочку, когда буду мстить за сестру, — она развернулась и расправила платье. — Ты бы не хотела себе такой цвет?

Я рассмеялась.

— Цветы красивы, когда они свежие.

— Возможно, — Лилль перестала кружиться и фыркнула. — Но цветы умирают.

Как и рабы. Я ела хлеб и смотрела на нее. Лилль не могли найти себе места, она подобрала мою одежду, которую я бросила прошлой ночью, и ждала, пока я доем. Я опустила на тарелку со звоном кусочек хлеба и допила чай. Я быстро заплела волосы в косу, думая о том, что Юдин рассказал нам с Лореном прошлой ночью.

— Закрытые водопады, — мрачно сказал он, когда я описала место с ракушкой. — Они не в Форте Грена, а в дне пути отсюда на север карьера. Один из нас отведет вас. Боюсь, если мы пошлем больше, это привлечет внимание. За долинами следят.

— Вы знаете, как нам ориентироваться в водопадах? — спросила я. — Я слышала, что оттуда не возвращаются.

Мужчина кивнул и протянул мне кружку сидра.

— Это слух. Надеюсь, вы его опровергнете. Не скажу, что встречал выживших, — он повернулся. — Неплохой вызов, да, Всадник?

Лорен фыркнул.

— Надежд мало, глава.

Но Юдин улыбнулся и сказал:

— Знайте, друзья: Закрытые водопады вне нашего контроля, но если вам понадобится помощь, мы придем...

— Эви! — Лилль помахала рукой перед моим лицом. — Пора.

Я кивнула и встала. Она встряхнула мое платье и передала мне. Ромашка, что принадлежала Лорену, выпала из кармана.

Повисло молчание. Лилль посмотрела на цветок, потом на меня. Она помрачнела.

— Ты сказала, что это сработает.

— Нет, — возразила я. — Ромашка проявляет чувства, если они уже есть, но нельзя заставить кого-то любить тебя. Такое нельзя хотеть.

— Но он заметил меня! Если... — ее голос оборвался, она закрыла рот.

Я резко ответила:

— Лилль, ему под двадцать пять! Он старше тебя лет на десять!

— А ты? Он старше тебя тоже, — парировала она.

— Я? Я здесь вообще ни при чем!

— Разве? Ты ведь приберегла себе трюки? — проворчала Лилль. Она подхватила высохший цветок и сжала в кулачке, после чего выбросила в окно. — Забудьте. Нам пора. Целитель, — она произнесла слово с таким ядом, словно назвала меня Призывателем.

* * *

Никто нас не провожал. Лилль шла по узкой тропе, я за ней, а потом Лорен. Шаги шуршали по камню, пели порой птицы... Звуков почти не было. Как и разговоров. Лилль злилась на меня из-за ромашки. Я сосредоточилась на дороге, игнорируя Лорена ради Лилль. Лорен разглядывал небо.

Поход был сложным. Стрекотали насекомые, сильно жгло солнце, и настроение портилось, что уже было почти не связано с Лилль, а больше относилось ко мне самой. Я отбросила косу на спину, поправила сумку, ляжка уже оставляла мокрые следы на платье. Мы не раз останавливались у водопада, чтобы освежиться. Я встала под воду и промокла, но каждую попытку солнце быстро высушивало, а мне лучше не становилось. В очередной раз я пошатнулась, и Лорен обхватил меня за талию.

— Осторожнее, — шепнул он.

— Я очень осторожна, — процедила я.

— И чуть не упала.

Я парировала:

— Призыватели все еще меня не нашли, так что падение не считается.

Лорен безмолвно отпустил меня.

Лилль вдали фыркнула и сказала:

— Так мы не успеем дотемна.

— В темноте даже лучше, — отозвался Лорен, и она притихла. Но не обернулась. У меня болела голова.

* * *

Мы добрались до вершины карьера после полудня.

— Теперь прямо, — сказала Лилль, — вот только...

Я посмотрела, куда она указывала. Наверху были мосты, о которых говорил Лорен. Они накрывали трещины в земле. Форт Грена был недосыгаемым снизу, но и сверху, если мосты разрушить. А они были хрупкими. Мосты были веревочными, только для пешеходов, они покачивались на ветру.

— По одному, — сообщила Лилль и побежала первой. Я держалась за перила с обеих сторон, осторожно шагая вперед, ветер раскачивал мост и меня, хотя Лорен и Лилль держали веревки с обеих сторон. Я перебралась на другую сторону, и, думаю, Лилль не была рада, что я не испугалась. Мы удерживали веревки, пока переходил Лорен. И я сглотнула, увидев, как мост прогибается под ним.

Лорен ступил на землю. Он прикрыл глаза сверху рукой и посмотрел, оценивая позицию солнца, и улыбнулся.

— Сколько еще? — спросил он у Лилль.

Было всего четыре моста. Мы прошли их без неприятностей. Дважды еще Лорен смотрел на солнце.

— Ты только время зря тратишь, — сказала я, пока он разглядывал небо. — Нам нужно добраться до водопадов к вечеру.

— Я же говорил, что мы попробуем сегодня, — сказал он. И добавил. — Сколько еще, Лилль?

— Недалеко, — улыбнулась ему она. — По этой тропе, — она побежала, покачивая юбкой платья. Я вытерла лицо рукавом и последовала за ней, чувствуя себя старушкой.

Форт за нами уже не виднелся. Дорога стала шире, насекомые громче. Лорен шел рядом со мной, и я сказала:

— Вряд ли здесь что-то нападет, — я окинула рукой пространство. — Здесь даже деревьев нет, чтобы спрятаться.

— Ты правильно поняла, — Лорен решил не ссориться. — Меня кое-что тревожит. Призыватели знают, кто ты, и мы уже близко к амулету. Почему они напускали тени в болоте, а теперь не пытаются тебя остановить?

— Потому что я не дала им шанса, — я не знала, почему спорю. Я вытерла лоб, словно могла так избавиться от злости или стрекота насекомых. Лорен не фыркнул, хотя я ожидала этого, но он вряд ли поверил мне. И я добавила. — Ты сам сказал, что Форт Грена хорошо спрятан.

— Мы за его пределами.

Он снова посмотрел на небо, и я не стала возмущаться. Я хотела разглядеть что-то впереди, где виднелся силуэт Лилль. Хорошо бы дойти и встать под воду, смыть головную боль. Я смогла бы тогда подумать, что лежит за водопадами, ведь по пути я не думала об этом, все еще злясь. Я была хуже Лилль.

Я закрыла рот и попыталась избавиться от раздражения, ускорив шаги.

Но далеко я не ушла.

— Что-то не так, — выдохнула я. Казалось, что я врезалась в стену. Голова раскалывалась, словно ее заполнили скрежетом сотни кос о камни, и я упала на колени. — Стрижи... — руки закрыли уши, и уткнулась головой в камни, чтобы избавиться от боли. Я слышала, как Лорен зовет меня, он подбежал сзади, а потом закричала Лилль:

— Что такое?

И Лорен крикнул ей:

— Беги! — он подхватил меня и тоже побежал.

Я свисала в руках Всадника, словно кукла. Грохот в голове был все громче, это было невыносимо, и Лорен так бежал, что у меня стучали зубы. Лилль вдали вопила, и Лорен крикнул ей:

— Под камни! Под! — тени пролетела надо мной, и я решила, что мы добрались до укрытия, но раздался взрыв, жар и пыль разлетелись, и я упала на землю.

Шум раскалывал голову.

Руки подхватили меня. Голос Лорена был жестким, он командовал Лилль уйти к камням, забиться так глубоко, как только она могла, меня тоже спрятали в камни, хотя было больно. Еще взрыв, и еще, все путалось. Лорен сказал:

— Они специально касаются земли... — рев приблизился, и Лилль прокричала имя Лорена, и оно немного снизило шум в голове, а потом я уже ничего не слышала.

* * *

И снова руки. Осторожно меня трясли за плечи.

— Эви.

Я вздрогнула, ударила по рукам, но они вернулись и встряхнули меня.

— Эви, проснись!

Я заморгала из-за ослепительного света солнца и увидела над собой камень под таким углом, что вырвалась из рук и откатилась, ударившись о другой камень. Руки остановили меня.

— Эви, все хорошо. Они ушли.

— Пусти... — я вырвалась, встала на четвереньки, все еще не придя в себя до конца, в голове пульсировала боль. Но шум пропал, как и раздражение, и хотя боль пока не отступила, облегчение было невероятным. Я не двигалась какое-то время, дыша, пытаюсь все вспомнить. Я покачала головой и вышла из тени камня на палящее солнце, где сидела и плакала Лилль.

— Что это было? — всхлипывала она.

— Стрижи, — Лорен следовал за мной. — Звук уничтожает Целителей.

— Это птицы, но и не птицы, — зубы Лилль стучали. — У них глаза... человеческие!

— Теперь мы в укрытии и вполне в безопасности.

Я посмотрела на Лорена. Его рубашка пострадала при взрывах.

— Вполне?

— Лорен спас тебя! — вступилась за него Лилль. — Он отнес тебя к этим камням, спрятал. По нему чуть не попали!

— Прости, — сказала я. И повернулась к Лорену. — Спасибо, — я потеряла уши и скривилась. — Я должна была узнать этот звук.

— Я должен был, — исправил он и покачал головой. — Они не нападали, а убивали себя. Стрижи не старались избегать камней. Может, они пришли... — он заговорил тише, — развлечься.

Я уставилась на него и поняла, как он бледен. Он тревожился из-за нападения, за меня, и от этого злилась Лилль. Я быстро сказала:

— Я в порядке, — и повернулась к Лилль. — Идем дальше?

— Они за выступом, — она кивнула в сторону, завидуя и пытаюсь подавить страх. — Понятно же, что мы на месте.

И я услышала. Рев воды. Теперь было понятно.

— Я готова, — сказала я.

Лорен фыркнул.

— Вряд ли.

— Я в порядке, — я отбросила волосы с лица. — Не будем тратить времени.

— Тебе нужно время восстановиться.

— Я Целитель! — рявкнула я. — Я знаю свои силы.

— Не думаю.

Я не отреагировала на слова, увидев, как пристально он смотрел на меня. Он мог видеть меня насквозь. И что он видел? Что он мне ужасно нравился? Что я хотела бы, чтобы этих чувств не было?

— Целитель права, Лорен, — резко сказала Лилль, мы посмотрели на нее. — Мы тратим время.

Лорен пожал губы.

— Тогда идем. Но, миледи, на месте ты поешь и отдохнешь.

— Хорошо, — я недовольно посмотрела на него. Такое отношение ко мне только сильнее злило Лилль. Исправить это было сложно.

Всадник встал и помог мне подняться. Лилль вскочила на ноги и сорвалась с места.

— Сюда, — сказала она.

Рев воды становился громче. Мы взобрались по камням и оказались на вершине гладкого склона, одной из сторон V. А вокруг были Закрытые водопады.

Поток воды падал с высоты, где выступали камни. Не было никакого ручья, вода вырывалась из камней и разлеталась широким, как три мужских роста, потоком. И ниспадала вода хоть и ровно, но не казалась безобидной. Поток падал с силой, напоминая стену, громко шумя. Вода ударяла по камням, дно терялось в тумане.

Где-то за свирепой водой была пещера и ракушка.

Лорен присвистнул. Лилль с радостью сказала:

— Видите?

Я понимала, почему люди не возвращались. Они не могли. Если кому и везло пройти через потоки воды, не было выступов на гладких камнях, чтобы вернуться. Поток воды просто смыл бы человека в туман.

— Ошибся, — прошептал Лорен. — Это не просто.

Я отозвалась:

— Как может амулет быть в таком... непреодолимом месте?

— С помощью сил. Или призвали какое-нибудь существо, использовали заклинание... — он посмотрел на меня. — У Призывателей много хитростей, чтобы преодолевать трудности.

У нас такого не было. Мы стояли и искали проход среди камней. Они были гладкими, выступы едва могли вместить стопу. Лорен взял веревки, но они не помогли бы и оборвались от силы воды.

— Ну? — Лилль была нетерпеливой.

Я посмотрела на нее, на Лорена. Мне еще было не по себе после атаки стрижей, и я сказала:

— Сначала поедим.

Мы устроились на вершине. Солнце нагревало камни, но туман от водопада остужал воздух, испаряясь. Лилль принесла еду и теперь делилась с нами сливами, яблоками, ножками голубей и хлебом. Я ела и смотрела на водопад. Лорен разглядывал меня.

— О чем думаешь? — наконец спросил он.

Я слабо улыбнулась.

— Как выжить.

— Никак, — сказала Лилль, убежденная, что мы едим в последний раз, и что она вскоре радостно со мной попрощается.

Лорен нахмурился. Я подмигнула ему и сказала громче:

— Думаю, водопад напоминает рану, из которой хлещет кровь. Словно повредили артерию или что-то отрезали...

— Фу, — сказала Лилль, выбросила сливу и поднялась на ноги.

Мы смотрели, как она уходит. Лорен вскинул брови, а я невинно улыбнулась.

— С одним разобрались, — сказал он с тенью улыбки. — Но проблема осталась.

— Есть такое, — отозвалась я. — И все же о ране: сначала останавливают кровотечение. Так и с этой водой ответ тот же. Придавить. Или наложить жгут.

Лорен рассмеялся.

— И у тебя есть такой жгут, миледи?

— Если подумать... — я указала на выступающие камни. — Вода падает с тех камней. Если мы подвинем хоть один, не изменит ли это направление потока или хотя бы уменьшит его?

Лорен посмотрел на меня, на водопад, потом вскочил на ноги и исчез за камнями. Я смотрела, как два или три тяжелых булыжника полетели с обрыва, их сбила вода. Он спустился ко мне, уставший, задыхающийся и мрачный.

— Из того, что можно двигать, ничто не выдержит поток воды, но я могу дать тебе время выйти из водопада.

— Почему ты говоришь «ты»?

— Я буду помогать отсюда.

— Как? — я ждала его объяснений, но он молчал. Я сказала. — Так ты не пойдешь со мной в пещеру?

Он покачал головой. Странно, но я расстроилась. Я взяла себя в руки и спросила:

— Чем я могу помочь?

— Ничем. Просто поспеши. Ты видела тогда какие-то препятствия?

Я покачала головой. Ракушка лежала на выступе.

— Тогда я отсчитаю триста шагов, тебе хватит времени. Вот...

Он быстро повесил мою сумку мне на шею и вытащил одну из веревок, завязал ее мне на поясе крепким узлом.

— Держись за нее, а то соскользнешь.

— Хватит времени? — я посмотрела на него, не слушая указания. — Что ты будешь делать?

— Иди, Эви. И быстрее, ладно? И... — он взял меня за руки и притянул ближе, мы смотрели друг другу в глаза, я едва дышала. Сила была почти такой же, как в первый раз, когда сквозь дым и страх я посмотрела в эти глаза... — Эви, — Лорен тряхнул моими руками, возвращая меня в реальность. Я моргнула и попыталась вырваться. Но он крепко держал руки и не отводил взгляда, заставляя меня сосредоточиться на настоящем. — Ты вернешься невредимой.

— Невредимой, — повторила я. И вдруг я подумала, а если я в последний раз вижу этого юношу, этого Всадника? Я открыла рот, не зная, что сказать, а если и могла бы...

Лилль вдруг вернулась. Лорен сжал мои руки и отступил, кивая мне идти. Так официально. Мое Дополнение. Ты сама сказала Лилль, что связь — не всегда любовь. Я посмотрела на них и улыбнулась, словно была в порядке. Пальцы сжались, задерживая тепло его касания.

— Она не сможет вернуться, — услышала я крик Лилль Лорену. Рев водопада заглушил остальные ее слова. Лорен обвязал другой конец веревки вокруг своего пояса, ногой зацепился за выбоину меж камней и кивнул мне.

Я спустилась к краю, выпрямилась и попыталась подобраться еще ближе, но не задеть поток, что срывался с обрыва. Но Лорен был прав, держаться было трудно. Нога коснулась воды. Поток был сильным и холодным, я пошатнулась. Вода двигалась между моей ступней и камнем, унося меня прочь. Веревка натянулась, и я схватилась за нее, вскрикнув, меня

бросало в стороны, но я выкарабкалась на сухое место, где смогла замереть.

— Эви!

Я посмотрела вверх на две фигуры. Лорен удерживал веревку, Лилль держала его. Я смогла махнуть и на коленях повернулась к водопаду. Я сползала по склону на четвереньках, в этот раз я смогла добраться до края потока воды. Я не выпрямлялась, словно из-за этого прочнее держалась на камне, и вытянула руку, проверяя напор воды. Поток ниспадал, ударив по руке, едва кончики пальцев коснулись воды.

Я глубоко вдохнула, готовясь. Промедление — смерть. И был лишь один способ войти — встретить силу силой.

Я опустила голову и с силой оттолкнулась, ныряя в водопад.

13

Я врезалась в воду и принялась съезжать с потоком, но пробилась вперед, пока меня не перестало тянуть назад. Кашляя, я встала на колени и замерла. Голова болела. Все болело. Медленно я ощупала руки и ноги. В синяках, но не сломаны. Я хватала ртом воздух, пытаюсь успокоиться. Я поднялась, оказавшись по бедра в воде, и огляделась.

Низкий потолок, спертый воздух, тусклый свет... и странная тишина. Рев водопада камни поглощали, а не отражали эхом. У левой стены были кости кого-то, кто решил не рисковать и остался здесь. Только одно тело, и на том спасибо. Я отшатнулась в другую сторону, нащупала стену и пошла во тьму. Раз. Два. Три...

Триста шагов. Лорен будет считать, и я надеялась, что медленно. Вдруг мне показалось, что времени мало. Я не знала, как глубока пещера и как далеко в ней ракушка. Я шла навстречу неизвестности. И мне уже хотелось уйти, Целитель во мне цеплялся за выживание.

Я подавила инстинкт и побрела в воде дальше. Тридцать. Тридцать один. Вода была холоднее, чем у входа. Рука скользила по стене. Водоросли, которые были в видении. Я присмотрелась к руке. Слизь, камень... что-то было не так. Я снова провела рукой по стене. Она не была цвета крови, как это было в видении, хотя воображение могло исказить правду. Как я могла быть уверена? Я взгляделась во тьму. Справа наверху стена была с выбоиной, с естественным выступом над водой. Я поспешила к ней, помня выступ...

Нож вонзился в мою грудь. Я рухнула в воду по шее, хватаясь за лезвие. Но оружия не было, только тонкий и острый холод. Он пронзал, причинял боль. Я вскрикнула, но потянулась к стене, выступу, заставила себя выбраться на него и притянула к себе ноги и руки, согреваясь. Через миг я вернулась в воду. Нельзя тратить время, придется принять холод, зайти дальше. Я коснулась мокрой веревки на поясе. Лорен считал.

Я шла вперед, обхватив себя руками, холод усиливался с каждым дюймом. Я стиснула зубы, закрыла глаза и впустила холод...

А он превратился в жар, а нож в нить энергии, что осторожно тянула. Я выпрямилась, вспоминая.

Это был сигнал. Нить забрала меня от стены и повела дальше. Я шла глубже в пещеру, следуя за этой нитью жара, чувствуя, как с каждым шагом вода становится теплее. Шестьдесят, шестьдесят один, вроде? И я увидела, как пещера разделяется на два туннеля. Я шла не туда, но теперь исправилась. Амулет помог.

Я поспешила вперед. Жар нарастал, тянул меня во тьму, но там не было темно, казалось, что там светит луна, словно день превратился в ночь, и я была перед открытым небом. Я

ускорила. Ракушка освещала это место, я знала. Жар, свет становились все сильнее с каждым шагом. Я прищурилась, пытаюсь увидеть. Семьдесят восемь, семьдесят девять? Я забыла считать...

А ракушка была там, та самая, из заклинания и видения. Уникальная, и она... лежала там. Я рассмеялась от облегчения и радости.

— О, вот же она! — крикнула я, хотя вокруг никого не было. — Я нашла ее!

Амулет Смерти, брошенный на узком выступе. Как же просто! Как же ему не подходило это место! Он слабо мерцал, свет исходил из жемчужной внутренности. Странно, что такая маленькая вещица держала в равновесии Смерть, вступала в связь с другими силами. А выглядела такой хрупкой.

Натяжение, выдох. Ракушка хотела, чтобы я взяла ее, а не разглядывала. Я вытянула руку, подождала, но тьма не зашевелилась, не послышался рев. Я осторожно взяла амулет и погладила его. Он оставался холодным в моей руке, спокойным, если можно было так описать ракушку. Открытым, тайным, помогающим, твердым...

Я содрогнулась от эмоции, которую не могла понять. Комок в горле рос. Что-то такое неприметное могло быть таким необычным, могло вызывать слезы, что было сложно проделать с Целителем. Могло вызвать такую нежность.

— Кроха, — прошептала я ракушке. — Я отнесу тебя домой.

Я подняла голову и прислушалась. Пещера повторяла эхом мой голос тихой музыкой.

— Домой, — снова прошептала я ракушке. Слово звенело красивой нотой. Я склонилась и шепнула слово в ракушку, заинтересовавшись, не споет ли она что-то в ответ...

А она не спела. Но я все равно улыбнулась, гордясь, что достигла цели. Я спрятала ракушку в сумку и крепко затянула ленту.

И замерла, напрягшись.

Что-то было в воде.

Красота растаяла, а видение и заклинание совпали. Меня предупреждали, и я не должна была удивиться. Волны, запах. Поглощающая тьма... Хотя я и достала амулет, это еще не было победой. Лорен тоже говорил, что это слишком просто.

Вода была потревожена. Я опустила взгляд. От меня расходились круги. Это что-то появилось сзади и было достаточно близко. Рука крепче сжала сумку. Келпи? Мутный монстр? Или создание Призывателей, о котором я никогда не слышала? Как мне защититься? И успею ли я? Было уже слишком поздно.

Из воды появилась голова, потом все остальное. Облик был человеческим, но нескладным, напоминало больше груды костей и хрящей. Глаза были впавшими и напоминали темные дыры. Рваное тряпье служило одеждой, обернутой вокруг тела. От волос остались влажные нити.

И я поняла, что это такое. Карга с болот. Но это было не болото.

Она была почти такого же роста, как я, молчала и смотрела. Ее зубы были обнажены, если их можно было назвать зубами. От нее пахло гнилью.

— Ты не боишься, — прошипела она.

Я осталась на месте, держась ровно. Я знала, что таким существам нельзя показывать страх, за ними нужно следить, а отвечать твердо. Я и не боялась. Карга с болот вряд ли была связана с Призывателями. Она была не на своей территории, как и я, и у меня уже была ракушка.

— Не боишься, — повторила Карга и склонилась, словно изучала меня, но она вдруг

замахнулась пальцами перед моим лицом, визжа. — Паф! — словно я могла струсить. Вода брызнула мне в глаза, но я даже не моргнула.

Она нахмурилась и опустила руку.

— Не боишься.

Это была проверка, а она что-то знала. Я скрестила руки.

— Что вы хотите?

— Хочу? — она посмеялась над словом. — Я ничего не хочу здесь. Хотя... мне это нравится.

Карга потянулась пальцами к моим волосам, но тут же отдернула руку, словно я обожгла ее. Она пыталась ходить кругами, размахивала руками, сжав ладони в кулаки, но вода не поддавалась. Она плескалась ею и вопила:

— Это ты! Это ты! Ай!

— Хватит! — перекричала ее я. — Зачем вы здесь?

— Ты... — она скривилась, прижав руки к груди. — Я здесь из-за тебя, Стражница. *Она* заставила меня, жестокое создание. *Другая*, — Карга выпрямилась и взглядела в меня. — Ты на нее похожа.

Я вскрикнула:

— Ларк!

— *Королева*, — фыркнула она. — Но ты — не она. Она сияет. А ты... глубже. Темнее.

Темнее. Жар покалывал руки, сжимал желудок.

— Зачем вы пришли?

— Она вызвала меня для поручения. У нее есть такое право, — Карга зарычала, но все же склонилась ко мне и принялась, и запах ей понравился. — Вода, а не Земля, — она чуть поежилась. — Не рост, но мимолетность. Ты... — Карга замолчала, завлекая мое любопытство. — Ты пропуск к разрушению. Мне это нравится. Мы одинаковы.

— Одинаковы? — выдавила я.

Карга страшно улыбнулась.

— Ты правильная. Я отдам это тебе. Вытяни руку.

Я покачала головой, крепко прижимая к себе сумку. Карга медленно развела руки, вытянув одну из них ко мне, сжимая эту ладонь в кулак. Она повернула ладонь и медленно разжала костлявые пальцы. Там был смятый цветок — зеленый стебель и лиловые лепестки. Миньон.

— Возьми это, — протянула она мне цветок. — Тебе он понадобится. Королева сказала.

— Ларк послала вас? Зачем?

— Она заставила меня отдать его тебе. *Бери!*

Я взяла миньон из ее холодной руки, она заскулила от моего прикосновения.

— И это, — Карга вытащила из тряпья ножик. — Тебе.

Я забрала нож, и Карга закричала:

— Вот! — она вскинула руку и пробежала круг, разбрызгивая воду. — Я выполнила задание и больше не связана! — она повернулась ко мне и приблизилась, сказав. — У тебя есть помощь. Ты можешь пожалеть об этом, — она оскалилась и засмеялась, словно ее это радовало.

— Вы все еще не назвали причину, — резко сказала я. И добавила отчаянно. — Передайте весть от меня. Прошу! — но она уже погрузилась в воду, не слушая мои просьбы. У Карги не было сердца. Она ничего не задолжала мне.

Я смотрела, как вода успокаивается. Я спрятала миньон и нож в сумку, тревожась. Ларк сделала это, но зачем? Взор раньше не показывал меня, мы были слишком близки, так что ее заставило? Это могло быть знаком от кузины посреди этого пустого места, что она понимала меня, что у нас было общее задание с амулетами. Но это не было таким знаком, ведь миньон и нож не обещали хорошего.

Я развернулась и побрела к выходу, через пару секунд перейдя на бег, путаясь в промокшей юбке, нуждаясь срочно в свете. Я не боялась. Но это место мне не нравилось.

Впереди вода падала с камня. Я приблизилась, вскинула руки, думая, стоит ли мне выпрыгнуть так же, как я сюда ныряла, чтобы веревка потянула меня вверх. Но поток отбросил меня. Я перекатилась и встала, руки и голова болели от удара, я оказалась напротив костей. Я отошла и потянула веревку, подавая знак. Но упала, когда рваный конец оказался в моих руках.

Конечно. Веревка не выдержала потока. И я поражено села, глядя на веревку и понимая теперь, что это место было погибелью.

«Лорен, сколько ты успел насчитать?»

Я медленно встала напротив воды. Миллионы мыслей пытались понять, как спастись, и я впилась пальцами в волосы из-за этих глупых попыток Целителя. Я закричала от потрясения. Отчаяния. Я кричала:

— Лорен! — бесполезно, но больше я ничего не могла. Почему Ларк послала мне мелочи, но не помогла открыть водопад? — Карга! — взмолилась я. Бессмысленно.

Я дрожала на границе света и тьмы, но увидела, как водопад меняется. Поток становился все тоньше, разливался в стороны, оставляя брешь по центру. Лорен смог остановить поток. У меня был мимолетный шанс, ведь препятствие вода вскоре вытолкнет. Я закричала, сделала шаг, за ним другой из тени камня на гладкий край, где вода безобидно стекала, а потом прыгнула на сухую плиту. Я упала и замерла, задыхаясь, чувствуя солнце спиной.

— Нет! Нет! — донесся вопль Лилль. — Ты не можешь! — я приподнялась на четвереньки и посмотрела вверх, но не смогла увидеть ее, да и кричала она не мне. Я скользнула взглядом по камням, по воде, вдруг подумала: «Как это работает? Какой камень?» Миг казался вечностью, и я поняла, что это не камень, а Лорен остановил водопад.

Своим телом.

Я вскочила на ноги. Среди камней наверху кричала Лилль, ее юбка смялась, она подпрыгивала.

— Лилль! — я подобралась выше, крича ей. — Лилль!

Она развернулась с ужасом на лице.

— Я не смогла его остановить!

Я в ужасе добралась до вершины. Мои глупые слова про препятствие натолкнули Всадника на мысль, и он привязал себя оставшимися веревками к камням, сделав себя — жгутом водопада, из-за которого вода меняла направление течения. Лорен сдерживал эту силу, раскачиваясь, как кукла. Его меч прорезал его штаны, вызывал серебристые брызги воды и красные капли крови — конфетти праздника смерти. А она была близко. Он ведь взял с собой меч, чтобы мы не могли разрезать веревки и остановить его, пока его тело не сломается... лишь бы я сбежала с амулетом.

Лилль визжала.

— Ничего... мы не сможем это остановить! Я не знаю, как это сделать!

Лорен сломается. Веревки порвутся. И он сорвется. Или умрет сразу, или в процессе. Ничего не поделать. Ужас, страх и паника охватили меня, с губ срывалось:

— Помогите! Помогите! Прошу! — я кричала громче Лилль, моля, чтобы кто-то оказался рядом и спас его, а моя беспомощность терзала меня. И вдруг я вспомнила, как Карга разжала пальцы.

«Она заставила меня принести это...»

— Быстро! — я порвала сумку в спешке, вытаскивая ножик и крича Лилль. — Держи веревку изо всех сил! Не отпускай! Я прорежу другие...

— Нет! — завопила она. — Я не настолько сильна.

Так и было. Она была слишком маленькой, чтобы удержать вес Лорена. Как и я, но у меня шансов все же было больше. Я бросила ей нож.

— Давай!

Она взобралась на камни, перепрыгнула на булыжник, из-под которого вылетала вода. Я вцепилась в край веревки, закинув ее себе на спину, упершись ногами в трещину, как до этого делал Лорен.

— Как только перережешь, беги обратно! — перекрикивала я шум воды. — Мы удержим его вдвоем!

Надеюсь, она меня услышала. Я смотрела, как она с ножиком склонилась над веревкой. Я задержала дыхание. И веревка порвалась, водопад ожил, а Лорен полетел. Он врезался в меня и начал сползать к краю. Я едва дышала после удара, меня тащило за ним, и я не могла удержать. Ноги искали зацепку. Я прижалась спиной к камню, чтобы помешать ему соскользнуть в бездну. Веревка натянулась, грозя лопнуть. Я закричала Лилль.

— Я здесь! — послышался ее голос за спиной.

— Вытаскивай меня! — крикнула я. Ее руки обхватили меня под моими руками. Я успела встать на ноги, прижаться к камню и подняться чуть выше.

— В сторону! — приказывала криком я. — Вместе! В сторону! — мы задыхались. — Водопад его не задевает?

— Нет!

Значит, дело только в его весе.

— Тащи! — кричала я. — Изо всех сил, Лилль! Тащи!

Медленно мы взбирались по камням, подтягивая веревку, что резала наши ладони. И мы вытащили Лорена. Он был без сознания и в крови, но целый.

— Что ты творишь? — зашипела я на Лорена, борясь с веревкой на его руках. — Что ты творишь?

— Он? — возмутилась Лилль. — Это ты! Это все из-за тебя!

— Дай мне нож, — твердо произнесла я. — Отдай его.

— Я сама, — ее взгляд пронзал. Она разрывала путы на запястьях Лорена и на лодыжках. Он связал себя, словно свинью, узлами и переплетениями. Повезло, что веревка не повредила ему связки. Я прикусила язык, подумав, что он пожертвовал собой с таким мастерством, а я лишь подобрала ракушку. Я злилась. Я боялась.

Лилль не старалась скрывать чувства. Она швыряла обрывки веревки в пропасть, а потом повернулась ко мне с белым лицом.

— Он мертв?

Я искала пульс на его шее, ведь запястья его были в крови, я прижалась щекой к его рту и ощутила слабое дыхание. Я радостно покачала головой.

— Но он может умереть! — рывкнула она. — Может! Посмотри на него! Он... столько крови! — она резко развернулась, но вернулась, кипя от ярости. — Это все было бессмысленно!

Я посмотрела на нее, стиснув зубы, потому что тоже злилась.

— От меня ты чего хочешь, Лилль? Бросить вам через водопад ракушку, надеясь, что вы ее поймаете? Да ее смыло бы водой!

— Кому есть дело до твоей ракушки? — прошипела она. — Она того не стоит! — она указала на мою сумку. — Привязала бы ее к веревке, мы забрали бы сумку. Ты могла пожертвовать собой, а не заставить его это сделать!

Она была права, но инстинкт Целителя не позволял мне жертвовать собой. Я ненавидела себя за это, за такую эгоистичность. Я зло сказала:

— Хватит. Нам нужна помощь. Иди за ней.

— Я? Чтобы ты предала всех нас, как поступила с ним?

— Лилль...!

Она процедила:

— Может, ты убежишь, как только я уйду. Ты свое получила. Что мешает тебе уйти?

— Убегу? — я схватила сумку, вытащила из нее ракушку и подняла в воздух. — Так заberi ее! Тогда будешь уверена, что я не брошу Всадника.

Лилль замешкалась, но потянулась за амулетом. Она даже приблизиться не смогла. Вспыхнул ослепительный свет, загрохотал гром, Лилль отлетела назад, крича. Она не сразу пришла в себя, а потом разрыдалась, возмущаясь:

— Ты! Ты знала, что это случится!

Я уставилась на ракушку с потрясением. Я не знала, что именно Лорен имел в виду, когда говорил, что только Стражницы могут собирать и возвращать амулеты. В моей руке ракушка была похожа на безделушку с рынка Мерит, но она чуть не убила Лилль. Я подняла голову в ужасе.

— Прости. Я не...

— *Кто* ты? — она отползла от меня в слезах.

Может, так она боялась и в тот миг, когда напали на ее семью — испуганный ребенок видел жестокую реальность. Я чувствовала себя ужасно, ранив ее, так напугав ее... но мы тратили время.

— Лилль, прошу...

— Прекрати, пока ты всех нас не убила! — выпалила она, но не в ужасе, а в ярости. Я смотрела на нее, отвернувшуюся и свернувшуюся клубочком, она напомнила мне жителей Берна, слова Харкера: «жестокость людей». Тьма была в ней, там где страх и боль породили ненависть и гнев. И не было шанса все изменить, пока мы не спасем Всадника.

Я произнесла спокойнее, чем себя чувствовала:

— Лилль, беги в Форт. Нам нужна помощь, — я повернулась к Лорену и порвала рубашку на его груди и плечах. Синяки уже проступили. Запястья были в глубоких ранах. На ребрах была глубокая царапина. Я прижала к ней руки. Кровь была холодной.

— Ты хочешь, чтобы я ушла и не мешала тебе убить его.

Лилль смотрела на меня, все еще обхватывая себя руками. Она не думала, она злила меня, провоцируя ссору. Как же легко впустить жестокость, безумие. Силу Призывателей...

— Я Целитель, Лилль. Я не могу убивать вот так, — но, может, я убивала иначе. Мои руки были бесполезными. Повязки. Порвать что-то на повязки... Что угодно.

— Посмотри на него! Ты не Целитель, ты приносишь *Смерть*! — она бросила в меня этим словом, словно копьем. — И ты не друг! Соврала про ромашку, притворилась...

— Лилль, нет времени! Ты должна идти. Прошу!

Она стиснула зубы. Я взмолилась:

— Ты знаешь путь. И ты быстрая, помнишь? Приведи людей с носилками для Лорена. Ты можешь ему помочь и спасти.

— От тебя, — оскалилась она.

— Обещаю, Лилль. Я исцелю его! Обещаю, что не дам ему умереть!

Я говорила это не ей, а себе. Я встала и прошла туда, где стояла, когда показалась ей ужасным носителем смерти, когда она обвиняла и оскорбляла меня.

— Не. Дам. А теперь иди!

Лилль подскочила, испугавшись моей реакции, и помчалась по камням. Близилась сумерки. Надеюсь, она успеет дотемна.

14

Я смотрела на влажные обрывки рубашки, на Лорена. И вся решительность покинула меня за один выдох. Рев водопада я не слышала, только свое дыхание, и камень, на котором мы были, окружило фальшивое спокойствие. В тишине ко мне вернулись воспоминания: площадь в Мерит, безжизненное тело Райфа, беспомощность. Тогда я впервые узнала, какую боль причиняет смерть, как она отличается от жизни. Тогда я была абсолютно беспомощной.

Руки лежали на коленях. Я развернула ладони и посмотрела на них.

— Не водоросли, — прошептала я. Мои руки снова были в крови, как тогда с Райфом, но теперь с Лореном. Кровь была такой же красной. — Прости, Райф, — прошептала я и посмотрела на Лорена. — Прости, Всадник, — Лилль была права. Я не мешала его смерти.

«Любовь не может умереть», — слова возникли из ниоткуда. Слова, что Райф шепнул Ларк, чтобы она передала мне. Слова, доказывающие его веру, нашу связь, которую не могла разорвать смерть, которую я предала чувствами к Всаднику.

Я вытерла руки о платье. Медленно. Синий стал черным. Только черным.

«Любовь не может умереть!» — слова были громкими, злыми из-за моего бездействия. Я слышала в них угрозу, но это мог быть Райф. Хотя он не стал бы преследовать меня. Он бы не проклял меня таким обещанием, не мог бы сковать мои чувства. И что, Райф? Что ты имеешь в виду?

«Не может умереть. Не может», — загадка или даже вызов. Я не понимала. Умершее возвращалось в землю, давало начало новой жизни. Целители знали это лучше остальных...

И вдруг я поняла, смех вырвался из груди, радостный и свободный. Обещание не было клеткой, это было предложением не убивать чувства! Любовь не могла умереть, ведь она перерождалась.

Благородный Райф. Я закрыла глаза, поклонилась, прижав ладонь к сердцу, благодаря его. Я посмотрела на Лорена, и боль в груди была почти невыносимой, и любовь, которую хранила наивная я, неискушенный Целитель, проникла в мою дрожащую ладонь, уже не могла быть тайной. Слова вернулись шепотом: «Не может умереть».

И другая мысль пронзила меня:

«Не дай ему умереть, Эви!»

Я вздрогнула. Я склонилась к Всаднику и убрала со лба его волосы, прижала пальцы к

его шею. Пульс был, но слабый, жизнь еще не угасла. Я провела руками по его рукам, по его телу, чувствуя царапины, раны, переломы. Я делала так и раньше, но была потрясенной его прибытием, красотой и своим смятением. Я больше времени смотрела на него, не понимая, хочу ли будить.

Теперь же я хотела разбудить его любой ценой.

Хуже всего была рана на груди. Я промыла ее его влажной рубашкой, повторила еще много раз. Она должна закрыться, кровь вытекала слишком быстро. Но у меня не было ничего, чтобы зашить ее. Я прижала рубашку к ране, ткань темнела, а я просила кровь остановиться. Я делала это слишком часто за прошедшие дни, пытаюсь исцелять людей. Но все погибли.

Свет почти угас, последние лучи освещали небо, я работала почти в темноте.

Я схватила его за плечи и поклялась, глядя в его лицо:

— Я тебя не потеряю!

И я вскочила, вскрикнув. Мятый миньон, что принесла мне Карга по приказу Ларк. Она сделала это, чтобы я спасла Лорена. Нож, миньон... Каким бы образом не увидела это Ларк, но это было сильнее, чем все мои исцеления. Я едва дышала, надеясь... Ларк дала мне шанс спасти его.

Под головой Лорена была кожаная сумка Лилль, она подложила ее, когда мы вытащили его на камень. Я осторожно достала ее и вытащила из нее остатки еды. Хлеб, яблоки, ножка голубя. Я вернула сумку под Лорена и подбежала к потоку воды, промочила юбки и вернулась. Оторвала корочку от хлеба, и мякиш сунула в мокрую ткань. Я принялась ударять этим свертком о камень, делая из хлеба пасту. Я вытащила миньон, порвала на кусочки и высыпала в пасту, потом все перемешала. Я пыталась разглядеть в полумраке зеленый оттенок смеси, признак того, что я все хорошо смешала.

Я вытерла рану Лорена, намазала ее пригоршнями пасты, проделала это и с его запястьями и лодыжками, оставив пасту высыхать на ночном воздухе, пока я рвала рубашку, которую промыла в воде, на бинты. Я разложила их сушиться на камнях, что были еще теплыми.

Яблоки. Я ударяла ими о камень, пока они не смялись, потом поддела ногтями кожицу, выжала сок в рот Лорена. Он поможет изнутри. Кожицей яблок я накрыла его раны. Ножку голубя я быстро съела.

Я села, задыхаясь и пытаюсь понять, что я могу сделать во тьме. Я копалась в своих знаниях, в доступных предметах, проверяла, все ли я задействовала. Все это я делала одна, но миньон был помощью. Травы исцеляли лучше всего.

— Откуда ты знала? — прошептала я. — Откуда ты знала, что мне понадобится нож и миньон? — Ларк не могла меня читать. Я не могла появиться в ее видениях Взора, только в заклинании, как то, что сотворила я...

Любопытство пылало во мне. Любопытство и немного зависти. Родись я с талантом Ларк, я бы помешала этой жертве Лорена.

Я посмотрела на него. Я едва видела его в темноте, но его жар ощущался в воздухе. Я придвинулась и дрожащими руками уложила его голову на свои колени. Я разглядывала Всадника при нашей первой встрече, пыталась запомнить его и уйти. Теперь его близость пробуждала что-то огромное, даже причиняла боль. Уйти было невозможно. Я трижды глубоко вдохнула, а потом опустила ладони сначала на его виски, потом на сердце, используя дар. Голова, сердце, голова, сердце. Я повторяла это снова и снова, медленно

считая каждый раз до десяти, пока мое сердце не забилося в том же ритме. Снова и снова, и я отдавала тепло, жизнь...

Снова и снова. Но не получалось.

Я запнулась. Не работало, мой дар Целителя был истощен. Всадник едва дышал.

А если Лилль была права, и я приведу Лорена к смерти? А если я была права, и Целитель не может быть Стражницей Смерти? Может, Равновесие и было в том, что теперь я вела людей к смерти? Что уже не исцеляла?

«Так все и начинается, и страх...»

Я покачала головой. Я убрала руки и стряхнула с них все плохое, потом вернула на виски Лорена. Я могла думать, касаясь его, лишь о том, какую красивую боль он причинял мне, как я не смогу жить без него, если позволю ему умереть. Конечно, это не помогало, ведь я не давала ему исцеляющую энергию, лишь необходимость.

Я отпустила его голову, прижала ладони к ранам, к местам, где, как помнила, были синяки и порезы. Я молилась, я ругалась. Слабое дыхание, слабое биение сердца. Если он не вернется... Я отчаялась. *Любовь не может умереть!* Слова были шепотом, выдохом, криком поверх рева водопадов, обращенные к небу, к звездам, что зажигались на нем, что хоть немного освещали камни. *Любовь не может умереть!*

Не знаю, как это произошло, но рука потянулась к моей сумке, но не к амулету Смерти в ней, а к тому, что я сохранила, к плетенному кожаному кольцу. Я вытащила его и надела на большой палец для силы. Для помощи. «Не может умереть» — перерождение, но и воспоминание. Цикл, что не требовал смерти. Как могли существовать Жизнь и Смерть без любви? От Рубера Минла — к Райфу, а потом ко мне. Кольцо было этой нитью. Я прижала руки к вискам Лорена, кольцо прижалось к коже.

— Я тебя люблю, — я никогда не говорила этого вслух, но слова вырвались, пылкие. Я склонилась и коснулась губами лба Лорена, желая сказать это снова. — Я тебя люблю, — горло сжалось. — Прошу, — я взяла его руку и прижала к своему сердцу. — Прошу, вернись.

Мои пальцы слабо сжали.

— Лорен! Лорен? — я отпустила его руку и обхватила лицо, пытаюсь увидеть. — Ты меня слышишь?

Тишина, боль. Но его губы разомкнулись.

— Я тебя чувствую, — прошептал он, чуть скривившись.

Я резко отстранилась.

— Я слишком напиралю! — я склонилась над ним снова, тревожась, слышал ли он мое признание. — Или нет?

Стон, вздох. Тень улыбки, освещенная светом звезд.

— Миледи, ты не знаешь...

Всадник шутил, но вдруг стало не важно, слышал он или нет. Я улыбнулась.

— Ты вернулся!

— Ракушка?

— Здесь. У меня!

Судорожный выдох.

— Тогда, — прокряхтел он, — у нас получилось.

— Да, — получилось. Слово было таким мощным. Я смеялась. От облегчения кружилась голова.

— Лилль?

— Ушла за помощью.

Он скривился и попробовал сесть. Я схватила его руку. Его пальцы задели кольцо, он поймал его пальцами на миг и отдернул руку. Я ничего не думала, только гладила его волосы.

Но вялость Лорена резко прошла, он заерзал в моих руках, попытался сесть и понять.

— Как я выжил?

— Дары от моей кузины. Ложись! Ты сильно ранен!

— Ничего, — выдохнул он. — Это странно, но... — он скривился, ощутив боль. — Нам нужно в укрытие, ведь стрижи могут вернуться.

— Не вернутся, — я могла заставить его отдыхать. Должна была. — Закрой глаза.

Он сделал так, но ненадолго.

— Мой меч...

— Тише. Он у меня, Всадник, — он фыркнул, я улыбнулась. Мы не тревожились друг за друга. — Расслабьтесь, сэр. Доверяйте своему Целителю.

— Моему... — он замер на миг, глаза его открылись и посмотрели на меня. Он прошептал. — Кольцо. Это тоже подарок королевы?

— Нет, оно было у Райфа, — я не переставала улыбаться. — Оно передается с любовью, потому у него особая сила, так я думаю.

Лорен притих на миг.

— Возможно.

Я отозвалась:

— Возьми, — я сняла кольцо и вложила в его ладонь и сжала его пальцы, хотя он сопротивлялся.

— Эви...

— Шшш, тихо. Кольцо у тебя, твоя энергия — во мне, — я обхватила его руки. — Это особое исцеление.

— Эви, что?..

— Дыши, Всадник, — я прижала руки к его вискам. — Глубоко и медленно. Глубоко и медленно, — я чувствовала, что приближается что-то особое. — Дыши, — все изменилось. Мои чувства были открытыми, но Лорен не увидел их. — Дыши, — тайна не была бременем, не была и предательством. Она заполняла воздух, кричала в тишине, словно вибрировала вокруг.

Может, он ощутил это. Лорен перестал сопротивляться.

— Твой голос похож на музыку.

— Так говорят, — руки на его сердце, они сами тряслись, ведь я дрожала.

— Это часть твоей силы, миледи.

— Есть... исцеляющая песня, которую я могу тебе спеть, если хочешь, — и хотя мы уже были близко, были прикосновения, а я уже дрожала, от этого предложения мне стало неловко. Я стеснялась, словно была Ларк.

Уголок его рта приподнялся.

— Хочу.

Я кивнула, отвела взгляд, пытаюсь вернуть спокойствие Целителя. Я запела тихо, едва слышно за гулом водопада, прижимая руки к его сердцу:

— *Дождем, ветром, травой и золой*

Окружи, наполнив силой.

Верни вздох, тело исцели

Подними меня, сердце вновь заведи.

Колыбельная. Первый инструмент, которому я научилась. Бабушка научила меня ей еще в детстве, когда она поняла, что я унаследовала ее дар. Я вспомнила наш домик в Мерит, камин и собаку Ларк, Рилега, спящего рядом с ним, мы с Ларк помогали бабушке шить саше для рынка. Тепло золотого огня, запах яблони, лимона и лаванды пробудили желание быть дома, но запах сандалового дерева и дуба, запах Лорена, был сильнее, он стал чем-то большим для меня.

Я понимала теперь, как Ларк нашла новый дом. Я была дома рядом с Лореном даже на этом камне, даже рядом с водопадом. Даже в боли. Жизнь не вернет чудесных дней детства, но красота от этого не исчезла. Может, ее будет и больше.

Он прошептал:

— Насчет кольца... — но Лорен уснул, пока я сидела, смотрела, напевала и держала его. А звезды над нами усеивали небо.

Намного позже звезды сменились серым рассветом, и появился новый звук — шаги и крик Лилль:

— Лорен! — помощь пришла, руки подняли Лорена и понесли в Форт Грена. Кто-то уложил руки Лорена на его грудь, чтобы они не болтались. Кольцо выпало из его ладони, я заметила его, подняла и надела на свой палец. Я увидела, что Лилль смотрит на мою руку и плетеное кольцо. Она отвела взгляд.

15

Мягкая постель была роскошью. Как и чистая одежда. В благодарность я помогала на кухне Форта Грена, занимая себя, пока ждала восстановления Лорена.

Я бы сидела рядом с Всадником, но миньон сам делал работу. Я не могла бы спокойно ухаживать за мужчиной, которого касалась с желанием, которого целовала. И Лилль заняла мое место, дав понять молчанием, что мне стоит держаться в стороне, а то и исчезнуть. Я не спорила с ней, ведь достаточно ее ранила, и мне было ее жаль. Она пережила ужасную потерю. Потому я держалась подальше от комнаты Всадника. И мне бы хотелось, пока он восстанавливается, наладить хоть хрупкий мир с Лилль.

К ее разочарованию, я не ушла. Юдин мог вывести меня из карьера, я могла найти путь в Тарнек и без помощи Всадника, но я ждала. Я не хотела возвращать амулет без моего Дополнения. Я не хотела быть без него.

Мне нравилась кухня — самое оживленное место в Форте Грена. Что-то вкусное всегда жарилось на костре, слухи распространялись свободно, как и хлеб. Эту комнату вырезали первой. Широкая и глубокая, с большим проходом, направленным к полям и озеру вдали. Дым отсюда не выходил на Форт, он рассеивался без следа. Свежая вода текла сама и использовалась для готовки и умывания, я едва помнила колодцы.

Я помогала консервировать фрукты и засаливать рыбу, но лучше я общалась и показывала, какие травы из висячих садов форта могут использоваться в медицине и в еде.

— Перед исцелением мойте руки с розмарином, — объясняла я. — Крестовник помогает от боли в зубах. Эльхорн — от бородавок... — шумная толпа собиралась за столом, напоминая мне базарный день в Мерит, наш лоток, где я любила торговать. Информация была популярна, толпа обсуждала и отвлекала меня от Лорена. Мне приносили листья и

стебли с интересом.

— Сорняки, — чаще всего говорила им я. Хотя это тоже можно было использовать, но объяснять было слишком долго.

Я училась и у них. Они показали мне, как делать неизвестные мне зелья, смеси из специй и козьего молока, которые высушивались до твердой лепешки, которую можно было взять с собой и растопить потом в котелке воды, превратить в насыщенный напиток.

— Бальзам, — называли они его. — Помогает очистить голову и придает сил. Его передают еще из древнего королевства Тарнека. Это наш самый лучший рецепт, — Тарнек, как я узнала, был загадкой. Путь к нему был проникнут тайной, забытой всеми.

Я узнала и историю Форта Грена. Семь семей пришли из Тарнека, больше семи поколений они вырезали крепость в карьере, их потомки разошлись по королевству, сделав крепость защитой для Хранителей и тех, кто ищет помощи. И Форт Грена спасал выживших. Из сгоревших деревень Юдин и его люди приводили оставшихся жителей.

На второе утро после нашего возвращения из Закрытого водопада они привели на кухню уставшего мужчину, найденного без сознания у карьера. Его появление вызвало большую шумиху, Юдин приказал всем собраться в Форте, не собирать травы, а пустить отряд по его пути. Кухня была переполнена людьми, что пришли посмотреть, как незнакомец поглощает миску за миской похлебки с дрожащими пальцами. Маленькая Мерри прошептала мне, что было опасно найти его так близко. Форт Грена был незамеченным поколениями, а теперь его чуть не раскрыли!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Но тревогу вызывал не мужчина, а те, кто за ним гнался.

— Солдаты, — сказала Мерри тихо, ее глаза были огромными, она была еще маленькой, чтобы знать о таком. — Мы слышали, что они рыскали неподалеку.

— Недалеко от нас, но далеко от дома, — прошипела кто-то еще.

— Почти, — отозвался незнакомец. Все повернулись. — Люди в темной броне, — прошептал он. — Тридцать. Сравнили с землей все в долине Пембрейк четыре ночи назад, забрали жителей. Всех.

— Так близко... — выдохнула она из матерей, прижав руку к горлу. — Почему они все заполняют шахты?

Другая женщина высказала то, о чем все думали:

— Они используют рабов, пока они не умрут, подлецы из Тира.

Всех передернуло от упоминания названия, а я вспомнила о бедной сестре Лилль. Но вдруг слепой Керл, который до этого храпел у костра, поднял голову и сказал:

— Все изменилось. Тир так далеко пошел не для заполнения шахт, — он посмотрел мутными глазами на незнакомца. — Они собирают армию рабов.

Незнакомец повернулся к еде, но другая мать выпалила:

— Мечтай, старик. Почему бы им не пытаться заполнить шахты? Юдин говорит, что жителей ближайшего города уже забрали, а других уничтожили изнутри. Засуха проявляет зависть.

— Зависть? От этого есть трава? — спросила у меня Мерри. Они спрашивали о травах от всего.

Я покачала головой и повернулась к Керлу.

— Зачем им армия рабов? Несколько их солдат причинят больше вреда. Я это видела.

Старик беззубо улыбнулся.

— Видеть можно по-разному, юная Эви. Может, ты видела разрушение, но не причину. Всех, он сказал, — Керл указал на незнакомца. — Дети не нужны в шахтах, но их можно вырастить послушными, научить жестокости. Дать им новый язык, чтобы они понимали только друг друга, — он фыркнул. — Армия строится из тех, кто умеет только сражаться за Тир. Армия для будущего создается для долгой битвы.

Часть верила мудрости, часть думала, что Керл тронулся умом. Но заговорил незнакомец, и тишина заполнила комнату.

— Не только армию. Тир набирает людей, чтобы устроить большой ход.

Мы уставились на него. Я спросила:

— Какой ход?

— Слепой прав, — грубо ответил он. — Тир использует жителей, чтобы бросать их в шахты. Но армия для другого. Говорят, что нашли путь в замок Тарнек.

Шепот утих.

— Этого королевства давно не было видно, — сказал кто-то.

— Но оно не исчезло, — заметил незнакомец. — Но хорошо защищено. И у них, говорят, есть вещи ценнее, чем камни из земли. Начнется война с Тарнеком, долгая война, даже если раскроют слабости. Тир объединяется с другими, чтобы победить Тарнек.

— Что может быть ценнее камней?

Незнакомец вытер бороду.

— Лошади.

«Тарнек» — зашептались в комнате, любопытство из-за сокровищ старого королевства, оказавшихся не просто легендой. Малышка Мерри закричала:

— Лошади! — и одна из старушек шикнула на нее. Она оглянулась на меня и повернулась к незнакомцу. Я поняла, что многие в Форте Грена знали о Тарнеке, о лошадях, но притворялись не знающими. Никто не хотел выдать незнакомцу Всадника и его коня.

Я заметила Лилль. Она настороженно смотрела на меня, и я слабо кивнула, понимая, что мы не будем говорить, но обе хотели сохранить Лорена и Форт Грена.

Лилль принесла поднос с завтраком, ломаные лепешки, как извинение. Она не осталась, но на третий день после прибытия незнакомца Лилль пришла в мою комнатку раньше обычного, испуганная и дрожащая. Я схватила ее, пока она не выпалила, что вернулся Юдин. Его отряд убил четверых солдат. Но незнакомец говорил, что их куда больше неподалеку.

— Они найдут нас, — лепетала она, расхаживая по комнатке. — В этот раз найдут. Они слишком близко.

Я сказала:

— Но вы все еще хорошо защищены.

— Нет!

— Хорошо скрыты, — попыталась я.

Лилль махнула рукой, не остановилась.

— Как же тебе понять? Только ты здесь спокойна, ведь знаешь, как исцелять раны. У нас нет твоих материалов, навыков. Если мы начнем сражение... — она посмотрела на меня благодарно. — Лорену становится лучше из-за твоих действий. Но ты уйдешь, а они найдут нас, и мы... умрем.

— Навыкам учатся, — заметила я. — И я могу научить вас.

— Мы умеем бинтовать! — заявила Лилль. — Травы. Ты показала нам, что есть в наших садах. Но этого мало. Нам этого не хватит. Нам нужно есть, все сады для трав мы выделить

не можем! — ее губы дрожали. — И будет как с моей семьей. Ничто нас не спасет.

— Лилль, мы можем подготовиться.

— Тем, что ты прячешь в своей сумке? — она скривилась. — Там лишь боль.

— Не этим. Мы соберем то, что есть на вершинах, и я покажу...

— Что? Нет! — сказала Лилль и резко опустилась на пол. — Нет, Целитель! Наверх тебе нельзя. Это слишком опасно! Юдин запретил.

— Из-за нескольких солдат? — фыркнула я. — Ты сама говорила: Юдин нашел только четверых за три дня! Травы найти проще.

Она пожала плечами.

— А если ты их не найдешь? В прошлый раз Мерри пришла с пасленом, и ты заставила ее выбросить это.

Я улыбнулась.

— Скажи мне, что здесь есть что-то, похожее на вервейн. Эта трава помогает при ранах. Длинные узкие листья...

— И фиолетовые цветы, — мрачно кивнула она. — Я помню. Я его видела. Он растет наверху.

— Так сбегает за ним, — сказала я, доплетая косу.

— Нет. Одной тебе нельзя, ты не знаешь путь.

— А ты слишком напугана, чтобы показывать мне.

Это ее оскорбило.

— Нет, — сказала она через миг. — Я покажу, но ты должна поклясться, что это будет быстро. Если нас и не найдут солдаты, Юдин убьет меня за такое.

— Тогда поспешим, — я обулась и повесила сумку на плечо. Лилль не хотела быть рядом с ракушкой.

— Тебе нужно все время... носить с собой эту штуку?

Я не открывала сумку после нашего возвращения, помня, что случилось с Лилль. Но и оставить не могла.

— Со мной безопаснее, — бодро сказала я и схватила плащ. — Мы используем это вместо корзины. И никто не поймет, — я допила чай и не стала есть каменные лепешки. — Идем.

— Но в пути пригодятся, — не сдавалась щедрая Лилль. — Возьми их.

* * *

Мы взобрались на утес, направились на запад и пересекли два мостика. Солнце еще не поднялось высоко, но было уже жарко. На вершине было много сухостоя, а еще сорняки до колен, и почти все — коричневые. Я почти забыла о засухе.

— Мы близко? — спросила я.

— Нужно пересечь еще один мост, — и она добавила. — Не думай о пути. Смотри, чтобы не напали солдаты.

Но солдат не было. Я перекинула плащ через локоть и шла за Лилль. Она шагала быстро и оглядывалась, не доверяя мне. Я следила за ней, страх ее был любопытным, я думала, что она помнит о Тире, о потере сестры, родителей... Какой пугливой она стала. Какой сломленной.

Мы прошли последний мост. Я вспомнила об Арро и спросила у Лилль, не прячут ли его где-то неподалеку. Она пожала плечами:

— Он хорошо спрятан. Ты его не найдешь.

— А ты не хочешь посмотреть на лошадь? — я остановилась. — Ты ведь никогда их не видела?

Она покачала головой:

— Это не прогулка!

Я фыркнула:

— Но и не путь на казнь, — но прикусила язык. Пот стекал по шее, и я остановилась вытереть его.

Она развернулась.

— Не мешкай, Целитель, это опасно!

— Куда теперь? — я огляделась. Мы стояли почти по пояс в сухой траве. Впереди стояли березы и ясени.

— Туда, — сказала она и поспешила к деревьям. Я шла за ней, оглядываясь, когда мы вошли в рощу. Последний мост закрыла трава. Форт Грена был хорошо спрятан. Если не знать, что ищешь, его и не увидишь.

Лилль стояла в тени последних деревьев и смотрела на высохшую долину и сорняки, прислушиваясь. Лицо ее было белым.

— Куда теперь?

Она указала вправо.

— Туда.

Я посмотрела и повернулась к ней.

— Вряд ли. Вервейн не растет рядом с ясенем, как и не растет возле чертополоха.

— Это не чертополох, — парировала она.

— Лилль...

Она вздрогнула.

— Я видела траву. Я покажу тебе.

Она сделала два осторожных шага по долине, словно проверяла лед на пруду. Я вздохнула. Узнать чертополох было просто, он напоминал сухостой. Но ссориться с Лилль снова я не хотела.

— Стой там, — сказала я и прошла к густым зарослям чертополоха, где не было вервейна. — Здесь ничего нет, — сообщила я, солнце обжигало спину. Здесь не было даже лиловых стеблей. Я не услышала ее ответ, только стрекот сверчков прорывал тишину и жар.

Но потом я кое-что увидела. В нескольких шагах сухая трава была примята. Я нахмурилась и приблизилась. Примята, словно несколько людей стояло здесь. Нет, устраивалось на ночлег. Земля была усеяна костями животных и следами встречи с острым металлом. Была и яма. Я опустилась и заглянула в нее. Для костра, чтобы искры не зажгли сухостой вокруг. Я коснулась обгоревшего дерева. Чуть теплое.

— Лилль! — прокричала я, но не во весь голос. — Лилль! Солдаты! — я оттолкнулась от земли, ладонь разломала косточки. Жестокие смерти. Я вытерла руки о фартук. — Лилль?.. — пробормотала я под нос, щурясь на солнце. Лилль нигде не было. Пульс участился, но ее не могли поймать. Был бы шум, крики, солдаты же были в броне. Я приглядывалась к стволам деревьев. Никого. Я покачала головой, очищая ее, чтобы доказать, что меня не обманывают инстинкты. — Лилль?

И только стрекот сверчков был мне ответом.

Я побежала. Обрато в рощу, к мосту. Я прижимала к себе плащ, цепляющийся за ветки в тени, из-под ветвей я вырвалась на свет, задыхаясь.

— Лилль! — она не бросила бы меня, даже испугавшись. — Лилль!

А мост... где он был? Скрытый среди сухой высокой травы. Но там были просветы среди сухостоя — следы Лилль. Она знала, что я это увижу. Она ждала у моста. Я могла найти путь, но ждала ли она...

Ждала. На другой стороне, смотрела на меня, сцепив руки за спиной, как провинившийся ребенок.

— Лилль! — я остановилась, крича. — Ты не должна была убежать!

И я поняла, что ошиблась. Ее руки были сцеплены, но не из вины.

— Ты это видела, — сказала она. — Лагерь солдат.

— Их там нет, — я недовольно шла к ней. — Ты должна была ждать меня!

— Зачем?

Непослушание и грубость, словно она и не боялась! Я оскалилась. Поздно.

— Это бессмысленно.

— Разве? Они могли получить тебя.

Это остановило меня. Ужасный оттенок ее голоса, ни капли вины. Если она заманила меня сюда, надеясь, что меня испугают солдаты... Я прикусила язык и схватилась за мост...

— Нет! — резко сказала она.

Веревки ослабли, и я отскочила, упав на траву. Веревоочный мост оборвался и повис на другой стороне.

Она сказала?

— Я тебя предупредила.

Я поднялась на ноги. Я не могла перейти, а она не собиралась бросить мне веревку. Не собиралась. Я недоверчиво уставилась на Лилль. Ее глаза пылали, а улыбка была пугающей и ледяной.

— Что ты наделала? — прокричала я.

— Защитила крепость. Больше ты никому не навредишь.

Лилль вытащила руки из-за спины и опустилась на колени. В одной руке она держала то, о чем я уже и забыла. Ножик, что дала мне Карга. Подарок Ларк, ножик, который я отдала, чтобы Лилль отрезала веревки на Лорене.

— Защитила? — ошеломленно повторила я. И опустила взгляд на место, где к столбикам моста привязывались веревки. Узлы были на месте и обрывки веревки не были изношенными, они были подрезанными так, чтобы выдержать только вес кого-то маленького, а потом оборваться. И сейчас она резала так веревки с другой стороны. — Лилль! — прокричала я, сердце билось чаще. — Лилль, хватит! Послушай! Ракушка. Важный амулет. Ты видела ее силу, но не знаешь, для чего она, — я была в ужасе, ведь она отрезала меня от крепости и Лорена. — Помнишь, ты говорила о Стражницах? Лилль, я — одна из них! Мне нужно отнести ракушку в замок Тарнек, но одна я с этим не справлюсь!

Она не прекратила, а я не знала, какое у меня лицо — спокойное или безумное. Я никогда не вралась раньше. Но Лилль пугала. Фыркая, она управлялась с ножиком, я видела, как дрожат ее руки, словно она боялась собственной настойчивости.

Веревки порвались, и мост рухнул в ущелье, а она засмеялась от испуга и триумфа. Это успокоило ее.

Но не меня.

— Лилль! — закричала я. — Я Стражница. Лорен — мое Дополнение! Помнишь с связи? Он должен уйти со мной!

Она медленно встала, глядя на меня.

— Я знаю, кто ты. Или ты думаешь, Лорен не говорит, пока я сижу рядом? Ты, он говорит о тебе. О тебе, которая сказала, что связь — не всегда любовь! А теперь говоришь, что он нужен!

Я не могла ответить, лишившись воздуха, а Лилль не сдавалась, наполненная ненавистью, которая заполняла тишину. Она победно кричала:

— Юдин узнает, что я спасла Форт Грена! Солдаты слишком близко! Он поймет, что я должна была перерезать веревки, хоть ты и была на другой стороне! Я убрала тебя, Стражница Смерти! Ты приносила неудачу, твоя тьма и самомнение, твоя магия. Забирай это в Тир. Солдаты радостно проводят тебя!

— Это не магия! И никогда ею не было! — что-то зашевелилось в траве за мной, я вздрогнула, думая, что нас нашли солдаты Тира. — Прощу, Лилль, ради амулета! Его нужно вернуть в Тарнек, а я не знаю путь! Прощу! Это важно...

— Зачем мне твоя ракушка? — фыркнула она. — Я не могу освободить сестру. Не могу заставить его смотреть на меня.

Лорен. Он был где-то далеко, наверное, спал. Я покачала головой, Лилль была права. Она не могла получить то, чего хотела.

Пара воронов слетела с деревьев, потревоженные чем-то. Дыхание сбилось, а Лилль подавила крик. Я посмотрела на хаос крыльев, а потом на Лилль.

Испугавшись, она развернулась и побежала.

— Лилль, прошу...! — я смотрела ей вслед, трава закрывала ее платье, плечи и косы.

Я развернулась и тоже побежала. Но к деревьям.

* * *

Теперь-то моя накидка пригодилась. Я закинула ее на нижнюю ветку ясеня, схватилась за края и взобралась на дерево, замерев. Шелестели листья. Послышался топот.

Голоса. Солдаты вошли в рощу. Их было трое.

Я не боялась солдат, не так, как Лилль. Но ее предательство потрясло меня до глубины души. Мне было холодно. К такому я не была готова.

Мерит! Как мне вдруг захотелось туда. Но голоса и шаги приблизились, и я переключила внимание. Я крепче схватилась за накидку, не шевелясь, пока они проходили, чтобы они не подняли голову и не увидели меня там, похожую сейчас на большое яйцо малиновки. Мы с Ларк как-то смеялись, говоря о прятках, — мой бирюзовый цвет подходил хуже, чем ее цвет мха.

Солдаты прошли рядом с моим деревом. Я задержала дыхание, от них дурно пахло, и радовалась каждой минуте, пока они меня не видели. Но вскоре стало ясно, что не удача укрыла меня. Они стояли и неразборчиво говорили низкими голосами, глядя на поле, где мы с Лилль разделились, замышляя что-то куда более важное.

Я поняла лишь слова «пройти» и «карьер».

Они знали о Форте Грена или выследили незнакомца, а то и отряд Юдина. Они искали знаки. И хотя оттуда ничего не было видно, как и на сто шагов ближе, они могли наткнуться на мост, найти оставшиеся узлы и колья и остаться ждать. Люди здесь ходили, и они это знали. И там, где были люди, можно было найти рабов. А еще они могли наткнуться на пост с Арро... Сердце сжалось, но я не ощущала страх. Этого не могло случиться.

Я была рада, что не сливаюсь с рощей, как Ларк. Я хотела, чтобы они увидели меня. Я посчитала, сколько шагов уйдет на то, чтобы пересечь рощу, добраться до чертополоха. Я

была быстрой, я могла опередить их с их тяжелой броней. С топорами и мечами они были неопасными, пока не увидят меня. Но я должна была стать достойной целью, чтобы они погнались за мной.

Они смотрели на море травы. Я спустилась с ясеня и побежала, после чего поняла, что они не слышат меня из-за шлемов. Я вернулась к березе, повязала накидку на плечах и взобралась так высоко по стволу, как только могла. Я недолго висела, яркая накидка развевалась, дерево согнулось под моим весом. Я упала с воплем, береза выпрямилась, ударив по соседнему дереву. Я оказалась на коленях, крича.

Пусть думают, что я упала. Пусть думают, что я боюсь.

Так и случилось. Они повернулись с криками и пошли вперед. Я ждала, пока они окажутся в двадцати шагах, после чего вскочила с визгом ужаса и побежала, хромая.

Пусть думают, что я повредила ногу.

Я вырвалась из роши в сухостой и проверила, видно ли им меня, а потом подошла, хромая, к первому чертополоху. Я досчитала до трех, добралась до следующего. Я была на виду, летали блестящие черные птицы, стрекотали насекомые.

Я шла, заманивая солдат дальше от крепости. Это можно было назвать игрой, странным наслаждением. Я хромала между кустов, обламывала ветки, оставила край накидки на них, чтобы было видно след, разбросала сухие лепешки Лилль.

Пусть думают, что я глупая. Что я слабая.

Я уходила от них все дальше. Они не догоняли, и я уже подумывала, что они не пытаются. Да и зачем им хромающая девушка? Ловили ли они хоть кого-то, или жертва обычно не могла бежать от страха?

Может, солдаты устали. Чуть позже я услышала горн, испугавший черных дроздов, завопивших и улетевших. Я выглянула из-за куста, за которым пряталась. Солдаты остановились. Один из них достал горн — не из металла, а из чего-то тонкого и изогнутого так, словно был из рога яростного быка. Он дунул в него снова, звук был резкий и громкий в холодном воздухе, он призывал, а я фыркнула. Зачем собирать больше солдат, если даже сотня их в тяжелой броне не поймает меня? Я сорвала несколько головок чертополоха, разорвала и выдавила из них сок, оставила очевидный след и пошла дальше. Наверху кричали птицы.

Форт Грена был довольно далеко. Было поздно, а мне надоела игра. Я опустилась ненадолго у засохшей бузины и нарисовала на земле карту, оценивая расстояние, которое мы прошли от последней деревни до крепости, глядя, как далеко на востоке может быть замок Тарнек. Если Темный лес будет справа от меня, а я пойду на север, то могу угадать. Так шла и Ларк, но по другую сторону Темного леса. Я сидела, обхватив руками ноги, и разглядывала рисунок...

Раздался странный вопль и шипение, словно змеи. Звучало так странно, что я приподнялась и посмотрела. Один из засохших кустов, за которыми я пряталась, вспыхнул, шум ударил по моим ушам и отбросил меня. Я сплюнула грязь, взобралась на колени и выглянула. От огня исходил горячий дым. Но пламя вдруг угасло, оставив выжженный след.

Солдаты стояли вдали, как игрушки, — металлические люди, как называла их старушка. Я прищурила. Один держал что-то, издавшее шипение, и я зажала уши из-за второго выстрела.

Передо мной исчез, сгорев, еще один куст.

Они уничтожали убежища. Стоило мне подумать об этом, сгорели третий и четвертый

кусты. Кричали дрозды, улетая. Шипение заполняло воздух, а я ошеломленно смотрела. Летели шарики, такие были у каждого солдата. Они летели далеко, слишком далеко для предметов без крыльев, а потом быстро катились по земле, оставляя следы, пока не врезались во что-то твердое и не взрывались. Птицы обезумели от этого, они искали спасения, приближаясь ко мне. Они боялись покинуть долину, но не могли никуда сесть.

Я вспомнила маленькую чайку с поврежденными крыльями. Наверное, ее задело таким ударом. Я вспомнила, как быстро сгорела женщина из деревни. Тоже из-за этого.

Воздух заполнил дым. Пахло разрушением. Один из шариков прокатился слишком близко к кусту. Дрозды взлетели, и я тоже побежала в другое укрытие. Повезло. Но потом я разглядела дроздов над кустами, где я пряталась, и поняла с ужасом, чем они были: граклами. Юдин говорил, что они летали над карьером, шпионя. Они не пугались взрывов, а показывали солдатам, куда бросать их бомбы.

Я побежала, зная, что они видели меня, но это не имело значения. Я убегу от любого огня и горна... Но чуть позже я споткнулась, упала на колени, когда воздух наполнил новый звук — что-то огромное, дикое и более пугающее, чем огонь. Волоски встали дыбом на руках.

Я застыла и обернулась против воли. На краю долины солнце блестело на броне приближающихся солдат. Их было двенадцать, а в общем — пятнадцать. Но солдаты удерживали на привязи двоих существ.

Собак. Но не таких, которых знала я — Рилега Ларк или Ромера Керрик Свон, которые были дружелюбными и махали хвостами. Эти монстры с белыми зубами доставали до груди владельцев, тащили солдат к звуку горна.

Эти собаки были оружием.

Я не хотела смотреть. Я знала, что у солдат было преимущество — след, который я оставляла сознательно, а также открытая местность. Меня могли вот-вот догнать.

Я развернулась и осмотрела горизонт. Вдали виднелись изгибы холмов. Я побежала. Хватит хромать, я сорвалась с места, почти летя. Вопли заполнили воздух. Они спустили собак.

Я бежала к холмам. Камень мог защитить лучше, а во впадинах могла собраться вода. Она могла стереть запах и след. Но если вода далеко, я не успею добежать.

Их скорость поражала, собаки за минуты пересекли долину, по которой я шла часами.

Удивительно, как быстро мягкая постель Форта Грена стала прошлым.

16

Камни, выступающие корни, падения в ямы среди сухой травы, где раньше была вода. Ларк этого не предвидела. Я проклинала сухую землю за отсутствие укрытий.

— Нельзя же здесь потерять ракушку! Дайте мне что-нибудь!

Ларк была связана с Землей, а я? Земля не захочет мне помочь?

И в ответ раздалось эхо насмешек Лилль: «Ты Стражница Смерти, а не Жизни».

Как это поможет?

Я бежала по острым камням, изо всех сил переставляя ноги. Сколько еще времени? Окружат ли меня собаки, как волки загнанного оленя, или разорвут без всяких церемоний? А ракушка? Я ее потеряю? Меня заставят ее уничтожить, или я умру еще до этого?

Эти вопросы роились в моей голове, они были началом истинного страха, ведь именно

таким они был: тревога становилась опасениями и переросла в ужас. Эти вопросы отвлекали меня от мыслей Целителя, что я задыхаюсь, голодна и устала. Может, это было и к лучшему.

Почти стемнело. Солдаты в черной броне исчезли в сумерках вдаль, но я видела шесть бледных прожилок на расстоянии. Я повернулась вперед, шипя себе перестать оценивать шансы, а карабкаться дальше...

А утес внезапно закончился. Два неровных шага, и я ударилась о другой край, начала сползать, хватаясь за что-нибудь. Я повисла, едва дыша, разодрав руки. Я держалась за край камня, едва успев. Я цеплялась за него, ранив пальцы и ломая ногти, но выбралась на край и отдышалась, ощущая боль. Собаки выли уже близко.

Думай, Эви!

Я должна сделать что-нибудь, как-то защитить ракушку.

Собаки... Собаки... Все громче, они приближались. А моей защитой была лишь расщелина. Я подняла голову. Я заманю их. Самозащита ведь оправдывает убийство?

Это было защитой.

Я поднялась на ноги, пошатнувшись, заставляя себя ждать на краю. Через миг появились оскалившиеся собаки. Я дрожала, но подняла руки над головой, чтобы они смотрели на меня, а не на пропасть. И они побежали ко мне, обнажив зубы, что были длиной с мои пальцы, и...

Вой и рычание. Некоторые долетели до края, но большинство — нет, упали все. Желудок сжался. Я развернулась и пошла по камням, слыша, как оставшиеся собаки прыгают в пропасть. Я шла к вершине небольшой горы, крича от боли, злости и, да, от ужаса...

Но крик оборвался, когда рука накрыла мой рот и потянула к себе. Голос у моей щеки выдохнул:

— Тише, — а потом. — Не смотри.

Лорен.

Он развернул меня, чтобы я не видела нападение. Я помнила, как опасен он с мечом, как он убил Трота в тот день в Мерит. Всадник и этой ночью был искусным. Собаки мигом затихли. Они не напали. Они не успели.

Я сидела, онемев. Слышала, как Лорен приближается, вытирает меч, чувствовала, как он опускается рядом и убирает с моего лица выбившиеся пряди волос.

Его голос был напряженным.

— Ты в порядке?

Я прижалась к нему, кивая, уткнувшись лбом в его плечо, чувствуя прочность... безопасность. Но Лорен резко отстранился, услышав в доли горн, и сказал:

— Слушай. Солдаты призывают гончих-жнецов. Верят, что они тебя достали.

Он встал, и я пошатнулась. Руки уткнулись в землю.

— Гончие-жнецы... — повторила я. Ужасное название. Как и все остальное.

— Существа Призывателей, — Лорен спрятал меч в ножны. — Они многих существ дали Тиру.

— А те взрывы, шары огня... оружие Призывателей?

— Сжигатели.

Он был холоден со мной, и я не понимала, почему. Я смотрела на землю, пораженная жестокостью и предательством, тем, что не смогла защитить амулет, и моему Дополнению пришлось убивать. Наконец, я выдавила:

— Как ты меня нашел?

— Ты ушла, — сказал Лорен так просто, словно из этого следовало, что он пошел за мной. — Тебя и Лилль заметили на западной дороге. Я добрался до поста с Арро и выследил тебя, точнее, солдат. Дождался сумерек. Оставил Арро в овраге, чтобы его не учуяли гончие. А потом ты прибежала сюда...

Лорен протянул кожаную фляжку с водой, каждому по глотку. Он дал мне немного сухарей, и я непонимающе смотрела на них, инстинкты Целителя спутались. Я забыла о еде, о голоде. Я даже не чувствовала хлеб, пока грызла сухарь. Я должна была спросить:

— Как твои раны, Всадник?

— Неплохо, — пауза. Он добавил. — Теперь мы остались одни, Эви. Мост в Форт Грена разрушен.

— Мост, — я замешкалась. Лорен не назвал причину. Я не могла понять, знал ли он, почему моста нет. Сказать, что это сделала Лилль? Сплетничать о девушке, что и без этого настрадалась? Она была злой и импульсивной, но верила, что защищает свой дом и любовь. Я так же импульсивно применила заклинание. Но желудок сжался, когда я подумала, что Лорен защищал Лилль, не упомянув ее. Я тихо сказала. — Ты не спросил про Лилль.

— Зачем? Ее с тобой нет.

Никаких эмоций. Снова звук горна. Я повысила голос:

— А это не важно? А если Лилль потерялась? Ты не хочешь вернуться и найти ее? Она же ребенок.

Он рассмеялся:

— Не воспринимай Всадников спасителями. Мы убиваем незваных посетителей Тарнека, даже если это «ребенок», как ты говоришь. Мой долг — ты, быть рядом с тобой и помочь доставить ракушку в Тарнек, — было не по себе, как просто он это сказал, перекивая шум. — Лилль не так мала, чтобы не найти путь к посту.

Жертва для Равновесия. Это уже не казалось правильным, не казалось обменом. Лорен, Лилль, собаки... Я не могла совладать с эмоциями. Страх и злость. А еще необходимость — осязаемое и сильное желание вытянуть что-нибудь из Всадника. Любовь или сочувствие, не знаю. Все это смешивалось, ударяло по моему сердцу. Я хотела вспороть кожу и изгнать боль, позволить ночному воздуху убрать ее.

Поверх горна послышалось ржание.

— А твой конь? — нахмурилась я. — Он не важен? Он зовет...

Я умолкла, увидев выражение лица Лорена.

— Арро, — процедил он, вскакивая на ноги. — Оставайся здесь, — и он ушел.

Я не послушалась и последовала за ним, хоть и не могла догнать. Лорен прорывался вперед по камням, спеша и не думая о своих ранах, я подбежала туда, где проще было перепрыгнуть ущелье. Через миг я уже мчалась по камням, а потом увидела засохшую долину, темную и мертвую, луна не поднималась.

Но там были факелы солдат.

Вопль Арро был испуганным. Черный конь брыкался, а солдаты окружали его, тыкая древками топоров, пытались схватиться за поводья, забрать его с собой. Их уже не волновали собаки или мой побег, у них появилась цель получше, они хотели забрать коня в Тир. Незнакомец говорил о редкости лошадей. Конь принес бы богатство солдату, никакие рабы не шли в сравнение. Арро завопил и встал на дыбы, возвышаясь над шлемами, ударяя копытами и отправляя двух солдат в воздух. Один из их топоров срикошетил и проехал по

боку Арро. Он опустил, не умолкая, кричали и солдаты, и я...

Но крик Всадника сотрясал землю.

Лорен бросился к солдатам в темной броне, разбрасывая их, ударяя. Его охватила ярость, сила ужасала, он размахивал мечом во все стороны.

Броня против плоти, один против многих... Всадник разобрался с двумя, но оставалось еще одиннадцать, и они еще стояли. Победа была невозможной.

Я не думала. Я пробилась к солдатам, вопя, и врезалась в одного из них. Тот упал, удивленный, и ощутил меня на себе. Я ударила его по обездвиживающей точке на шее, но она была защищена чертовой броней. Я била по его нагруднику, отталкивала его руки, точнее, пыталась. Но он быстро перевернулся, и мне пришлось отскочить, он бросился на меня. Удар стального локтя другого солдата отбросил меня на спину. Я поднялась с камнем в руке и бросилась на другого. Я боялась собак, но их здесь не было. Энергия бушевала во мне. Я бы убила, если бы могла. Убила бы.

Но я была мелкой помехой для этих гигантов, напавших на Лорена. Они отбросили меня, не взглянув, стоило мне прыгнуть, пока один не решил расправиться со мной. Он поднял двусторонний топор над головой, чтобы разрезать меня, но меч Лорена перерезал его горло, и солдат упал, край лезвия задел мое плечо. Я пошатнулась, рука онемела. Я упала на колени, задыхаясь. А потом я с ужасом увидела, как десять стальных гигантов приближаются к Лорену. Я вопила его имя с таким же ужасом, какой был в голосе Арро.

Сражение замедлилось перед моими глазами. Звуки превратились в отдаленный вой, лязг металла, крики и топот. Проходила целая вечность между взмахом и падением топора или меча. Ноги и руки двигались в медленном танце, озаренные мерцанием факелов. Лорен был храбрым, но не мог выстоять против десятерых. Атака его превратилась в защиту.

Он мог умереть. Мое Дополнение. Он умрет, спасая Арро, спасая меня, пока я беспомощно на это смотрела.

— ХВАТИТ! — прокричала я вслух и всей душой. Кулаки были полны сухой земли, песком сыпавшейся меж моих пальцев, как время в песочных часах. Остановите их... Арро истекал кровью, Лорен страдал. Прошу... Не было Карги, даров, Ларк. А я была ничем — ни Целителем, ни Стражницей. Ничтожеством.

А потом...

Все началось с ветерка. Слабый шепот зашевелил мои волосы и накидку. Ветерок стал звуком, шепот перерос в рев криков, воплей, просьб — голосов толпы, воспоминаний о боли. Что-то в этом на миг отвлекло солдат и Лорена от боя, но они быстро вернулись к сражению. Рев стал громче, и они не слышали то, что слышала я.

Как и не видели. Воздух вокруг нас мерцал, становился плотнее. Белеющий туман во тьме... и что-то еще. Туман превращался в силуэты, хоть и почти прозрачные, но похожие на людей, животных и деревья. Это и были люди, животные и деревья, и они шли к сражающимся. Один из силуэтов — рыжеволосый мальчик — обернулся, кивнув мне. И я поняла.

Духи недавно умерших. Тех, кого жестоко убили солдаты — людей, животных и даже деревьев, которые бессовестно срубили и сожгли. Они не получили счастливый конец и теперь пришли мстить.

Потому что я попросила.

Я осела на землю, задыхаясь, глядя, как силуэты медленно окружают сражение. Шаг за шагом. Зловещее биение. Сердце билось в такт с этим звуком.

Скорость нарастала. Быстрее. Нарастала. *Быстрее*. Гул донесся из их круга.

Быстрее. Они кружились, как вихрь, кольцо тумана. Быстрее. Дикий вихрь. Волосы выбились из косы, факелы плевались огнем, поджигая сухостой. А они кружились все быстрее, поднимая ветер такой силы, что он выбивал оружие. Туман давил, и солдат с оружием оттащило от Лорена, унося вдаль. Всадник остался, ударяя по пустоте.

Ветер замедлился, туман духов погасил пожар и все факелы, кроме одного, чтобы я могла видеть, осознавать, что попросила. Туман собрался вокруг меня, снова став силуэтами. Я стояла, раскрыв рот. Прозрачные лица, пустые глаза, ветви. Пустые взгляды были направлены на меня и чего-то искали.

— Что? — вырвалось у меня, я не успела собраться с мыслями. А потом я взяла себя в руки и поклонилась, прижав ладонь к сердцу. — Чем я могу отблагодарить вас?

Заговорил мальчик с рыжими волосами:

— Отведи нас домой.

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Домой, — повторил он, окружающие духи повторили призрачными голосами, словно шелестели листья. — Домой.

Домой. Слово было полно желаний, оно сотрясало меня. Они имели в виде упокоение, а не место, и такое желание причиняло боль. Я рывком протянула руки мальчику.

— Бен, — прошептала я, вспомнив, как его назвала старушка.

Казалось, только этого он и хотел. Бен коснулся моих ладоней, кончики пальцы словно погрузились в дым.

— Из ваших уст, Стражница.

Он улыбнулся и исчез. Один за другим они касались моих рук, получали имена, которые я шептала, и исчезали. Карн, Логан, Хурд, вяз, барсук, папоротник... Люди, растения и животные касались меня, словно это могло отправить их домой. И вдруг моя сила показалась мне огромной, мои руки были связаны со всем миром и звездами над ним, первоначальная сила была необыкновенной. Это было не исцеление, но я помогала трагично убитым упокоиться. Пророк говорил это, Лорен тоже: «единственный Целитель. Ты пропускаешь тех, кого уже не спасти».

И все закончилось. На высохшей долине воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием Арро.

17

Арро!

Я развернулась. Прошло лишь мгновение. Лорен застыл, глядя на меня, не понимая, что случилось. Но солдат больше не было, а я была невредимой.

— Как...? — начал он, но Арро издал ужасающий вопль. Лорен уронил меч и рухнул рядом со своим конем. Я побежала к нему.

Ругаясь, он сорвал с себя рубашку и прижал ее к ужасной ране на боку Арро. Рана была слишком длинной и глубокой, Лорен не мог даже заставить края сомкнуться. Каждый вдох Арро выталкивал все больше крови. Таких ругательств я еще не слышала. Связь между раненым и сиделкой помогала исцелению, но ярость делала все только хуже. Она приносила плохую энергию, а на это тратить время нельзя было.

Я опустила на колени и положила ладони поверх его окровавленных рук.

— Дай мне, Лорен. Лучше, если ты будешь...

— Дать что? — процедил он. — Мы не можем отдыхать здесь. Нам нужно пройти эти овраги, найти укрытие.

Я раскрыла рот.

— Арро не сможет идти!

— И тебе нельзя оставаться. Ты слишком открыта на этой долине. Тебя выследят.

— Как? Солдаты мертвы!

— Не солдаты, — прорычал он. — Призыватели. Какая бы магия ни заставила солдат исчезнуть, она станет маяком для Призывателей.

— Не магия, — едва слышно сказала я и добавила уже громче. — Если ты волнуешься за меня, я пойду одна. Останься с Арро. Юдин с отрядом пройдут здесь, они найдут тебя и помогут отнести Арро...

— Я останусь с тобой, Эви Кэрю. Это не обсуждается.

Голос Лорена был резким.

— Мы заставим его идти, я не брошу его для монстров, крылатых или в броне. Выше должны быть камни, чтобы... укрыть.

— Укрыть? Ты хоронишь коня вместо того, чтобы спасти его!

— Поздно спасать! — завопил он.

Я убрала его руки от крови и сжала в своих ладонях, заставляя смотреть на меня.

— Нет, Лорен. Арро выживет. Он сильный, как и ты.

— У меня был миньон, — слова его сочились горечью. — А что среди этого сухостоя спасет его?

— Я, — порывисто сказала я. Поднявшись на ноги, я прокричала, глядя на ночное небо. — Слышишь меня? Этот конь НЕ умрет! — я не дам Арро погибнуть.

У меня не было ни трав, ни лекарств, но была вода из фляжки и огонь факела. И мои руки. Я порылась в сумке Всадника и нашла иголку и нить. Я подержала фляжку над огнем, нагревая воду, сколько смогла, а потом промыла ею рану и принялась сшивать края. Работу нельзя было назвать аккуратной, конь хрипло дышал. Я старалась работать быстро. Лорен ходил из стороны в сторону.

— Расскажи, что случилось, — вдруг потребовал он. — Как мы выжили?

— Духи, — выдохнула я, поцарапав палец иглой. — Духи тех, кого убили солдаты Тира. Они не упокоились. И пришли к нам на помощь.

— К нам на помощь?

— Ладно, ко мне, — мрачно сказала я.

— Не в этом... — он был растерян. — Как?

Я пососала палец и сплюнула кровь.

— Я позвала их. Обвиняй меня.

Он замер.

— Обвинять?

Больше я не говорила. Я завязала узел и отрезала нить.

— Готово, — сообщила я, вытирая руки о накидку. Я прижала ладони к шее Арро, слушая пульс и прося его восстановиться. Лорен приблизился, разглядывая. Я мрачно посмотрела на него. — Нельзя говорить, что у нас нет на это времени. Призыватели не пришли, — я не упомянула граклов.

— Он может идти?

— Нельзя его двигать. Это не поможет...! — я вскрикнула, Лорен выпрямился, подняв меня на плечи, и отнес меня в сторону. — Нет! Ему нужен отдых! — если Всадник злился, то я была в ярости из-за его готовности пожертвовать конем, своим товарищем. Я никогда так не злилась, и я ни разу не видела Лорена таким: отказывающимся слушать и едва сдерживающим гнев.

Но я увидела, что руки Всадника нежно уговаривают Арро встать, он поддерживал коня, пока Арро не выпрямил ноги, он помогал коню идти. Решение ломало его, но он все еще собирался позволить Арро умереть. Из-за меня.

Я этого не позволю.

Я глубоко вдохнула и положила ладонь на его руку.

— Всадник...

— Отпусти нас, — перебил Лорен, застыв от моего прикосновения. — Иди вперед, но чтобы я тебя видел. А я помогу Арро.

— Нет, — я сдержала чувства и проглотила его отказ. Плевать, что думал Всадник. — Мы пойдем с Арро, — я вцепилась в его рукав. — Вместе.

Всадник посмотрел на меня холодным взглядом. И мрачным. Он раскрыл рот, но закрыл и отвернулся, чтобы поднять меч, сумку и факел. Мы подхватили Арро, я уперлась плечом в его переднюю ногу. И мы пошли втроем по камням и земле в тишине.

* * *

Путь был ужасным. Лорен был зол и осторожен. Я искала взглядом граклов, но их не было, вот только мое терпение заканчивалось, а он шел дальше. Я не успевала. Земля становилась ровнее, идти было уже проще, но напряжение уже надоело мне.

— Вот и укрытие, — Лорен указал на рощу впереди. — Отдохнем там.

Деревья умирали — печальные голые ветви лиственницы и вяза переплелись над нами. Но после долины даже это казалось укрытием. Среди густого покрова опавших листьев мы нашли высыхающий ручеек. Мы умылись и дали коню попить. Лорен размочил немного сухарей, мы помогли Арро улечься. Я подошла к краю рощи, где мы оставили факел, и это заставило Лорена нарушить тишину:

— Не покидай рощи! — рявкнул он.

— Нужно разжечь костер, — парировала я. — Мне нужно пламя, а здесь все высыхает...

— Никакого огня.

— Вода едва теплая! Я хочу прочистить рану Арро. Прочистить лучше.

Лорен вдруг оказался рядом, выхватил из моей руки факел и опустил его в грязь. Мы остались в слабом сиянии луны.

— Огонь открывает путь Призывателям, — процедил он. — И я знаю...

— Хватит! — крикнула я. — Зачем ты жертвуешь, Всадник? Оглядишься! Призывателей нет! Ни теней, ни гончих, ни стрижей!

— Они придут, когда мы не будем ждать. И не всегда в таком опасном виде.

— И? Пусть приходят! А мы пока что спасем Арро!

— Я спасаю тебя!

Он сказал это с яростью, но не с сожалением. Я застыла. Но его страдания за злость совпали с моим раздражением. Я потянулась к нему, понимая, что он отстранится, но я крепко ухватилась за его рукав.

— Лорен...!

— Думаешь, я не страдаю из-за коня? — выпалил Всадник. — Он спас мне жизнь, а я не

могу спасти его, — он хрипло выдохнул. — Я не могу жертвовать тобой.

— Быть Дополнением — значит позволять остальному умирать, если так нужно? — я была поражена. И мне это не нравилось. — Тогда я разрываю связь, Всадник!

— Это не...

Я прокричала:

— Ты уже ничего не должен! Иди к Арро! Делай то, что тебе говорит сердце.

— Сердце? — завопил он. — Откуда тебе знать, что в моем сердце?

Мы сверлили друг друга взглядами, поджав губы, моя рука впивалась в его рукав. Не злость, но упрямство. Противостояние.

Я первой начала действовать. Этот Всадник был таким растерянным и прекрасным, страдающим, и я не могла думать ни о чем, кроме того, что хотела избавить его от боли...

Нет. Я просто хотела его. Я отпустила его рукав, обхватила ладонями его испачканное лицо и поцеловала.

Лорен прижал ладонь к моему затылку, словно мог приблизить меня еще сильнее. Поцелуй был голодным, а потом Лорен отстранился, обхватив руками мои плечи, отодвигая меня. Его дыхание было учащенным.

— Миледи...

— Нет! Не называй меня так, — я потянулась к нему, он снова прижался к моим губам, а потом отстранился.

— Этот миг, — он покачал головой, проясняя ее, сжимая ладони. — Это страсть, смешанная со страхом. Я понимаю.

Страсть. Я скрывала чувства, но они почти раскрылись, и я хотела этого, я хотела ощутить это дикое чувство. Мой смех был холодным.

— Это не от страха. Не отталкивай это.

— Эви, ты сама не своя.

— Ты меня не знаешь!

Лорен замешкался. Я видела, как его рука дернулась ко мне, но опустилась. И мое сердце упало с ней.

— Так Призыватели играют с нами, — сказал он и отвернулся к роще, слушая. Он отошел на пару шагов. — Они явно нашли нас.

— Вечно Призыватели в отговорках, — мой тон снова переменился, теперь верх взяла горечь от его отказа. — Ты говорил, что я удерживаю что-то изо всех сил. Но и ты такой. И потому отталкиваешь меня.

Молчание было ужасным. Я смотрела на его напряженную спину, на дрожащие плечи и сжатые кулаки.

— Всадник...

— Ты была над его телом, — процедил он, опустив голову.

Лорен смотрел на свой кулак, и я не сразу поняла, что он говорит не о коне, а о другом воспоминании.

Райф.

— Ты была сокрушена, — прошептал он. — Я убил Трота, проехал мимо... увидел тебя.

— Знаю.

— Нет, — прошипел он, глядя на кулак. — Ты не понимаешь. Я *увидел* тебя, — он поднял голову и резко вдохнул. — Ты обожгла мою душу.

Он не оборачивался. Но его слова с каждым разом ударили меня.

— Ты... не... знаешь...

Я уставилась на него. Ты не знаешь. Слова были каплями дождя на иссушенной земле. Они были полны жизни, и они пробудили воспоминания, что я хотела стереть — ужасный день, смерть, Райф... и глаза Лорена. Лишь миг, взгляды пересеклись. А еще...

— Ты скорбишь по Райфу, — сказал он. — Я не хочу вредить этой памяти.

Глаза Лорена, когда он промчался мимо в дыму и пыли. Я помнила их во тьме ночи, помнила так ярко, словно это было вчера. Я не могла это забыть. Пророк предупреждал меня, а заклинание показало. Я видела Лорена. Глазами, душой. Я помнила это. А теперь мы стояли — я со своими нераскрытыми чувствами и Лорен, что старался отринуть их.

— Вредить? — прошептала я. — Как ты можешь вредить, если ты наполняешь меня? — Я прижала ладонь к груди. — Я люблю тебя. Я полюбила тебя еще тогда, но не понимала этого.

Мы стояли и молчали. Лорен хрипло сказал:

— У тебя его кольцо.

Я вздрогнула и рассмеялась из-за этого недопонимания.

— Это кольцо Райфа, но не то, что ты подумал! — я вытащила кольцо из сумки и вытянула ладонь с ним. — Посмотри, Всадник. Это кольцо дедушки Райфа. Я решила сохранить его в память. Это символ любви, но не помолвки.

Плечи Лорена опустились.

— Ты сказала, что поняла сразу. Я знаю, что бывает за мгновения, — он предупреждал меня, себя, нас. — Но чувства должны быть реальными. Я не вынесу жалости.

Жалость? Я потеряла кольцо пальцами, надела его на большой палец. Я не должна была прятать его, ведь уже было не так больно.

— Всадник, я рада за тебя, — сказала я, глядя на его, рука была прижата к сердцу, мне нужна была стойкость Целителя. — Я рада.

Лорен с дрожью выдохнула. С надеждой. Я сказала громче:

— Знай, Всадник, что я чувствую реальное. Ты не понимаешь? — и еще громче. — Я могу это высказать?

Он все еще не обернулся. Я отошла от него, сияя. Бабушка говорила, что любовь не ослабит мой дар. Она была права. Любовь придавала сил. И сейчас, посреди ночи, посреди страха и смертей я чувствовала себя невероятно живой, и все то, что бурлило во мне, вызывало безумную улыбку.

— Всадник Лорен! — позвала я. — Всадник, Лорен, я люблю тебя!

Он повернулся, чтобы сказать мне вернуться в рощу. Но я вышла из-за деревьев, раскинула широко руки и прокричала всему вокруг:

— Звезды — мои свидетели. Я люблю Всадника Лорена. Люблю его! — я рассмеялась, закружилась, крича ночному небу. — Я люблю его! Люблю его! — пусть смотрят граклы, слышат Призыватели, но нам они не страшны.

— Эви...

Я, ликуя, обернулась. Лорен стоял неподалеку, готовый, думаю, оттащить меня в рощу. Но я покачала головой, смеясь, уже не скрывая эмоции.

— Здесь не опасно, — кричала я, подбегая к нему. — Это так хорошо. Так сильно. Так понятно! — я схватила его за руки и потащила под небо. — Это любовь.

Он долго смотрел мне в глаза, и все было в его взгляде, и я могла смотреть в его глаза столько, сколько не удалось бы при нашей первой встрече. Все горело во мне, каждая деталь

замечалась. Я чувствовала, как он медленно высвобождает руки. Мое дыхание дрогнуло, но он сделал так, чтобы обхватить меня руками.

— Тогда я хотел бы познать эту любовь, — сказал Всадник. И прижался губами к моим губам.

* * *

Мы лежали на моей накидке под ветвями в роще. Я устроилась на груди Лорена, и голова как раз оказалась под его подбородком. Арро дышал чуть тише. Других звуков не было. Мы были пьяны от открытой правды, переполненные и довольные. Мы могли спать, но этот момент счастья был слишком ценным, чтобы терять его. Но попытки удержать его приводили к мыслям о темном.

— Эви.

— Мм?

— Почему ты думала, что я буду тебя винить? — Лорен подвинул голову, его губы оказались рядом с моим виском. — Духи... Те, кто не упокоился. Это твоя сила Стражницы — вести их дальше. В чем здесь вина?

Моя сила. Он так просто это сказал, словно я могла легко воззвать к тем, чьи жизни жестоко оборвались, просить их помощи в обмен на проход дальше.

— В чем вина, Эви? — повторил Лорен.

Я прошептала:

— На их руках не было крови, а теперь есть. И я не знаю, правильно ли это. Я попросила их убить вместо меня.

— У них был выбор, — ответил Лорен. — Ты не приказывала им.

— Разве?

— Мертвые — твои союзники, Стражница, а не рабы. Они убивают то, что убило их.

— По моей просьбе.

— Это честно. Они помогли тебе. Но они сами пошли на это, — Лорен задумчиво подвинулся. — Это твое право Стражницы — призывать духов.

— Право?

— Сила, твой зов. Смерть помогает твоему амулету Стражницы.

— Лучше бы не мне нуждаться в их помощи. Лучше бы не возникало причины...

Он вскинул брови.

— А то что?

— А то придется научиться убивать самой.

Он улыбнулся.

— Нет, Эви. Это не в твоей природе.

— Я могу это изменить.

— Нет, — Лорен повернулся. — Вы с Ларк — части Равновесия, не агрессивные по своей природе. Это не изменишь силой.

Я не знаю, успокаивало ли это, но послужило ответом. А еще стало путем к другим вопросам. Если силы Жизни и Смерти существовали в спокойствии, то Тьма и Свет, наверное, балансировали дикой энергией. Я подумала об этих Стражницах, попыталась их представить. Чувствовали ли они перемены в себе, или все еще не знали, что грядет? Как они будут сражаться?

Лорен сказал:

— Ты не задаешь вопросы, — он рассмеялся. — Впервые.

Я улыбнулась. А потом не сдержалась и спросила:

— Лучше быть воином или нет?

— Все нужны, — он оттолкнулся рукой и сел. Прислушался, словно я что-то подсказала ему. Он повернулся ко мне и улыбнулся. — Дыхание Арро выровнялось.

— Да, но ты поднялся не из-за этого, — сказала я. — Ты слушал ночь. Ты все еще думаешь, что нас найдут Призыватели.

Лорен притих на время.

— Тебе не кажется, что амулет было просто найти?

— Почему ты за это хватаешься? Я бы не покинула водопад без твоей жертвы, ты чуть не умер! Не было ничего простого.

— Нет, Эви, поверь. Это было очень просто.

— Гончие-жнецы, стрижи, Троты, солдаты, тени, сжигатели... — я издала смешок, список был куда длиннее. — Куда еще-то?

Лорен словно не слышал. Звезды очерчивали его профиль, он замер. Последовал неприятный ответ:

— Ты хочешь еще? Это могут быть любые создания Земли, монстры или люди. Что угодно из Пустыни.

— Расскажи, — я придвинулась ближе. — Расскажи о Пустыне, — я не спрашивала о ней раньше. Все изменилось теперь.

Молчание затянулось. Может, он подбирал слова, словно не хотел меня пугать.

— Пустыня — королевство Призывателей. Там они связаны с Хаосом, как Хранители здесь с Равновесием.

— Тут и там — просто разный баланс.

Он улыбнулся.

— Возможно. Горы Мир разделяют их — Призыватели на севере, Хранители на юге. И природа сотворила разделитель.

— Я слышала, что горы Мир нельзя перейти. Как тогда Призыватели попадают сюда?

— Почти нельзя, — исправил Лорен. — Призыватели могут управлять мыслями, приходиться через огонь, шпионить... Какие горы это остановят?

Я не ответила, и Лорен подтолкнул меня плечом, сказав:

— Все не так плохо. С обеих сторон есть семена противоположных сил. Есть тьма в Тире, но и там есть наш белый дуб в Сете — пустыне, окружающей их трон.

— Одно дерево, — вздохнула я. — А у них армия.

Всадник вдруг резко парировал:

— Ты, Целитель, знаешь, что растения лучше людей. И на все есть причины, — он успокоился. — Но если захочешь, там есть Геран, пост Хранителей на вершине гор. Они следят, — Лорен притих, избегая ужасных описаний. — Геран ближе всего живущего к их королевству. Пустыня — обитель дикости. Там все ужасно искажено. И если там провести время, ты меняешься.

— Почему с Призывателями здесь не так же? Почему те в Тире, искаженные и убивающие, не могут на это стороне стать лучше?

Он рассмеялся.

— Не ищи добра и зла, любимая. Кажется, что Равновесие — это всегда что-то хорошее. Но это просто Равновесие, в нем есть и добро, и зло. Хаос тоже не полностью злой. Это несконные желания.

— И все же, — прошептала я, — Равновесие — источник жизни. Оно спасает.

— Да, — молчание длилось так долго, что я уже подумала, что Всадник меняет тему. Но он улегся на накидку и тихо сказал. — Желание сильно опьяняет их, — и еще тише. — Они не могут себя остановить.

От его голоса я задрожала.

— Ты оправдываешь это, — прошептала я. — А близкие тебе люди... что с ними?

— Что еще рассказать?

— Нет, — я оказалась над ним, упершись в руки по бокам, и настояла. — Не щади меня Всадник. Это твоя история, что сделала тебя таким. Я хочу знать.

Он смотрел на меня, синие глаза потемнели из-за ночи, волосы были черными на моей бирюзовой накидке. Но его лицо было светлым и сильным, на нем залегли тени из-за печали прошлого.

Лорен, похоже, думал о том же. Он улыбнулся и коснулся нежным пальцем моего лба.

— Я не хочу осквернять эту красоту грустными историями.

— Меня сложно запугать. Рассказывай.

Он бы отказался снова, но я опустила ниже и жадно поцеловала его. Он вздохнул.

— Ты сама выбрала. Закрой глаза, Эви Кэрю.

Я послушалась, устроившись рядом с ним. Лорен начал рассказ, шепча мне на ухо, словно это была сказка на ночь. И я представляла все, словно была там сама, и все было ярким, но не радостным.

* * *

Крыши Тира когда-то сверкали богатством его шахт: рубинами, изумрудами, опалами, гранатами, сапфирами, серебром, медью и золотом... Город потрясающей красоты, так любимый его творцами. Работа была тогда в радость, а не для материального блага, и посетители в первую очередь оценивали красоту, а не богатство зданий. Тир выделялся посреди долин Дан, словно маяк, приглашал всех путников, кто хотел обменяться знаниями и поторговаться товарами. Город был полон традиций и людей. Хранители жили там открыто и свободно.

Веками царила красота. Но в последнем поколении пронеслись шепотом мысли — Призыватели поработали и заставили местных обратить внимание на цену материалов, а не на свое вдохновение. И искусство стало источником жадности, власти и зависти, за которыми следовала месть. Из-за камней грабили, убивали или продавали, богатые стали называть себя Генархами. О красоте забыли, думали только о богатстве. Шахты пронзали землю, а город загнивал. Камни и металлы срывали с каждого здания, все украшения, крыши почернели от пепла плавильных печей. Тирания подавила все, каждый Генарх считал, что у него есть власть устанавливать свои правила. Хранителей убили, а всех их союзников попытались, но некоторые сбежали, некоторых бросили в шахты. Жадность разрывала семьи...

* * *

— Так случилось и с моей, — тихо добавил Лорен, я вздрогнула. — Я потерял брата из-за Призывателей, он приговорил родителей к плахе. Их вытащили из дома и казнили в башне Тор, пока колокола... — он умолк, а потом сказал, словно это было ужасно, но любопытно. — Брат заставил меня смотреть, как их головы отрубают.

Тишина. Я сглотнула.

— Но он не убил тебя.

— Никакого сочувствия. Брат на десять лет меня старше, и он обо мне и не думал, — голос его был мрачным. — Мне было восемь, как раз нужный возраст для шахт. Было бы расточительством убивать меня.

Я резко села.

— Ты был в шахтах? Ты был рабом?

— Шесть лет.

— Но... — шесть лет плена! А он так спокойно говорил. — Как... ты выбрался? Я думала, оттуда нельзя сбежать!

— Да. Но пытаться ничто не мешает. А если... — голос Лорена затих на миг, он вспоминал. — Шахтеров забирали порой в Пустыню. Если Генарх верил, что из рабов можно выжать что-то еще, хотя они и не слушаются в шахтах, их доставляли в Пустыню как подношения. Для развлечения. И еды, — он замолчал и усмехнулся. Он играл с прядью моих волос. — Они никого не упускали.

Ужасно. Но я выдержала и воскликнула:

— Ты... тебя доставили к Призывателям. Потому... — потому он возмутился, когда я засомневалась в белом дубе. — Как ты выжил? Ты не изменился от пребывания там.

— Я был там недолго, — пауза, его пальцы гладили мои волосы. Он не рассказывал мне все. Может, это все же изменило его. Но потом он прошептал. — Ты спрашивала, что такое Пустыня? Там нет жизни. Я помню пепел, обугленный пейзаж, безжизненный Сет и зелено-серые сорняки. Помню, как вырывался огонь из земли, воняло серой. Помню смерть...

Я ждала, затаив дыхание. Но на этом Лорен закончил.

— Все вспоминать не стоит. Я сбежал по пути. Я вернулся к горам, и дозорные Герана помогли мне пройти ужасный переход по Горам, указали на холмы на юге. Там меня нашел Арро и принес в Тарнек, — он замолчал. — Когда я исцелился, я присоединился к Всадникам. Мне было пятнадцать.

Мы слушали, как тихо дышит Арро. Лорен улыбнулся и убрал назад мои волосы.

— Повезло, что я ему понравился, иначе меня убили бы как нарушителя в Тарнеке.

— Это было бы ужасно, Всадник.

— Но это стало бы концом, — он притянул меня вниз. — Ладно, Эви, пора спать. Мы в безопасности, и Арро с нами.

— Безопасность! Так ты уже не прислушиваешься к Призывателям? — дразнила я.

Он улыбнулся, уткнувшись в мои волосы, но я не знала, насколько счастливая эта улыбка.

— Отдохнем, — сказал он. — И я знаю, чем мы займемся. Я буду восхищаться тобой, миледи, твоей красотой — твоими серебряными волосами, нежной кожей и синевой твоих глаз.

Я рассмеялась.

— И твои глаза. Всадник Лорен, синие.

— Тогда можешь восхищаться мной, — сказал он.

Я перевернулась и посмотрела на него. Я едва видела его в темноте, но это было не важно.

— У тебя, Всадник, в глазах глубины моря...

— Ты когда-нибудь видела море, Стражница?

Я улыбнулась:

— Нет, но так должно быть.

— Ладно, продолжай.

— Продолжать?

— Да.

— Хмм... — он отвлекал меня от мрачных мыслей, я это понимала. И было спокойно. — Поговорить о твоих волосах, Всадник? — я убрала пряди с его виска. — Как они сверкают черным, словно крыло вороны...

— Вороны? — фыркнул он. — Разве воронами восхищаются?

— Тогда дрозд? Или ворон?

— Пусть будет ворон.

— А подбородок, — я коснулась его челюсти. — Всегда напряжен, но теперь я знаю причину. И твоя улыбка все смягчает.

— А мои губы?

Я прижала палец к его губам.

— Твой рот тоскует, — прошептала я.

— А если я поцелую тебя, тоска утихнет?

— Попробуй.

Он поцеловал меня раз, другой. Я отстранилась и сказала:

— Нет, не утихнет. И мне хочется больше. Всегда.

— Всегда, — кивнул Лорен. И тихо сказал. — Как только я увидел тебя, то был готов все отдать тебе, — он отвел от моей щеки прядь волос. — Красавица с серебряными волосами и голосом.

Горло сжалось. Я прошептала:

— Я ощутила нашу связь, когда тебя увидела, Всадник, — уже не нужно прикрываться памятью о Райфе. Потеря дала мне это.

Лорен вдруг сел на колена и потянул меня, устраивая лицом к себе.

— Скрепим это.

Он улыбнулся, сверкнув зубами, синие глаза его были темными. Он обхватил мои ладони. Сердце трепетало, словно грозило взорваться. Я знала этот жест. Так начинался ритуал клятв помолвки.

— Леди Эвелина, Стражница Смерти, — прошептал Всадник. — Я прошу тебя стать моей.

Я прошептала в ответ, громче говорить не могла:

— Я прошу тебя стать моим, Всадник Лорен.

Лорен обвил мои указательные пальцы своими, добавив и большие пальцы. Я последовала его примеру немного неловко, мы рассмеялись. Словно звенья цепи, словно два кольца. Тепло прикосновения, сияющее счастье. Он замешкался и добавил хрипло:

— Я не могу вернуть тебе то, что ты потеряла. Но я обещаю, что всю жизнь буду оберегать тебя, и все мое сердце принадлежит тебе.

Я сказала:

— Большого мне и не нужно.

— Вот и все, — прошептал он, и я ответила.

— И все.

Лорен склонился и поцеловал меня, или это я потянулась к нему. Не имело значения, кто из нас начал, ведь конца не было. Любовь шла по кругу, связывая нас навеки. И мы цеплялись друг за друга в этом темнеющем мире, зная, что безопасность еще оставалась.

Ранняя птица возвестила о рассвете, громко запев. Я уткнулась в бок Лорена, желая, чтобы сон продолжился. Но птица пела, и мне пришлось посмотреть на свет, проникающий сквозь листву. Заметить птицу было несложно. Она прыгала по сухим веткам, листья едва могли ее прикрыть.

— Где твоя пара? — прошептала я. Песня ее была красивой, но одинокой, ей никто не отвечал. Все умирало. Здесь ничего не цвело. Но она оказалась среди этой засухи не просто так.

Я села и убрала волосы с лица. Рядом спал Лорен, я улыбнулась этому, сердце парило при взгляде на него. Он не тревожился сейчас, не хмурился, и он выглядел невинным во сне, хотя меч и лежал рядом с ним. Арро кивал во сне. Миндалевидные глаза были прикрыты, его грива разметалась по земле. Я осторожно отодвинулась, чтобы не разбудить Лорена, и встала на ноги.

Конь дышал в мою ладонь. Я проверила его щеку на предмет лихорадки. Я погладила его спину, осторожно коснулась раны. Она была ужасной на вид, кровь засохла поверх моих неровных стежков, что я делала в темноте.

Нам нужна вода. Я посмотрела наверх и шепнула птице:

— Ты что-то знаешь, кроха.

Будь я Ларк, создание опустилось бы мне на плечо и прошептало подсказки на ухо. Но птица лишь склонила голову и не помогала. Я забрала с собой фляжку Лорена, его пояс и пропитанную кровью рубаху. Я опустошила его кожаную сумку, сделав из нее корзинку. Свою сумку я забрала с собой, ведь оставлять ракушку мне не хотелось. Я вела себя словно мама с этой ракушкой. От этой мысли я улыбнулась.

Деревья становились тоньше, я вышла на покрытый травой и камнями берег. Я шла и вдыхала ароматы трав. Я нашла валериану и тимьян, нашла мох. На берегу и дальше. По камням вился плющ, и тут у моих ног оказался прозрачный ручей. Он почти высох, и раньше, возможно, я бы оказалась в воде на той точке, где стояла сейчас. Оставшийся ручей был глубиной по грудь.

Я спустилась по берегу, вошла по колено в воду и опустила в нее руки. Я пила вдоволь. Я наполнила фляжку и сумку Всадника. Я умылась и промыла волосы, ополоснула одежду и осталась в мокрой. Я оттерла кровь от рубашки Лорена, смотрела, как она растворяется в воду. Поток ручья обычно все смывал, а стоячая вода поглощала. Сохраняла. Пока след не становился все прозрачнее, пока не исчезал.

Вода поглощала секреты так, как смерть поглощала жизнь.

Я потянулась за своей сумкой, за амулетом. Я была одна, никому не могла навредить. Я вытащила ракушку впервые с того дня, как нашла ее, снова поразившись ее простоте и маленькому размеру. Ее пустоте. Она подходила моей ладони, была теплой и почти невесомой. Я провела пальцами по ее изгибам, окунула ее в ручей, вытащила, и с нее капала вода, капли блестели на поверхности, ловя лучи солнца.

Найти песнь ракушки, дождь над землей... Я думала о стихотворении, я снова поднесла к губам ракушку. Но в этот раз я повернула ее заостренным концом к себе, дую, словно в рожок. Ветер шептал. Это не песня, не звук, и небо осталось чистым.

Нужно прочистить рану Арро. Я вернула ракушку в сумку и выбралась из воды.

Солнце еще не поднялось толком, и фигура была силуэтом, она сидела на вершине камня, была в странной шляпе, отличалась бесформенным телом. Не знаю, почему, но я не удивилась. Я опустила свою поклажу и подошла к нему.

— Ты ждешь меня, Харкер. Зачем?

Пророк улыбнулся.

— Ах. Ты была грязной, стала чистой. Но все равно осталась глупой.

— Снова будешь говорить загадками, — предупредила я, — и я уйду, — руки пророка были на коленях, я посмотрела на них. Они все еще были в красных волдырях, но, может, он хотя бы не чувствовал боли. — Ты использовал гелиотроп?

Он кивнул.

— Пчелиный воск, — сказала я. — Покрыть им ожоги и не подставлять солнцу.

— Да.

— Тогда я рассказала все, что могла. Я не Белый Целитель. Больше ничем помочь не могу.

— Помочь! — его улыбка стала еще шире. — Но это ты просила помощи, а не я.

Я нахмурилась.

— Как? Я здесь, и ты здесь, видимо, по случайности. Но, даже если не так, мне ничего от тебя не нужно. Я не просила о помощи.

Он встал.

— Просила, Стражница.

— Никаких игр! Говори, что тебе надо.

Мы с Харкером сверлили друг друга взглядами. Он был уродливым, и его искаженный силуэт становился только хуже от его радости, от довольной дрожи и улыбки, открывающей ужасные зубы. Он знал, о чем я думала. Он прошептал:

— Ты можешь идти, Стражница. Тебя ничто не остановит, и твой юноша симпатичнее меня. Но ты ждешь, ждешь того, что я могу сказать. Любопытная Стражница Смерти. Такой я тебя и запомнил.

— Возможно, — я поджала губы.

— Любопытство, — скривился Харкер. — Что я рассказывал тебе?

— Что они нападут, увидев мою слабость, что я прячусь не из-за горя, и что я должна найти ракушку.

— Ах! — он вздрогнул, словно марионетка. — Не так, все не так!

— Что? — я чуть не прокричала это, все его слова были опасными. — Что не так?

— Ты не закончила. Я сказал, что тебе нужно найти амулет, и...?

— И что если бы я любила кузину, — парировала я, — я бы не просила о помощи.

— Да, — прошептал он. — Никакой помощи.

Я топнула ногой.

— Я ничего не просила! Я сама нашла амулет, помощи не было.

— Была.

— Какая? Скажи!

— Предметы, которыми ты спасла своего красавчика.

— Нож и миньон. Я их не просила!

— Но взяла, Стражница.

— И? — я отошла на пару шагов, недовольная. Я должна уйти к Лорену, вернуться к

Арро, но оставалась и слушала этот бред, понимая это.

— Когда ты использовала эти сокровища? — спросил Харкер.

— Позже! Онигодились, да, когда мы спасали Всадника в Закрытом водопаде, исцеляли его раны, но это было после...

— Но ты просила ПОМОЩИ! — засмеялся он, указывая на меня костлявыми пальцами. — Ты стояла и кричала: «Помогите!», — Харкер оттолкнулся от камня и встал напротив меня. — И просила первый раз, — он склонился ближе. — Даже для Райфа ты помощи не просила.

Так и было. Я стояла и дрожала.

— Но нож, миньон... Их дали до того, как я просила. Я не знала, что они мне понадобятся, и не просила именно их...

— Их? Нож и трава были идеальным выбором, так ведь? Откуда бы знала твоя кухня Ларк?

— У нее есть Взор!

— Но она не видит тебя! — крикнул он. — Нет, Стражница. Ответ был прост, теперь уже нет.

— Тогда скажи, провидец. Почему она отправила это?

Он покачал головой. Он дрожал от предвкушения, но не из-за меня.

— Все еще любопытна, Стражница? Показать тебе, что она натворила? Она нарушила правило. Ради тебя. И теперь платит за это. Теперь мы проиграем.

Я покачала головой, а потом кивнула. Сердце забило быстрее и тревожнее. Что-то шло не так, провидец был слишком радостным, и пальцем он на меня указывал слишком нагло.

— Я покажу, — сказал он, снимая свою забавную синюю шляпу. — Покажу, Стражница, — он расправил шляпу и протянул мне. — Загляни в нее. И увидишь.

Я склонилась над ней, он усмехался. Думаю, я ожидала, как оттуда посыплются монеты. Но шляпа, что была синей снаружи, оказалась полночно черной внутри, такой темной, словно была окном в ночное небо. Мне стало не по себе, ноги покачнулись, и я полетела вниз, в ночь со звездами. Я падала быстро, намного быстрее, чем бежал Арро. Я слышала эхо слов Харкера издали:

— Ты разделишь взгляд другого Целителя. Увидишь все ее глазами...

Во тьме сверкали не звезды. Я увидела, приближаясь, что свет принимает форму окон, увидела силуэт огромного здания. Замок Тарнек. Я видела его в заклинании. Стены возвышались передо мной, я оказалась внутри, резко опустилась вниз и замерла.

И тут же побежала, не успев перевести дыхание, к длинному коридору, украшенному гобеленами и факелами. Я заметила двух бегущих девушек. Ларк я узнала мгновенно, ее каштановые волосы ниспадали до бедер, платье было ее любимого цвета мха, но было куда красивее платьев, что шили в Мерит. На ее лбу была тонкая диадема из золота.

Королева. Я вспомнила это, а потом посмотрела на вторую девушку. Она была выше, носила платье красно-коричневого насыщенного цвета, темные кудри падали на ее плечи. Она была не намного старше Ларк, ей было не больше двадцати одного. На ней короны не было.

Ларк, которую знала я, держалась вдали от людей, но здесь и с этой леди все было иначе. Я приближалась все ближе и вскоре уже была не собой, а стала той второй девушкой, видела ее глазами, как и сказал Харкер. Ларк оглянулась на подругу — меня. Я попыталась

выкрикнуть имя кузины и обнять ее, но не смогла. Только взгляд, больше мне ничего не принадлежало.

Лицо Ларк было решительным.

— Не нужно идти за мной, Илона! — крикнула она через плечо. — До возвращения стрижей осталось немного. Найди укрытие, где тебя не тронет их шум!

Илона ответила. И было странно чувствовать, как мои губы произносят ее слова, как ее голос, а не мой, звучит в коридоре:

— Я знаю, куда ты. Ты не должна, — слова дрожали. Ее горло сжалось. — Не стоит так делать, — прошипела она. — Тебе это говорили. Я знаю. Король говорил, что у них должен оставаться выбор. Книги трогать нельзя.

— Король говорил, что я должна и помогать им, Илона! Это я и сделаю! Стражница в беде!

У них. Стражница.

— В какой беде? — задыхалась Илона. Она вела себя не как Целитель. Она чего-то боялась. — Ты говорила, что увидела кузину!

Ларк остановилась перед спускающейся лестницей, обхватила руками живот.

— Я видела Эви, потому что она наложила заклятие, — она посмотрела на подругу — на меня — а та стояла перед ней. — Почему напали стрижи? Она наложила *заклятие*, Илона.

У них. Стражница. Я.

— Заклятие! — Илона посмотрела на свои руки. — Но она не Белый Целитель.

— Нет, — голос Ларк стал тише. — Это было темное заклятие. Она использовала тис.

Руки Илоны сжались в кулаки, она впиалась ими в платье, словно слово было отравленным.

— Это приманило Призывателей, — прошептала Ларк. — Они выследили ее. Теперь они могут найти ее и уничтожить.

— Темная магия.

— Я видела это, Илона! Я пошла к Третэ. Мы смотрели... — Ларк скривилась, обхватила живот. — Потому что они направили к нам стрижей, что весь день врезались в стены! Нас заставляли не видеть Стражницу, чтобы они успели ее схватить. Эви причинят вред! Она не сможет. Не сможет, — она побежала по ступенькам, но застыла. — Вернись, Илона. Прощу! Прячься! Я не вынесу твои страдания из-за этих существ, из-за меня.

Но Илона взяла Ларк за руку.

— Книги у нас из-за предательства. Но мы потеряем их, если посмотрим дальше первой страницы. Это будет наше предательство.

— Какая уже разница, Илона? Думаешь, книги для меня важнее жизни Эви?

— Это и есть жизнь Эви!

Ларк покачала головой.

— Не жизнь, а судьба...

— Судьбу Гарейна изменили, потому что Призыватели открыли его книгу. И к чему это привело, Ларк! Ты здесь из-за этого! Мы страдаем из-за этого!

— Мы страдаем, потому что у Призывателей преимущество. Пора нам получить преимущество. Мы потеряем книги, но не проиграем бой. Я найду других Стражниц Взором.

— Так и для кузины используй его!

— Я слишком близка с ней, Илона! Я не могу читать ее энергию, никогда не могла, —

Ларк обошла Илону, выглядя решительной. — Из каждой книги всего по крошечному куплету! Мне не нужно знать родословную Эви, как Стражницы, остальных Стражниц я смогу найти.

— Но ты посмотрела, прочитала ее куплет. И показала его нам! Лорен...

— Лорен не спасет ее, если Призыватели доберутся первыми! — Ларк развернулась и исчезла в глубине замка, спускаясь по ступенькам.

Илона не отставала. Она бежала так же быстро, как и Ларк, лестница уводила спиралью вниз. Но в конце Илона резко упала на ступеньки. Я ощутила невидимую силу, что оттолкнула ее.

Ларк тут же оказалась рядом с ней, схватила за руки.

— Ты в порядке? Стрижи?

— Нет! Нет. Просто... я не могу идти дальше... — задыхалась Илона. — Не пускает.

— Конечно... прости! Только Стражницы и Дополнения. Прости, — и Ларк улыбнулась. — Подожди здесь. Ты прошла за мной так далеко, и я тебя не брошу, — она побежала дальше по ступенькам и исчезла.

Было странно видеть Ларк смелой и касающейся людей... Она словно была дома. Я была причиной ее тревог, и за это чувствовала зависть и вину. Я хотела кричать: «Я здесь! Не волнуйся!». Но я могла видеть только то, что видела Илона, пытающаяся понять, что делает Ларк. Ниже была комната, где не было мебели, насколько мне было видно, но в центре стояла расписная чаша. Что-то освещало эту чашу, слабо светилось, и свет этот был не похож на свет свечи.

Ларк быстро вернулась с книгой в руках. Она взбежала по ступенькам и села рядом с Илоной, положив книгу на колени. Томик был маленьким, древним на вид, но не потрепанным. На обложке была роспись, но Ларк закрывала ее руками.

— Прошу, королева, — молила Илона, коснувшись руки Ларк. Она говорила то, что думала я. — Нельзя просто что-то от нее ощутить? Может, книгу и не нужно открывать.

Ларк покачала головой.

— Здесь Взор не сработает. Я вижу, что случится, а не что может случиться, — но она на миг схватилась за книгу, чтобы удостовериться.

На миг. А потом она расслабилась, погладила обложку, изучая ее.

— Красивая, но простая. Казалось бы, что судьба должна выглядеть внушительнее.

Илона прошептала:

— Ценное внутри.

— Может, она скажет нам: «Ты не особенная, Стражница. Ты должна жить просто, ничего не зная, радуясь своему саду...», — в голосе Ларк была тоска, которую я понимала. Но она взяла себя в руки и придвинула к себе книгу.

Илона вдохнула.

— Уверена? — Ларк кивнула, и она попросила. — Тогда позволь мне остаться. Не отказывай, Ларк. Ты не скажешь Гарейну, я не скажу никому. Но кто-то должен знать. Пусть это буду я, — она обхватила запястье Ларк. — Это уменьшит последствия. Руки Целителя...

Ларк покачала головой, настаивая:

— Я не позволю тебе жертвовать...

Но Илона парировала и вцепилась сильнее.

— Но разве ты не делаешь это, королева? Ты не жертвуешь?

— Жертвую! — Ларк прокричала это воздуху и камням вокруг нее. — Открыть книгу —

мой выбор! Понимаешь? Пусть последствия будут на мне! Я их принимаю!

Я не ожидала такой речи от Ларк. Когда она возражала при мне? Настаивала? Отказывалась? Даже в тот день, когда она стояла на площади, окруженная множеством лиц и энергий, столкнувшись с ужасающим заданием путешествия в неизвестность, Ларк дрожала, но согласилась. Не дала остальным пойти вместо нее, потому что сделала выбор. У нее было право. А теперь Ларк даже хотела нарушить запрет.

Из-за моей ошибки.

Ларк убрала руку подруги.

— Спасибо, Илона, — она подвинула книгу, размышляя. — Она прекрасна, — сказала она, коснувшись пальцем рисунка. И я увидела там амулет, ракушку. Моя книга, моя судьба лежала на ее коленях. Ларк подняла голову и улыбнулась Илоне, так же она улыбалась мне, когда мы заплетали волосы перед сном, понимающей, разделяющей все улыбкой... У нас забрали эти моменты.

Илона молчала. Ларк глубоко вдохнула и медленно открыла книгу. Кожа трещала. Книга была старой, но ее или редко, или вообще не открывали.

— Вот и первая страница, — прошептала Ларк, поднимая книгу, чтобы видно было и ей, и Илоне. — Ту, что мы можем видеть, — она подвинула ее, чтобы прочесть...

— *Лунный свет на воде деве той покажи...* — голос ее был приятным, отличным от прочтений Харкера и Лорена.

— Только первую страницу! — взмолилась Илона. — Почему этого не хватит?

Ларк не слушала ее, она медленно перевернула страницу. И радостно прошептала:

— Мерит!

Илона склонилась. Я не знала, слова там были или рисунки. Может, и то, и другое. Но Ларк переворачивала страницы, перечисляя мою историю:

— Эви делает мыло с бабушкой! На рынке... — она рассмеялась. — О, случай с коровой Хурна! — и тише добавила. — Райф... — события раскрывались медленно, но она вскоре остановилась. — Она делает заклятие. Тис, миньон и молоко козы.

Илона сжала ладони в кулаки.

— Заклинание Проницательности.

— Теперь увидим, что будет, — она говорила тихо. Даже я, хоть могла только видеть, чувствовала тьму этого момента, зловещую атмосферу, проникшую сюда. Ларк резко закрыла книгу и побежала вверх. Илона — за ней. — Я не буду читать ее там, — крикнула она. И остановилась чуть дальше, задыхаясь. — На половине пути. Ни в замке, ни в хранилище амулетов, — Ларк открыла книгу, а Илона задыхалась, прижавшись к стене. Ларк дрожала, она открыла на случайном месте, словно хотела быстро покончить с этим. Она вскрикнула. — Лорен! Изорван водопадом! — Ларк быстро смотрела, шепча тревожно Илоне. — Они оставили амулет там, откуда Эви не может уйти. Пока Лорен не пожертвует собой. Он умрет, она потеряет его! Она молит о помощи, Илона! Она никогда этого не делала! — в голосе Ларк был ужас. — И еще одна девушка. Она злится, что в этом виновата Эви. Она хочет столкнуть ее...!

Илона что-то спрашивала, но этого не было слышно в треске и грохоте, словно камни падали друг на друга. Книга пропала из дрожащих рук Ларк.

Девушки переглянулись, потрясенные, а потом побежали вниз. Ларк была первой.

— Они пропали! Илона, книги пропали! — раздался ее крик.

Илону снова отбросило невидимой стеной.

— Ларк! — крикнула она, поднимаясь с пола. — Договор нарушен!

Ларк вернулась и пробежала мимо нее.

— Мы должны спасти их, Илона, — заявила она.

Илона бежала за ней.

— Их? Книги?

— Нет! Эви! Лорена! Тебя! Всех в Тарнеке! — Ларк резко остановилась, оказавшись спиной к Илоне, дрожа. — Лорен умрет. Эви убьют. Амулет будет утерян. Ей нужна помощь. Она не выживет без нее, — Ларк пошла дальше по ступенькам. — Мы не выживем.

— Что мы можем?

— Она в воде, — отозвалась Ларк. — Вода — стихия Смерти, и я могу это использовать, Илона! Я знаю, кто из королевства Смерти поможет нам. Нужно найти Третэ...

Она скрылась за лестницей, и я уже не видела ее, меня унесло от лестницы, замка, я улетела в ночное небо, где мерцали ярко звезды.

19

Я была на вершине горы, лежала на камне. Харкер улыбался. Он вернул шляпу на голову и едва слышно пел.

— Где твоя слабость, маленькая Стражница? Где твоя слабость? — от этой песни становилось не по себе.

— Провидец, — выдохнула я. — Зачем ты показал мне это?

Он фыркнул.

— Ты все еще спрашиваешь. Провидец! — он запел громче. — *Пророк, пророк. Провидец, хранитель судеб. Знаю их я.*

Я села на колени, пытаясь вернуть контроль над ногами.

— Ты дал книги Тарнеку?

— Дал? — прокричал Харкер. — Меня заставили! Это мои книги! Мои! Никто их не давал! Но теперь девчонка с Взором, Стражница, *королева*, — он выплюнул слово, — нарушила договор, и мои книги утеряны, — проревел он. — НЕТ! — он разрыдался. — Хочу их. Хочу обратно.

— Что можно сделать? — я перестала пытаться встать, все еще дрожа, и вытерла руки о подол платья. — Ларк сказала, что книг больше нет.

— А они называют дураком меня. Они утеряны, а не исчезли! Ты бы тоже исчезла, если бы твоей книги не стало, — он повернулся, слова его были пронизаны злостью. — Это все из-за тебя, Целитель, наивная Стражница, из-за твоего любопытства. Ты создала заклятие, потому что хотела узнать то, чего тебе не сказали. Но я говорил тебе! Я рассказал тебе все, что нужно было знать. А тебе было мало, твое любопытство требовало все больше! Смотри теперь, что ты наделала!

Я уставилась на него. Я не понимала. Я боялась понять.

— Королева увидела тебя. Она узнала, что ты открылась, потому решила заглянуть в твою судьбу. А там ты просила о помощи, — рявкнул он и зло расхохотался. — Ты все испортила! Она умрет, амулеты не вернутся! Вот так-то!

— Нет, Харкер! — вскричала я. — Такого не может быть!

— Не веришь? Смотри!

Он сорвал шляпу и сунул ее мне, чтобы я снова заглянула в нее, улетела во тьму к замку.

Я снова смотрела глазами Илоны, а она была в комнате, полной людей, и кричала:

— Пропустите! Расступитесь! — за головами я узнала Гарейна, что шел к двери с другим Всадником. Илона пробивалась вперед, чтобы оказаться с этим Всадником, и он взял ее за руку. Я увидела кровать, а еще старую служанку. И Рилега, любимую собаку Ларк.

И я поняла, почему Гарейн шел неровно. Он нес Ларк, спешил к кровати, куда осторожно опустил ее. Глаза Ларк была открытыми, но лицо было белым. Пальцы цеплялись за рубашку Гарейна. Он не отпустил ее, опустился на колени рядом с кроватью, прижимая Ларк к себе. Илона склонилась над Ларк, прижала ладони ко лбу Ларк, на котором блестели капельки пота. Рилег запрыгнул на кровать и уткнулся носом в бок Ларк.

Гарейн не скрывал тревоги.

— Это Карга с болот? Она это сделала? — он повернулся к служанке. — Как Карга прошла, Найла? Или ее вызвала Третэ? — но Найла молчала, качала головой, заламывала руки. Гарейн рывкнул. — Говори!

Илона шикнула на него, но Найла заговорила:

— Это была не Карга, господин Гарейн. У нее нет повода вредить королеве.

— Тогда зачем она была здесь? — Найла только покачала головой.

— Мне ее найти? — спросил Всадник, стоявший рядом с Илоной, и Гарейн заявил:

— Да! — он был вне себя от страха и ярости, но я видела, как он нежно касается руками волос Ларк.

Другой Всадник коснулся губами щеки Илоны.

— Я пойду, — сказал он. Но Илона вцепилась в его рукав.

— Дартен, стой. Не нужно, — она посмотрела на Гарейна. — Это не Карга, брат. Смотри, — Илона подвинула Ларк на бок, расплела шнуровку на ее платье и сняла его с ее плеч. Найла закричала. Левое плечо было красным. Я знала, что это. Ее рана от хукона пылала, яд снова работал. Илона спустила рукав чуть ниже, и стало видно точку — след от копья хукона — над ее меткой. След испускал серо-зеленый гной.

— Призыватели, — я не видела, кто прошептал это. Может, это прозвучало в голове. Но это было всем ясно.

Илона повернулась к Найле.

— Прошу, приведи Третэ, — и Найла поспешила покинуть комнату, а Илона посмотрела на Гарейна и Дартена. — Книги Судьбы, — сказала она. — Я не смогла остановить Ларк, и она посмотрела. Потому она призвала Каргу. Она увидела, что Лорен и Эви умирают, а амулет пропадает. Она заставила Каргу принести Эви предметы, что помогут им выжить. Чтобы все выжили.

Лица Гарейна и Дартена пугали. Я тоже чувствовала себя ужасно, но могла лишь принять это, как сделала и Илона:

— Она нарушила договор. Изменила судьбу.

В комнате послышался зловеющий шепот. Гарейн процедил:

— Чью судьбу?

— Она открыла книгу Эви, — Илона схватилась за плечо Гарейна, когда он резко сдвинулся. — Не злись, брат. Ларк хотела нас спасти. Ее кухня наложила заклятие.

— И что? Заклинания — не такая и редкость!

— Эви не Белый Целитель, потому не должна была так поступать. Это открыло ее Призывателям, — она потянула Гарейна, стараясь отвернуть его от Ларк. — Почему, думаешь, стрижи атакуют нас? Они заставили нас сидеть в замке весь день, и они

продолжат, как только смогут. Призыватели сдерживают нас, чтобы мы не помешали им схватить Стражницу!

Найла вернулась с худой старушкой. Гарейн отошел от Илоны и прорычал:

— Что это, Третэ?

Его состояние не испугало старушку. Она приблизилась с высоко поднятой головой и сказала:

— Да, я призвала Каргу по просьбе королевы. Мы заставили это жалкое существо выполнить задание. Вреда не было, у королевы было право...

— Посмотрите на нее! — прокричал Гарейн.

— Это сделала не Карга, — ответила Третэ.

— Тогда кто? И что нам делать?

— Гарейн, — вмешалась Илона. — Ларк сказала, что последствия принимает сама. Она сама подставилась, — она посмотрела на Третэ, и та кивнула. — Призыватели смогли добраться до ее раны, — она замолчала, понимая, что будет. — Ларк уже вернула свой амулет, потому выбрала жертву, надеясь, что это спасет Стражницк и Лорена...

— Нет! — Гарейн злился. — Не говори! Этого не будет! Ты что-нибудь сделаешь, Илона. Ты моя сестра, ее подруга. Ты — Целитель. И вы, мадам, — он закричал на Третэ, — у вас есть умения. Вы ее спасете, — он посмотрел на них и взмолился. — Вы должны.

Илона сказала:

— Гарейн, хукон исцелить нельзя. Никому...

— Нет! — его голос был полон угрозы. Дартен заслонил собой Илону. — Уходите! Все! Прочь! — и почти все покинули комнату, а Гарейн обнял Ларк, прижимая к сердцу.

Третэ сохраняла спокойствие.

— Мы можем попробовать, господин Гарейн. Мы с Илоной, — она придвинулась ближе и забрала Ларк из рук Гарейна, осторожно уложила обратно на кровать. — Поверьте, мы будем стараться сделать все возможное. Мы не позволим ей умереть.

Кем бы ни была Третэ, но они с Илоной будут работать так же усердно, как мы с бабушкой, когда спасали Ларк. Они будут играть нашу роль, роль семьи Ларк. Они защитят королеву лучше, чем я защитила свою кухню.

— Поищем книги, — сказал Дартен. — Вернем амулеты, пока не...

Илона остановила его.

— Книги испарились. Они... — она указала на окно, — не здесь, а где-то еще. Если они снова у Харкера, это одно дело. Но если нет, то они могут оказаться у тех, кто хочет управлять судьбами Стражниц, — она повернулась. — Нашими судьбами.

Гарейн ударил кулаками о стену.

— Дурацкие книги! — он в отчаянии посмотрел на Ларк и прошептал. — А я дурак.

* * *

Я покинула комнату, замок, ночное небо и оказалась на солнце, Харкер склонился надо мной.

— Вот, что ты наделала!

Я вцепилась руками в камень, пытаюсь найти что-то устойчивое, пытаюсь дышать.

— Я не знала, Харкер! Это было простое заклинание! — я была опустошена. — Я не хотела вредить!

— Вредить? Мои книги утеряны! Твоя кухня-королева отравлена!

— Нет! — я была в ужасе. — Они спасут ее!

— Призыватели ударяют, когда ты слаба, маленькая глупая Стражница! Если любопытство сгубило кошку, оно может погубить всех из-за тебя!

— Хватит! Хватит!

Но он не прекратил. Он злился и насмехался.

— Это ты! Это все ты!

Я закричала:

— Тогда я все исправлю!

Харкер развернулся и похромал прочь.

— Скажи! — я поднялась и пошла за ним, хоть он и молчал. — Скажи, как все исправить! — я вцепилась в рваный рукав, мы оба покачнулись. — Я не позволю кухне умереть!

— От хукона не спасти, — прошипел он.

— Я не верю! У тебя судьбы людей, ты знаешь их будущее! Это ты тоже видел!

— Я не знаю, что случится, Стражница! Откуда мне знать, если мои книги утеряны? — он заскулил и отодвинулся от меня. — Книги. *Мои* книги.

Ларк умирала, книги исчезли, амулеты теперь не найти. Я развернулась и бросилась прочь, сердце колотилось. Сзади доносились рыдания Харкера. Мои ладони сжались в кулаки. Несмотря на боль...

Я с силой заявила:

— Я найду твои книги, Харкер. Я верну их, если ты сможешь исцелить Ларк.

Плач резко оборвался.

— Я не могу исцелить ее...

— *Харкер!*

— Ты не слушаешь, Стражница Смерти! — он заставил меня слушать, замолчав. Ногти впивались в ладони, тишина была хуже его рыданий. Наконец, провидец склонил голову. — Я не могу тебе помочь, но Белый Целитель...

Я подбежала к нему.

— Где?

Он должен был видеть мою решимость.

— Далеко от того места, куда ты шла.

— Это не имеет значения!

— Не имеет? А твой амулет? А твой красивый спутник? — он едко добавил. — А раненый конь?

Я замешкалась, а потом с яростью сказала:

— Я пойду одна.

Харкер подпрыгнул. Он подошел ко мне, глядя в глаза, читая мою решимость.

— Да, — тихо сказал он. — Вижу. Это будет твоим секретом.

— Скажи, куда идти.

Он все еще говорил тихо:

— На юге у моря, Стражница, у последнего изгиба земли, похожего на серп. Ты поймешь, что это Белый Целитель, — он сцепил ладони, словно просил милостыню, но принялся так подталкивать меня. Я взглядела в его глаза. И вдруг мне стало любопытно.

— Зачем же ты помогаешь мне, если я заставила тебя страдать?

Он моргнул.

— Ты помогла мне. Проявила доброту.

Я развернулась и побежала забрать свои вещи. И услышала, как он жалобно повторяет, словно жалея о сказанном:

— Ты была доброй. Была доброй!

* * *

Лорен все еще спал, но Арро поднял голову, взгляд его был ясным и тревожным. Я остановилась, чтобы не пугать его. Деревья были все такими же засохшими, птица пела в одиночестве. Солнце почти не сдвинулось от горизонта. Ничего не изменилось.

Кроме меня. Я изменилась. Не так давно я была посреди болот и не понимала, что делать с Всадником и его конем, ведь не хотела спутников, ведь хотел умереть. Теперь мне было плохо: сердце болело, вина впивалась в каждый вдох, но теперь я хотела другого. Я хотела жить. Я закрыла глаза. Зажмурилась. словно так я могла вернуть красоту и спокойствие прошлой ночи, ощутить безопасность с...

Лишь миг. Я открыла глаза и посмотрела на свою ладонь, в которой сжимала валериану — стебель и корешки — и угольный камень. Не было сомнений в том, что я собираюсь сделать. Но так не хотелось так поступать.

Я прошла к краю роши и соорудила маленький костер. Сухие листья загорелись быстро, и я уже вскоре кипятила воду в кружке Лорена. Я выпила кружку горячей воды с сухарем, а потом принялась кипятить вторую, насыпав туда корешки валерианы. Я затушила огонь и принесла напиток.

— Арро стало лучше, — Лорен проснулся и резко сел.

Я кивнула.

— Зато ты выглядишь плохо.

Он улыбнулся.

— Последняя ночь повлияла.

Его голос был с хитрыми нотками, я попыталась улыбнуться и передала ему кружку.

— Вот. Это поможет, — я почти не врал.

— Не стоило искать воду без меня, — возмутился он. И добавил с нажимом. — И никаких костров. Эви.

— Уже сделано. Огонь потушен.

Он глотнул чай и скривился.

— Ты шутишь.

— Нет, Всадник, — я подошла к Арро, не в силах смотреть в глаза Лорену, желая, чтобы он осушил кружку одним глотком. — У вас есть бальзам, а у нас, Целителей, наши корешки. Они спасут от боли.

— Бальзам хоть на вкус приятный.

— Я и не сладости делаю, — спокойнее. Звучи непринужденно. — Выпей. Потом можешь прополоскать рот.

Лорен фыркнул. Хоть ему и могло быть больно, но настроение его было бодрым. Хотелось бы и мне такое. Но я прочистила рану Арро, хотя в этом не было нужды, ожидая, пока Всадник допьет.

— Ручей близко? — спросил он, желая поговорить.

— За холмом.

— Жаль, что ты меня не разбудила.

— Ты красиво спал, — сказала я, не отвлекаясь от работы. — Я не хотела тебя беспокоить, — краем глаза я заметила, что он поставил пустую кружку на землю. Тряпка

замерла в моих руках. Я медленно выдохнула. Больше Всадник мне доверять не будет.

— Эви, — сказал он. — Тебе лучше не уходить одной.

— Я была не одна, — я взяла себя в руки, вытерла остатки засохшей крови со швов и отложила тряпку. Больше нельзя молчать. Валериана уже в нем, через двадцать вдохов Лорен отключится. — Там был провидец Харкер.

— Харкер, — и вся его радость пропала. — Он преследовал тебя?

Я покачала головой.

— Нет, — я повернулась к Всаднику. — Ты говорил, что провидец показал Призывателям что-то, что не должен был. Это были его книги?

Он пожал плечами.

— Харкер — один из семи стражей, ответственных за книги Судьбы. Они оберегают историю каждого человека. Они клялись не показывать книги, чтобы никто не смог управлять грядущим, узнав о событиях заранее, — Лорен сглотнул горький привкус. — Но Харкера соблазнила Призывательница, и он предал все, позволил прочитать книгу. Так пропали амулеты. А в компенсацию книги Стражниц одолжили замку Тарнек.

— Одолжили, но не позволили открывать?

— Только первую страницу, — он потер шею. — Дар краткого пути. Мы потеряли амулеты из-за провидца, потому можем использовать подсказки, чтобы найти Стражниц. Так у нас появилось преимущество над Призывателями, пусть и малое.

Пять вдохов.

— Ларк нарушила договор, — сказала я. — Так рассказал провидец.

Лорен замешкался:

— Нельзя ему верить.

— Может, нет. Но он верит мне, — выдавила я.

Шестой вдох. Резкий выдох.

— Тогда книги утеряны, — он покачал головой.

Я спросила:

— Они разрушены?

— Нет, — снова покачал головой. Он пытался прочистить ее. — Если бы их разрушили, ты бы пропала, — он посмотрел на меня. — Но страницы, события на которых еще не произошли, могут вырвать или сжечь. И тогда тот человек умрет.

Мы с Ларк были живыми, а значит, книги были где-то, хоть и незащищенные. Сколько осталось времени?

— Призыватели открыли рану Ларк, — сказала я. — Хукон снова убивает ее.

— Призыватели, — слабо повторил Лорен. — Это был выбор королевы. Прошлая совершила нечто подобное... — он замер. — Почему она ослушалась?

— Из-за меня, — сказала я. — Я просила помощи. Она дала предметы, чтобы спасти тебя, — и не только.

Всадник уставился на меня. Он действовал медленнее. Зачем я ему все рассказываю?

— Нож, — прошептала я. — И миньон. Она отправила их. В Закрытый водопад.

— Не стоило так поступать, — Лорен пытался сосредоточиться. — Она должна была отпустить меня.

— А если она спасала меня? — тихо спросила я. Он нахмурился, пытался думать. Я сказала. — Ларк помогла мне ради всех нас. Теперь моя очередь помочь ей.

Его глаза вспыхнули от понимания.

— Ты не идешь в Тарнек... — он резко выдохнул. — Амулет...

— Верну, как только найду лекарство от хукона.

— Эви.

— Не говори, что лекарства нет. Что-то должно быть. Я не дам ей умереть из-за меня.

Не дам.

Лорен взглянул на Арро. Он встал, шатаясь.

— Идем.

— Арро не переживет путешествие, и ты это знаешь. Я не дам тебе пожертвовать им, как и не дам Ларк пожертвовать собой. Не из-за меня.

— Это... бред, Эви... — Лорен попытался дотянуться до меня. — Я пойду. Плевать на жертву...

Я тихо сказала:

— Отказываюсь.

Лорен посмотрел на свои руки, они безвольно упали. Он взглянул на меня.

— Что ты сделала? — его ноги подкосились, он рухнул на колени, но смотрел на меня. — Что ты сделала?

— Ты уснешь. Всего лишь уснешь, — последний миг. Голос обжигал горло. — А когда проснешься, подожди еще день, и Арро сможет идти. Возвращайся в Тарнек. Жди меня. Я приду.

— Харкер...

Я подумала, что Лорен разозлится. Что он скажет, что глупо верить провидцу. Но этого не было.

— Я найду тебя, Эви, — сказал он. — Знай, я тебя найду.

Я покачала головой. Я не оставлю следов.

— Нет, но ты попытаешься. Все же ты — мое Дополнение, — прошептала я.

— Дополнение, — и все. Лорен упал на бок. Арро тревожно задышал, а я подбежала к Всаднику, поцеловала его, обхватив руками голову. Желание пылало.

— Прости, — прошептала я в его губы. — Прости. Все будет хорошо. Я вернусь вскоре. А Ларк и Арро будут спасены.

Я убрала волосы со лба Лорена, накрыла его, вымыла кружку и прицепила его сумку к седлу — некое извинение. Я погладила шею Арро. А потом обулась, поправила платье, забрала сумку и посмотрела на то, что осталось внутри. Перышко жаворонка и ракушка. Мелочь и важный предмет. Я подняла свою накидку, что служила нам кроватью. Она была рваной местами, но все еще могла укрывать... и хранила воспоминания. И я пошла с кружкой Лорена. У него есть фляжка, а у меня ничего не было.

Но я оставила ему кожаное кольцо, сняв его с моего большого пальца и надев на его мизинец. Я вернусь.

Я встала. К югу у моря, так сказал Харкер. Я посмотрела на Арро, в его взгляде читался упрек.

— Я не подведу вас, — сказала я и пошла.

Лорен попытается последовать за мной, я не сомневалась. Но у меня был еще день в запасе.

Я чувствовала запах моря. Хотя было еще далеко, запах был жутким. Соль, тина и гниющая земля... и что-то еще, что-то холодное, темное и живое.

На рынке рассказывали про постоянный плеск волн, лодки, что раскачивались, про монстров размером с дом. И эти рассказы должны были пугать, играть с воображением.

Но я не боялась. Чем ближе я подходила, тем сильнее спешила увидеть это. Холмы остались позади, деревья сменились травой, а потом пропитанной солью землей, где я сняла сандалии и пошла по серебристой грязи, в которой ямки раскрывали тайные места.

Хорошо, что в земле кто-то живет. Они выживали. Четыре дня пути я видела лишь останки убитых безжалостным солнцем. Все высыхало, земля трескалась. Я давно не видела воды.

Равнина была покрыта пылью, а потом и песком — белым и чистым, снимающим с моих босых ног соль. Запах был резким. Я огляделась и увидела осколки ракушек, не похожих на мою, на песке.

Все мысли исчезли, когда я увидела море. Я стояла по колени в сухой траве и смотрела. Смотрела, как волна набегаёт на берег с пеной, как сине-зеленые воды движутся с горизонта, напоминая смятое покрывало. Я никогда такого не видела, такого синего цвета, не дышала таким соленым воздухом. Тело гудело от впечатлений.

Песок покрывал берег до высокого камня, что выдавался в море и закрывал обзор, но на востоке песок тянулся бесконечно тонкой изогнутой линией. И пустота. Я должна была расстроиться, не увидев деревни, людей, Белого Целителя, который почему-то не ждал меня. Должна была. Но море манило. На миг — хотя бы — мне захотелось понять, какая вода.

Я побежала к ней, шагнула в холодную воду, побрызгала ею. Морская вода была тяжелее обычной. Соль быстро высыхала, оставляя белые следы на моих ногах. Я рассмеялась.

Я вернулась на пляж, сняла накидку и платье, бросила вместе с сандалиями и сумкой и вбежала в море, крича от радости. Я вошла по грудь и ждала волну, раскинув руки и поражаясь ее величию. Она свернулась, а потом ударила по мне.

Море было таким живым! Здесь была и стоячая вода, и потоки. Движение и безмолвные глубины. Они очищали плохое и сберегали в себе. Волны поддерживали и тянули за собой, насмехаясь. Я плыла, а кожу покалывало от соли — я чувствовала ее в весе воды, в запахе. Волосы скользили по рукам, словно шелк, скользили по спине, растекались светлым по синему. Прекрасное море и свобода. Ларк говорила, что Вода — проводник Смерти. Мой проводник.

Но счастье было недолгим. Я подплыла к берегу, вышла на песок, и ветер высушил мое нижнее платье, что тут же застыло, и волосы, что стали слипшимися прядями. Я замерла и прищурилась. Вдали у моих вещей был человек. Худой мужчина. Я ждала женщину.

— Белый Целитель! — я побежала. — Белый Целитель! — его руки были у моей сумки. — Нет! Стойте! — кричала я. — Вы поранитесь!

Мужчина замер и поднял голову. Он что-то говорил, указывая на меня. Но голос не было слышно. Он развернулся и схватил сумку.

— Не трогайте! — вопила я. — Назад!

Взрыв света и звука. Разлетелся песок, жаля глаза и губы. Вытирать было нечем, пальцы и одежда были в соли. Я шла по пляжу, вслепую спеша к своим вещам, отплевываясь от песка и стряхивая его с лица. Я схватила сумку и проверила амулет. Огляделась. Никого не было, ни отброшенного, ни раненого, ... ни мертвого. Я взглянула на камень в стороне. Только туда мог сбежать мужчина. Быстро бежал от страха.

Я вздохнула. Не Белый Целитель, а просто голодающий, что искал еду, которой у меня не было. Но я снова взглянула на камень, показалось, что там что-то двинулось. Я оделась, повесила сумку на плечо и завязала накидку, а потом пошла к камням. Ветер дул в лицо, дул сильно. От соли кожу покалывало.

Я ошиблась, в тенях прятался не тот мужчина, а ребенок. Тощая темноволосая девочка в лохмотьях. Лицо ее было прижато к камню. Я опустилась на колени, чувствуя яд. Девочку горела от лихорадки.

Я осторожно развернула ее. Ей было не больше пяти, лицо было бледным, веки трепетали, живот надулся. Я проверила пульс на ее тонком запястье — быстрый и трепещущий. Я развернула сумку на спину и подняла девочку. Ей нужно исцеление, которое я провести не в силах.

Она была хрупкой, почти ничего не весила. Я осторожно взбиралась по камням, держа ее так, чтобы она не задела сумку. Мы добрались до вершины и принялись спускаться по другой стороне...

И у воды показалось поселение. То, что от него осталось. От домов виднелись лишь стены и дверные проемы посреди песка. То, что разрушило поселение, сделало это быстро. Но это были не сжигатели. Следов огня не было, дома не были обгорелыми. Это были не солдаты.

Но признаки жизни были: постройки из камней, самодельные двери из одеял. И струйка дыма. Впрочем, радости это не прибавляло.

Девочка на моих руках заерзала, я пошла быстрее.

— Ау! — крикнула я, приблизившись к первой занавеске из одеял. — Есть тут кто?

Движение. Покрывала отодвинулись, и из глубины вышли люди. Темноволосые, бледные, с кожей, плотно обтянувшей кости, одетые в лохмотья. Взрослыми были все, кроме семилетнего мальчика. Они смотрели на меня.

— Ребенок. Она ваша? — я протянула девочку, но они смотрели на меня. — Она из ваших? Скажите.

Они зашептались. Наконец, одна женщина выступила вперед, вырвала из рук ребенка и отшатнулась к толпе.

— Мое, — пробормотала она.

Совсем как Харкер с его книгами. Я пошла за ней.

— Вашей дочери плохо. Она съела что-то плохое.

— Ничего не поделать.

— Я попробую, — я огляделась, ища поддержки толпы. Но они, наверное, потрясенные потерей поселения или от голода, смотрели и молчали. Я повернулась к женщине и сказала увереннее. — Прошу. Я могу помочь.

Тишина. Мальчик заговорил:

— Дуни ходила к берегу за грибами...

— Поганки, — проворчала старушка. — Это конец. Оставьте ее у воды. Море заберет ее. А они будут рады, — мама Дуни кивнула и пошла прочь.

— Стойте! — завопила я. Она застыла, но пошла снова. Пришлось догонять ее, и я уже бежала по воде. — Что вы делаете? — я схватила ее за руку, разворачивая лицом к себе. — Вашу дочь можно спасти! — я обратилась к толпе. — Нужно спешить! — их взгляды выводили из себя, и я потребовала от мальчика. — Какого цвета были поганки? Коричневые, желтые или красные? — пусть это не будет красный.

— Желтые, — ответил он.

— Время есть, — я указала на одного из толпы. — Ты. Скажи, молочай поблизости растет? — он кивнул, и я приказала. — Собери самые большие стручки, четыре хватит. Скорее, — он поспешил прочь. — А ты, — я указала на мальчика. — Рядом с молочаем должны быть оранжевые бабочки. Поймай одну. Не убивай. Просто поймай в ладони и беги сюда.

Он кивнул, но старушка схватила его за плечо.

— Пусть идет, — заявила я. — Или идите сами, — я повернулась к другим, указывая на дымок. — Я вижу там костер. Нам нужна чистая горячая вода, — они мешкали. — Сейчас же!

Двое пошли туда.

— Идемте, — сказала я матери Дуни и пошла в сторону дымка, думая, как глупо они себя вели, ничего не делая. Словно смерть ребенка была нормой, а я была куда интереснее, словно они не понимали ничего, когда я говорила о плохом состоянии.

Но это можно было понять. У них не было еды. Даже трав, и они не старались это изменить. Маленький костер горел там, где раньше была печь, но не было ни стен, ни трубы, вообще ничего. Я прикусила язык и принялась управлять их действиями — котелок с водой, одеяло для кровати, костер разжечь сильнее. Я торопила людей, а они не спешили. Они были со своими недостатками. Кривые руки и ноги, шрамы, но все это можно было исправить. Вот только никто и не пытался исцелять.

Мама Дуни уложила малышку на одеяло. Я поставила котелок воды на угли и спросила:

— Что это за поселение?

Кто-то все же прошептал:

— Хейвер. Это был Хейвер.

Был.

— Что произошло?

Молчание. Кто-то выпалил:

— Морские ведьмы забрали его у нас.

— Морские ведьмы?

— Три месяца назад налетела большая волна. Они забрали наши дома, забрали дождь. Разрушили нас.

Я посмотрела на них. Ведьма. Звучало фальшиво. Оскорбление, которым пользовались, когда что-то было непонятно. Может, они и не слышали о Призывателях.

— Мне жаль, что вы пострадали, — сказала я. Никто не ответил.

Вернулся мужчина и отдал мне четыре стручка молочая, а потом и мальчик, держа в ладонях большую бабочку. Я попросила емкость, дали надбитую чашку. Мальчик раскрыл ладони, и бабочку поймали чашкой. Я попросила еще одну, но вспомнила, что у меня были чашка Лорена. Я вытащила ее, разломала стручки, выдавливая из них молоко, добавила горячей воды.

— Приподнимите девочку, — приказала я. — Откройте ей рот, — замешательство, но я добавила с нажимом. — Скорее. Времени мало, — я влила горячий напиток в рот девочки. Она закашлялась, и все в зловещей тишине смотрели. Я сказала. — Молочай изгонит яд. Придерживайте ее.

Я работала под пристальными взглядами. Чашка опустела, оставшейся горячей водой я промыла пальцы Дуни, чтобы убрать возможные следы яда поганок. Сказала перевернуть ее

на бок. Вскоре ее начало тошнить, и с рвотой вышли кусочки желтой шляпки и ножки. Дуни всхлипывала, а ее мать вскрикивала, но от страха, а не от тревоги. К ее крикам присоединились остальные жители, пока смотрели, окружив нас и трепеща.

— Это лишь содержимое желудка, — объяснила я поверх шума. — Вреда уже нет, — я подняла чашку и выпустила бабочку, а емкость показала остальным. — Видите, от крыльев бабочки остался след? Это снимет ее лихорадку, — я налила еще горячей воды в чашку, покрутила ее, и вода стала светло-оранжевой. — Вот, — сказала я Дуни. — Выпей, — она заскулила, глаза ее расширились. Ее мама до боли сжимала ее руку. Я улыбнулась, уговаривая. — Выпей. Будет вкусно. Бабочка оставила тебе свою магию.

Поднялся гул. Я отдала Дуни чашку, хоть ее мама и пыталась мешать, помогла девочке наклонить емкость и выпить содержимое. Все замерли и притихли, выжидая. Девочка уронила чашку, потерла лоб, что был в капельках пота, и села ровнее. Она даже смогла слабо улыбнуться. Ее мама схватила девочку и пошла прочь.

Я решила не расстраиваться и повернулась к жителям.

— Я ищу Белого Целителя. Она должна жить неподалеку. Вы о ней слышали? — я ждала, сердце сжималось. — Никто не слышал? А еще деревни есть? — тишина. Ветер дул сухими порывами. Я посмотрела на небо, пытаюсь понять, когда стемнеет, понять свое состояние, а потом взглянула на людей. — Я Целитель. Я научу вас использовать травы, что растут поблизости, а взамен вы дадите мне место для ночлега и немного еды.

Тишина, взгляды. Наконец, один из них сказал:

— Жди здесь.

Они отошли к кромке воды, взрослые и два ребенка, и обсуждали, а небо окрашивалось в сумерках в тот же цвет, что и море. Я оглядела разрушенное поселение. Когда-то здесь было красиво, еще и море рядом. У них были лодки, но теперь от них остались лишь обломки. Мне было жаль их. Восстановить деревню будет непосильной задачей с их-то усилиями и отсутствием материалов.

Я посмотрела на темнеющую воду за жителями. Почему они так долго? Разве в Мерит хоть раз отказывали в гостеприимности путникам? Я вытерла лоб, поправила сумку. Я хотела сесть, спать. Волосы напоминали солому, кожа чесалась от соли. Но, пожалуй, просить у них воду, чтобы смыть все, было бы слишком. Я подумала про Лорена и Арро, про ручей, возле которого встретила Харкера. Он мог обмануть меня, как предупреждал Лорен.

Мысли блуждали, отчаяние проникало в них. Признаков Белого Целителя не было, я зря бросила Всадника и ушла с пути в Тарнек. Я вытерла руки о платье. Эти месяцы и дни такие мрачные. Так хотелось спрятаться ото всей тьмы. Лорен говорил, что если я найду ракушку, то спасу многих... а спасла лишь одну. Девочку. А ее мама и все жители хотели бросить ее на произвол судьбы.

Судьба. Я закрыла глаза на миг, а потом открыла. Из-за Судьбы я была здесь. Харкер, книги, нарушенный запрет, рана Ларк... И все из-за меня. Все пошло наперекосяк из-за меня.

Я развернулась. В этом месте я спать не останусь. Конечно, они не знали Белого Целителя, иначе не испугались бы пищевого отравления. Харкер говорил, что искать надо на юге. И я стояла там, где он описал. И теперь я злилась на себя, время утекало, а я не знала, куда дальше идти.

Я повязала накидку на шею и пошла к жителям, чтобы попрощаться. Они уже не говорили, а стояли в ряд, словно стража, безмолвно глядя на воду. Взрослые и мальчик. Их

лохмотья были тусклыми — серыми, черными и коричневыми. Противоположности песку и морю. И они стояли, словно барьер. Словно защита. От тех морских ведьм...

Я задохнулась от ужаса и побежала.

— Нет! НЕТ! Вы что натворили? — отголосок слов Лорена, но пропитанный ужасом Силуэт повернулись ко мне, расступились, чтобы я видела. — Нет. Нет. Нет...

Волны накатывали на берег, в воде виднелась темная голова.

— НЕТ!

Я ворвалась в воду, пытаюсь поплыть за ней, но с брызгами меня схватили за руки, потащили на берег и бросили лицом на песок. Я кричала и пыталась пробиться через них.

— Хватит! Дайте ее спасти! — но жители обступили меня стеной. Я цеплялась за них, пыталась освободить путь, но они не сдвигались. — Вы бросили ее тонуть! Вы убили ее! Она была спасена...!

Сильный удар по щеке заставил меня замолкнуть. Я упала на колени, потрясенная. Меня еще не били. Боль была, как от ожога.

— Это она. Одна из них! Морская ведьма!

Я сплюнула кровь на песок и пробормотала:

— Я не ведьма, — но меня никто не слышал в криках от прозвучавшего названия. Я подняла голову и поняла, кто меня ударил и обозвал. Тощий парень с пляжа. Тот, кто хотел залезть в мою сумку. Он указывал пальцем, потрясая им в воздухе. Я поднялась, толпа отшатнулась. — Не ведьма, — процедила я громче.

— Врешь, — завопил парень. — Я видел ее, выходящей из моря! Посмотрите!

— Я плавала. Вещи были на берегу. И ты пытался их стащить!

— Вещи? — вскричал он. — Они пропитаны магией!

— Какой? — я попыталась пробиться снова. Они схватили меня за руки и удерживали подальше от воды, а потом придвинули к обвиняющему. Я вырывалась, смотрела на волны, но там была лишь пена. Я закричала. — Зачем вы ее убили? Она была исцелена! Здорова... — я не могла дышать.

Мужчина ухмыльнулся, глядя, как я задыхаюсь.

— Смотрите, ведьма из моря. Задыхается на суше. Засыхает, — он коснулся моих пропитанных солью волос и пропел. — Морская ведьма.

Я отшатнулась.

— Нет! — я убрала волосы от него за плечо, опустила взгляд и поняла, что покров из соли сверкает белым. Кожа, волосы... слабо мерцали пылью соли. Я сплюнула кровь изо рта, лихорадочно размышляя. Нужно убираться отсюда. Я ничего не докажу. А они уже скандировали:

— Морская ведьма. Морская ведьма. Морская ведьма.

И я вдруг вспомнила трюк Райфа из детства. Я повернулась к морю с криком ужаса и завопила:

— Осторожно! Они идут! — все обернулись, хватка ослабла, и я вырвалась, побежала к камню.

— Взять ее! — они быстро догоняли, словно гончие. Я взбиралась по камням, кто-то вцепился в мою накидку и потянул. Я вырвала ее из пальцев мужчины и прижалась спиной к камню, чувствуя сзади сумку. Я повернула ее вперед и вытянула. — Назад! Это ранит вас!

Парень завопил:

— Видите? Магия! — но все-таки замешкался.

— Дурак! — вскричала я. — Вы ничего не знаете! — сумка все еще была угрожающе поднята, я уцепилась другой рукой за камень и взобралась, не глядя. Они смотрели, как я поднимаюсь по камню. Шаг, другой, подняться. Наконец, я оказалась достаточно далеко, полезла быстрее. Я смогу сбежать. Должна.

Они гудели, раздраженные, что я сбежала, а я могла только и думать о пути.

И тут по голове попал камень.

— Ай...! — покачнувшись, я выдохнула. И закричала. — Нет! Прошу! Отпустите, — второй камень попал по плечу, ослабляя мою хватку. Я вцепилась в камни и оглянулась. У всех жителей деревни были камни, но я видела только одну руку, что поднимала с песка маленькое оружие и поднимала, целясь. Руку мальчика, что принес бабочку.

Я взмолилась:

— За что?

Рука мальчика опустела.

И наступила тьма.

21

Свет был серым. Во рту было сухо, горло опухло. Сумка была со мной.

И только потом я поняла, что руки и ноги связаны, а я лежу на песке, лоб болел, в волосах засохла кровь, жажда и голод пронзали меня. Но меня ударил ребенок.

Просто безумие. Хаос проникал все глубже. Или эта деревня была одна из бастионов Призывателей, ведь Лорен говорил, что они всегда были среди нас, портили души. Я подумала о Лилль, бросившей меня на другой стороне моста в Форт Грена, как она хотела столкнуть меня в водопад. Нельзя сейчас такое вспоминать.

Я перекатилась на бок. Я брыкалась, пытаюсь дотянуться ногами до узлов на руках. Путы были натянутыми и были из морской травы с острыми краями, что резали кожу. Серый свет бледнел. Рассвет приближался. Если меня оставили только на ночь, времени осталось мало до их возвращения.

Чертовы водоросли! Они словно мечами резали мои запястья, лодыжки и пальцы, еще и не поддавались. Я боролась с ними, извиваясь, царапая, но двое жителей подошли ко мне, подняли одеяло, что было подо мной, и понесли меня навстречу утру.

Я боролась. Было сложно. И я надеялась ранить их. Меня тащили по песку, и я брыкалась, протащили по дороге между домами, после чего прислонили к обломку стены. Мужчины прижали меня к поверхности за плечи, пока остальные застыли и смотрели.

И я видела удивление.

— Она выжила в воде! — шептались они. — Как? Почему у нее не отрос хвост?

— Я не ведьма! И хвоста у меня нет! — процедила я. — Видите мои волосы? Голову? Кровь красная. Как и у вас!

— Заткнись!

Кричал тот мужчина, что первым меня обозвал. Он вышел в центр.

— Мы поймали морскую ведьму! — заявил он. — У нас есть преимущество! Мы выбросим ее сломанной, и ее морские сестры будут бояться нас, бояться того, что мы можем сделать! И больше не будет волн, вернется дождь. Хейвер больше не будет страдать!

— Вы убиваете невинную! — прошипела я. — Как убили Дуни! От этого добра не будет!

— Молчать! Тебя никто не выслушает, ведьма!

— *Целитель!*

Бесполезно. Меня никто не слушал. Я смотрела в глаза собравшимся. Собрание? Таким мирным словом это не назовешь.

— Где у вас старейшины? — осведомилась я. — Дайте поговорить с ними. И меня поймут!

— Я тебе старейшина, — сказал все тот же мужчина с узким лицом. — Я сужу.

— Как можно судить по одному мнению? — закричала я. — И если меня уже осудили, о каком суде речь?

— Суд? — повторил он, словно не понял слово. — Ты вышла из моря, пропитанная водой и водорослями. Ты плавала. Мы не можем плавать без веревки, ведущей к дому! А где твоя?

— А если я скажу, что мне не нужна веревка, вы скажете, что это сила ведьмы, — я оглядела напряженные лица. Мое лицо пылало от гнева. — Я не из этих мест, но я хотела помочь! Какой вред в исцелении ребенка? В просьбе поделиться едой?

— Говоришь ты складно. Но нас не обмануть! — мужчина указал на мою сумку. — Что в ней хранится, что взрывается?

— Это не ваше дело, — выпалила я.

Один из тех, кто держал мои плечи, уже не смог терпеть. Он схватился за мою сумку, сунул внутрь руку, но его тут же отбросила яркая вспышка белого света с грохотом. Мне больно не было, но мужчина лежал на спине, а толпа тряслась и кричала от страха.

Первым в себя пришел обвинитель. Он приблизился, рыча.

— Мы узнаем, что в твоей сумке, — он указал на другого мужчину. — Разрежь путы на запястьях.

Мужчина подошел не сразу, но все же не ослушался приказа, вытащил нож, сделанный из тонкой длинной раковины, вытянул мои руки подальше от сумки и разрезал путы.

Мужчина с узким лицом пнул меня по ногам.

— Покажи нам.

Я накинула лямку сумки на шею, а потом залезла рукой в нее, остальные отпрянули. Я вытащила ракушку и показала всем.

Ракушка. Все выдохнули. И я понимала, как странно все выглядит. И поспешила спрятать ракушку в сумку. Но я не успела завязать ее, а руки схватили меня и оттащили от сумки.

— Морская ведьма, — мужчина с узким лицом смотрел на меня. — Мы тебя вернем! — крикнул он.

Я пыталась вырваться.

— Дураки! Все вы! Не делайте этого!

— В море! — взвыл мужчина, все согласно загудели.

— Услышьте меня! — я умудрилась высвободить руку и указывала ею на обвинителя, сыпля угрозами. — Вам не поздоровится, если вы меня не отпустите!

— О, мы тебя отпустим, ведьма, — фыркнул он. — Вернем тебя морю, но ты уже не сможешь его покинуть, — мужчина назвал несколько имен, и те жители вышли вперед, что-то неся. Еще одна веревка из режущих водорослей, но эта была толще. И к ней были привязаны тяжелые камни.

— Нет! — кричала я. Но я была одна против всех. Меня поставили на ноги, опутали этой веревкой с утяжелителями — плечи, шею, запястья, бедра, колени. Они подняли меня и

понесли к воде. — Нет! Нет! — вопила я, мысли путались. Это безумие. Не могло все так закончиться, ведь Ларк не была спасена, а амулет...

Амулет! Он остался в разрушенной деревне в песке, брошенный всеми. Я боролась, но не могла освободиться. Они несли меня, а я кричала, молила их остановиться. Колени, бедра, талия... и так до шеи они заходили все глубже в море. Остались только самые высокие, они вытянули вверх руки, и с воплем: *Пли!* — они бросили меня в воду.

Я успела вдохнуть, и серо-зеленые воды сомкнулись над головой. Инстинкт заставлял бороться, как и страх. И ярость. Я не могла не думать, как все неправильно, не могла смириться с тем, что утону, как сделали бы другие жители Мерит, так они принимали смерть. Я боролась с путами, но руки были привязаны к бокам, а лодыжки крепко стянуты. Они оттащили меня недалеко, было не глубоко, но к воздуху я вернуться не могла. Я боролась, желая всплыть, коснуться сверкающего света на небе, что был вне досягаемости. Не было ничего благородного в их глупом поступке; этого не должно было произойти.

Воздух кончался, я сжала губы. Я трясла головой, отказываясь сдаваться... Страх и ярость не давали мне сдать.

Легкие горели. И краем глаза я, похоже, заметила бледное мерцание смерти. Но сверкнуло и пронеслось еще несколько раз, и когда я посмотрела на это мерцание, тело оцепенело. Ко мне приближались силуэты. Они плыли ко мне, грациозные создания, которых было четыре... пять, нет, шесть. Они покружили и приблизились. А я смотрела на них. Узнавала.

Они не были прекрасными. Может, вдали их волосы-водоросли и грациозные движения и казались красивыми, но вблизи они были существами с широко раскрытыми глазами, тощими и старыми, ужасными и жадными, словно Карга, что появилась в пещере Закрытого водопада. Они были ее сестрами, не ведьмами, а Каргами моря. Одна из них погладила мои волосы, что растекались вокруг меня, словно ей нравился их цвет; другая поднырнула и длинными когтями разрешила водоросли на моих ногах. Три другие проделали такое же и с веревкой, острые ногти, напоминающие клешни рака-отшельника, такие порой появлялись из Темного леса. Станные мысли возникали в голове. Морская Карга, что гладила мои волосы, потянула за них когтистой рукой, заставляя меня прийти в себя.

— Ты должна просить о помощи, Стражница, — сказала она. — Уходи.

Последнюю веревку разрезали, и меня понесло к берегу, пока колени не задела дно. Они оставили меня на мелководье на четвереньках, откашливающую воду. Легкие горели, горло сжималось, но каждый вдох был ценным. И Морские Карги исчезли в глубинах, словно их и не было.

Я сидела, дрожала и не хотела возвращаться в деревню, но если мне и хватит сил обогнуть вплавь выдающийся камень, я должна еще и как-то пробраться в это разрушенное место, забрать амулет. И пришлось ползти туда, ощущая тошноту.

Раздались злые крики. Жители вернулись, разъяренные от моего появления, от того, что я была живой. Это доказывало, что я другая, что я ведьма. И если море не справилось со мной, то это сделает что-то другое. Они пошли по мелководью, чтобы схватить меня, потащить на новую пытку.

— Ракушка, — хрипела я. — Дайте забрать ракушку.

Они не хотели амулет. Меня отнесли на берег и бросили рядом с сумкой.

— Поднимай! — закричали они, тыкая в меня палками, пока я закинула на плечо лямку и нащупала ракушку внутри. А они потащили меня дальше.

Не было никакой борьбы. Мои руки чуть не вырвали, ноги царапал песок. Я этого почти не замечала. Где-то в голове повторялась песня — легкий стишок, что заучивали юные Целители о травах: *Алиум для рук, мята для ног, но лучше всего миньона цветок...*

Мята исцелила бы мои порезы. Миньон, конечно, был бы лучше. А куда я его дела? Ох... Лорен.

Жители Хейвера знали, что делать, если море выбросит меня. Длинная балка из разрушенного дома стояла вертикально в песке; хворост и обломки дерева были свалены к ней. Я не понимала, это ведь просто палка, на похожих жарили на праздник свинью. Но они подтащили меня к этой балке, поставили на хворост и начали привязывать к палке режущими водорослями. И тут я все поняла и от ужаса едва не задохнулась.

— Не может этого быть.

— Больше хвороста! — закричал кто-то.

Я пыталась взглянуть хоть кому-то в глаза. Здесь была мама Дуни, убившая свою дочь. И семилетний мальчик, бросавший камни. Был и мужчина с узким лицом, что обвинял меня. Было глупо думать, что я могла что-то изменить. Все жители сносили вещи к горе хвороста, выкрикивая торжественно:

— Море отреклось от тебя, ты должна сгореть!

— Мы уничтожим их: ведьму и ее магию!

— Море укротим!

— Дождь прольется!

— Мы будем резать фрукты в жертву!

Они жертвовали сами. В этом не было эгоизма.

— Это не жертва! — пыталась кричать я. — Это бойня!

Но они не слушали, с новой силой проделывая действия, словно уже видели награду на горизонте.

Печаль от резни... я вспомнила строку. И я смотрела, оцепенев, как они сносили обломки домов ко мне. *Печаль от резни...* откуда эти слова? Ах. Стихотворение, что доказало, что я — Стражница Смерти, что дало подсказки об амулете и Равновесии. Это тоже было предсказано? И что Ларк нарушит правила, что ракушка будет брошена, что Хаос разрастется. Невинных убивали, я не стала исключением. Но... была ли я невинной? Было ли это наказанием за содеянное?

Печаль. Мне бы стоило плакать.

Голова кружилась, но это было не от усталости, не от боли. Шум появился в голове, заглушая все. Мысли разбивались на осколки, воспоминания и кошмары...

Я бегу за Ларк по лавандовым полям Крем Посс. Ее каштановые волосы развевались словно крылья птицы, в честь которой ее назвали, ее смех пролетал над лиловыми волнами, воздух был полон ароматов. Я завязываю синие ленты на нашей палатке в рыночный день. Мыла и бальзамы красиво разложены на столе с белой скатертью — мыло с розой, иссопом, алоэ. Куин машет мне, играет на своей флейте; за ним танцует Кэт. Бабушка у двери нашего теплого домика. Она кричит:

— *Эви! Эви! Где ты?* — и я понимаю, что ушла. И вся эта красота ушла — нет больше лаванды, лент, песни, а есть лишь высохшая земля. Дождь не освежал цвета. Цвета вообще не было.

Шум нарастал, и я стиснула зубы, не сдержав стон. Стрижи. После двух атак я уже узнавала этот шум; они приближались, и я никак не могла помешать этому. Я прижалась

затылком к шесту и смотрела, словно со стороны, ужасный сон, где жители деревни собирают в кучи обломки, где они поджигают этот хворост. Огонь занялся быстро, окружая. Круг сужался, огонь поглощал все. Как бы хотелось холодную ночь, воду. Как бы хотелось изгнать этот шум из головы! Я услышала пронзительный вопль. Мой.

Или нет. Головы повернулись к небу, тела беспомощно падали на колени. Черные точки в ярком свете становились все больше, и шум наполнял все вокруг. Стрижи быстро приближались.

Первый рухнул на мужчину с узким лицом, который пришел в себя и побежал. Все бежали. И кричали они. Раздался взрыв — яркий, горячий. И я истерически рассмеялась, пока жители падали, а стрижи кричали. Черное на черном: крылья на лохмотьях, темных волосах. И паника...

И сломленный Целитель.

Мимолетный страх и печаль от резни... Я была одна. Умиравший Целитель, умирающая Стражница, коронованная серебряными волосами и одетая в бирюзовое, посреди кольца огня и в центре разрушенного города. От дыма щипало глаза, размывались силуэты жителей, и мне уже казалось, что они — Троты, и мы в Мерит, и повторяется тот ужасный день, когда умер Райф, а Лорен взглянул мне в глаза. Когда все закончилось и началось.

Лорен! Я представила его в дыму на спине Арро, невредимого, исцеленного, он снова был с мечом.

— Нет! — кричала я, не желая спасения, а потом отчаянно желая этого. — Назад! Назад!

Это же был Лорен! Там среди кружащего дыма? Кто бы там ни был, от него появился буйный ветер, сдувающий все, равняющий все с песком.

А я сторю одна, словно вспышка цвета, словно капля воды.

И все исчезло...

22

Пятна света. Порыв ветра. Слабый запах овсяного хлеба, свежего, только с огня. Моя спальня на чердаке в Мерит — так свет играл на окне, так пахло с кухни.

Дом. Сердце подпрыгнуло от радости. А потом я вспомнила, что покинула дом, что дом был в другом месте. Мысли путались, и я снова погрузилась в сон.

Время менялось. Тепло светила свеча, пахло куриным рагу.

— Тимьян, — пробормотала я. — Лавр, — любимый ужин: овсяный хлеб и рагу. Празднование моего возвращения. Бабушка и Ларк у лестницы. Но этого не может...

Ночь, день, еще ночь. Или лишь миг, время ускользало от меня. Я ощущала слабое тепло свечи, пахло свежим хлебом...

В этот раз мои глаза открылись и расширились. Я была не на чердаке, как и не в Мерит, но это место было похожим, тоже находилось под крышей, ниша в белой стене. Я лежала под стеганым выгоревшим одеялом, от которого пахло лимонным бальзамом. Такие же травы бабушка складывала в белье. Знакомый запах окутывал меня. С балки над головой свисал стеклянный флакон с нарезанным золотарником. Свеча горела неподалеку.

Теплые ароматы, мягкая постель. Можно было спать вечно... Я укуталась в одеяло. Глаза закрывались, но я заметила вспышку бирюзового — свое платье и накидку, что были на черной вешалку в углу комнаты. Они были грязными, не подходили этому месту. Я

увидела свои ладони, обхватившие край одеяла. Они тоже были грязными, волосы напоминали солому, от нижнего платья пахло дымом, ногти были обломаны.

Я помнила жажду, дым, шум, панику. Но не видела смысла. Я отбросила одеяло и осторожно встала, покачиваясь и морщась. Я потянулась к занавеске, окружавшей кровать, на ней плясали отблески пламени с другой стороны. Я замешкалась на миг, а потом отодвинула ткань.

А там был большой камин. Полосатый рыжий кот устроился рядом с ним, а невысокий полный и старый мужчина сидел на стуле поодаль. Он что-то бормотал горящим дровам, почесывая клочки белых волос на сверкающей лысой голове и поглаживая короткую бороду.

Он перестал бормотать и четко сказал:

— Здесь ты в безопасности.

Я уставилась на него, потом огляделась, успокаиваясь. Огонь был теплым, половицы гладкими, мебель напоминала о знакомом удобстве...

— Я догадываюсь о двух вещах, — продолжил старик. Его голос был чуть сварливым, но бодрым. Он напоминал мне Парди Джинниса из Мерит. — Что ты хочешь помыться, и что ты проголодалась.

Так и было. Я приблизилась на шаг.

— Я тоже догадываюсь о двух вещах, — мой голос оказался хриплым. — Что вы расскажете мне, кто вы, и как я попала сюда.

Смех.

— А ты любопытная, да? Многим хватило бы и еды.

— Если вы спасли меня, я должна поблагодарить вас лично, — дышать все еще было сложно, как и думать. — Я хочу знать, что случилось.

— Ах, — он встал. Он был не выше меня, край его тусклого лилового одеяния шелестел по полу. — Любопытство, дорогуша, сгубило кошку, — он вздохнул, кот зашипел на него. — Но кошка все еще здесь, — старик повернулся ко мне, глаза блестели, он посчитал свои слова шуткой. Его глаза были темными, а взгляд пронзал, но морщинки у глаз показывали, что он веселится. Я была ему забавной. Я посмотрела на него пристально, хоть и покачивалась.

— Сначала помойся, — сказал он. — Как раз приготовится еда. Думаю, Сальва уже почистит твои вещи к тому времени? — но он смотрел не на меня, а на сутулую старушку, штопавшую желтый носок в углу за моей спиной. Она отложила свою работу, встала и застенчиво прошептала, опустив взгляд:

— В ванную, госпожа.

Когда последний раз я видела мочалку? Я оставила старика и пошла за женщиной, не отставая, словно цыпленок. Она стянула белые волосы в пучок, но не как у бабушки, а там, где бабушка была полной сил, эта старушка была тощей. Мы вышли под ночное небо, прошли по траве к другому зданию.

— Хранилище трав, — поняла я. Такое мы потеряли в Мерит. В комнате с одной стороны был камин, но вместо полок для высушивания трав, стояла по центру комнаты оловянная ванна. Она уже была наполнена горячей водой, и я была так благодарна, что не сразу смогла спросить. Еще две кадки, от которых поднимался пар, принесли рыжеволосые дети, поспешившие уйти. — А откуда вода? Всюду засуха.

— Не волнуйтесь, госпожа. Вы в безопасности, — прошептала Сальва. Она постоянно шептала и склонялась, пока говорила.

— И уже согрелась, — добавила я.

Она зашептала снова:

— Не волнуйтесь. Вы в безопасности.

Как же приятно быть чистой! Мои волосы уже не были пепельными, раны я промыла от соли, и любопытство отступило, проиграв запаху молочного мыла. Но вернулось, когда я сидела во все еще горячей ванне и ждала возвращения Сальвы, разглядывая полочки на стенах. Там было множество склянок, в которых что-то хранилось. Надписи были крошечными, я не могла прочитать издалека, почти все надписи стерлись, но некоторые были понятными: лилия, ирис, первоцвет...

Я с дрожью вспомнила. Выбралась из ванны, обернулась в шершавое полотенце и подошла ближе. Такими я всегда представляла полки госпожи Гринджер: ряды баночек с ярлычками... Я улыбнулась, вцепившись сильнее в края полотенца.

Сальва вернулась с моим нижним платьем, что теперь сверкало белизной и пахло лимоном.

— Так быстро! — рассмеялась я, выхватив его из ее рук.

— Не беспокойтесь, — ответила женщина, глядя в пол. Но я не слушала. Я одевалась, бормоча благодарности.

— Я пойду обратно, — сказала я и побежала к двери. Но остановилась на пороге, чтобы проверить. — Эта огромная коллекция... его?

Сальва склонилась, кивая и шепча. Я развернулась и побежала по траве.

Старик сидел у камина, а меня ждали глиняная миска с тушеным мясом и ломтем овсяного хлеба с корочкой возле стула рядом с ним.

— Ах, — сказал он. — Теперь я вижу твое лицо.

— А я вижу вас, — я едва дышала. — Вы — Белый Целитель. Я вас искала!

Он заглянул в мои глаза, возле его глаз появились морщинки.

— Ты меня нашла. А теперь ужинай.

* * *

Ночь перешла в день, а я помнила свою радость от безопасности вокруг, от благ, которых давно не было: любимого ужина, камина, сладко пахнущей подушки, чистых вещей и волос.

Встало солнце, а я стояла со стариком и смотрела на небольшое скопление домиков, что были близко друг к другу. Я не была уверена, что это была деревня, ведь активности не было, а жителей видела лишь несколько. Все дома выходили на маленькую площадь, где виднелся общий колодец. Я упивалась этой картиной. Этот вид и образ жизни... казалось, я этого больше не увижу.

Так чисто и мило! Так похоже на любимые домики Мерит, где были ровные крыши, а стены всегда красились в белый. А ступеньки всегда выходили в сад.

Кот Белого Целителя охотился на кого-то на красивой клумбе с пионами и живокостью, я их обожала. Но ранние цветы не могли цвести в конце лета. Я не задумывалась об этом, ведь я была на территории Белого Целителя, магия правила здесь.

Я подошла к общему колодцу, что был в центре площади, села на согретый солнцем край, как делала дома, и посмотрела на небо. Невероятно синее, пришлось даже отвести взгляд, и я заглянула в колодец, стало интересно, увижу ли я отражение солнца, как было в Мерит, но было слишком глубоко. Я снова подняла голову и протяжно вздохнула. Из домика вышла улыбающаяся розовощекая женщина и принялась протирать крыльцо. Она казалась

знакомой, наверное, дело было в ее фартуке цвета лютиков. Она помахала мне, я махнула в ответ, думая о глупой Кэт, рынке и с ужасом вспоминая разоренные и сожженные деревни. Воспоминание возникло, как темная тень, разрушив спокойствие, но, к счастью, это прошло. Из-за такой скорости я даже прижала ладонь к сердцу, было не по себе.

Белый Целитель подошел ко мне. Я сказала:

— Вашу деревню пощадила засуха, не тронула беда. Здесь есть краски и добро, — слова застревали в горле. — Мне кажется, что я долгое время была в кошмаре, и мне так не хватало этого... этой...

— Простоты.

Я вздрогнула от его ответа. Он понимал то, что я не смогла сказать. Я кивнула, благодарная, обязанная спасением.

Старик поднял руку.

— Не думай о прошлом, — тихо сказал он. — Ты здесь. В безопасности. Когда будешь готова, расскажешь, что хотела.

«Этого я хотела, — подумала я. — Этот рай среди хаоса».

Хаос. Я с вскриком вскочила на ноги.

— Я пришла к вам. Вы знаете...

Вопросы крутились на языке, но я не понимала, что именно я хочу спросить. Отчаяние я каким-то образом забыла. Когда все стало таким неясным? Холодный страх растекался, покалывая, по рукам и ногам, но Белый Целитель улыбнулся.

— Дыши глубоко, дорогуша, — сказал он. — Время есть.

Время... что-то не правильно. Я закрыла глаза, роясь в воспоминаниях.

— Хукон, — выпалила я. — Мою кухню Ларк пронзили копьем из хукона. Мы с бабушкой изо всех сил старались ее исцелить, но рана открылась снова.

— Значит, это позволила твоя кухня, — объяснил Белый Целитель, немного помрачнев.

— Связь... — я пыталась вспомнить, что узнала про рану Ларк.

— Связь с создателем оружия. Кто сделал копье, ты знаешь?

— Троты, — перед глазами встала неприятная картина.

Они разрушают все вокруг. Убивают Райфа.

Белый Целитель голосом вмешался в поток моих мыслей.

— Где бы Троты взяли хукон в горах Мир? Нет, его им кто-то дал.

— Призыватели, — сорвалось с моих губ слово. — Это их оружие.

— Хмм, — он был скептичен. — Они давно не делали ход.

— Но теперь они набирают силы, — мысли вдруг прояснились, страх охватил меня, перед глазами быстро проносились все мрачные события. Райф, Лорен, Ларк... Я взмолилась. — Ее спасут ваши знания. Мне так сказали. Мне сказали найти вас. Что вы можете.

— Ты просишь исцеления? Дорогуша, лекарства от этого нет...

— Прошу! — Белый Целитель был ошеломлен. Я сглотнула. — Пожалуйста. Вашу деревню все еще не затронула беда, но Призыватели восстали против Равновесия. Ларк осталось мало времени, и тогда... — я замолчала, потрясенная, а потом вспомнила. — Ракушка, — почему я забыла? Я выдохнула. — Сумка!

— Возле двери. В безопасности. А что за ракушка?

Но я уже развернулась и побежала к домику.

Сумка была там, как он и сказал. Я сорвала ее с крючка, вонзая занозы от спешки. Я поднесла ее к камину, опустилась на колени и обняла ее, всхлипывая. Эмоции вышли из-под контроля. В мгновения я от умиротворения перешла к отчаянию, радость теперь казалась далекой. Я потеряла Райфа. Бросила Лорена и, возможно, убила Ларк. Но у меня была ракушка. Она оставалась со мной.

Сальва в углу штопала носок, что-то напевая, но я слышала, как вошел старик. Он придвинул стул к огню. Я баюкала сумку.

— Дорогуша? — через какое-то время спросил он.

— Просто... — я замолчала, не зная, смеюсь я или дрожу. — Я столько потеряла, столько раз ошиблась. И я рада, что это все еще у меня.

— Покажешь мне?

Я кинула. Выпрямилась, развязала сумку и вытащила ракушку, поднеся к нему. От заноз пальцы были в каплях крови, но на ракушку они не попали. Она все еще была розово-серой и витой. Как и должна быть.

Белый Целитель смотрел на нее. Глаза его не окружили морщинки, ведь веселье прошло. Он заговорил хриплым голосом:

— Амулет Смерти.

— Вы знаете его историю?

— Легенду Тарнека, — прошептал старик. — Да, знаю. Жизнь, Смерть, Тьма и Свет — шар, ракушка, черный камень и меч. Амулеты изначальных стихий, которые защищают Хранители Равновесия. В простых вещах заключена огромная сила.

— Ее едва видно в моей руке, — согласилась я.

— Не так. Не так, — он еще какое-то время смотрел на ракушку. — Дорогуша, закончи свой рассказ. Откуда у тебя амулет?

Я посмотрела на него, потому на ракушку. На мою ракушку. И хрипло сказала:

— Я — Стражница Смерти.

Он широко улыбнулся и откинулся на спинку стула, словно наелся.

— Вот как. Тогда в твоих руках и сила спасти кузину.

Я вскочила на ноги.

— Вы знаете? Почему тогда не сказали?

— Сначала ты должна была признать, кто ты. Пообещай я тебе что-нибудь из-за того, что ты Стражница, и исцеление ослабло бы. И когда-то кто-то выбирает свой путь, ему помогают огромные силы.

Эти слова были слаще музыки.

— И вы можете сделать лекарство!

Белый Целитель вздрогнул. Он оторвал взгляд от ракушки и посмотрел на меня.

— Нет, дорогуша, — сказал он. — Твоя ракушка и твои руки. Ты должна его сделать. Но, — он улыбнулся, — я буду направлять тебя.

Сколько раз я уже думала о благодарности? Страшное воспоминание Хейвера, жуткие последние минуты в костре при нападении стрижей. Тьма отступала от прошлого, ослабевала перед лицом моей надежды. У меня была ракушка и силы спасти Ларк... Я склонила голову и не могла говорить.

Не хватало Лорена. Эта мысль ворвалась, напоминая, как сильно я хотела его увидеть. Я оставила его раненым, в пыли дорог. Я помнила последнюю ночь с ним, понимала, как важны те часы, понимая, что больше мы не будем такими свободными от всех угроз.

Хотелось бы, чтобы он знал о мирном месте, чтобы мы жили в таком же спокойствии, что и Белый Целитель.

— Ты расстроилась, дорогуша.

Я покачала головой. Послышался шепот Сальвы:

— Не беспокойся. Она скучает по кому-то.

Белый Целитель задумался, сдвинув брови. Он строго сказал:

— Ты понимаешь, что разум должен быть очищен ото всех тревог при создании зелья.

Я отвела взгляд и кивнула.

— Хорошо. Тогда ты захочешь открыть дверь, — сказал он.

— Что? — спросила я, но старик указал на дверь. Я посмотрела на Сальву, сгорбившуюся над штопаньем, шептавшую:

— Она скучает.

Я вернула ракушку в сумку, закинула ляжку на плечо и поднялась. Я уже поднимала задвижку, как раздался стук.

Я посмотрела на Белого Целителя, словно спрашивая: «Как?».

Тем и хороша магия. Но это уже не имело значения. У меня было все, что я хотела. Я была в объятиях Всадника.

23

— Это серьезное задание, ты понимаешь. Ты должна всем сердцем отдаться процессу. И разумом тоже.

Я стояла с Белым Целителем в хранилище трав, поедая глазами полки с ингредиентами. Энергия кипела в моем теле с такой силой, что я дрожала. Счастье, волнение, я едва могла такое выдержать. Я пыталась не показывать их перед хозяином дома, он напомнил мне, когда мы выходили из домика:

— Самоотверженность начинается с сосредоточенности. Как ты вживешься в эту работу, таким успешным и будет лекарство. Докажи, что твои намерения искренние.

Так говорила и госпожа Гринджер. Я помнила об этом, когда готовила заклинание. Я поежилась.

— Видишь? Твои мысли блуждают, — старик вздохнул. — Нечему удивляться. Ты очень юна.

А разве я не казалась себе старой? Я вдохнула, расправила плечи, чтобы казаться выше.

— Я готова.

Он улыбнулся.

— Ладно. У тебя есть потенциал.

Нужно было собрать множество ингредиентов. Старик попросил взять стремянку, взобраться к верхним полкам и поискать. Я касалась пальцами ярлычков, быстро называя их, опуская вниз, когда он отзывался. На большинстве полок стояли травы, но я заметила склянки с высушенными панцирями и когтями птиц — такое я видела и в книгах госпожи Гринджер. Через какое-то время я уже не разглядывала их, я постоянно лазила по стремянке вверх и вниз, составляя баночки в корзинку из ивы, что мы принесли из домика. Я уже не запоминала, что мы собрали.

— Так много составляющих, — беспомощно сказала я. Взяла одну из баночек из корзины. Кот, что свернулся рядом, словно страж, зашипел на меня, и я отдернула руку.

— Нужно постараться, чтобы создать, — кивнул Белый Целитель. — Терпение, — но он бодро добавил. — Думаю, этого хватит. Вернемся и приготовимся.

— Не здесь? — спросила я. Бабушка никогда не делала настои дома.

Старик фыркнул и повернулся.

— Сколько еще учить...

Мы вышли на солнышко. Лорен был с Арро на лугу неподалеку. На площади у колодца играли двое рыжеволосых детей. Женщина в фартуке цвета лютиков стояла на пороге и махала. Я помахала в ответ, радуясь, подозревая, что она живет одна, что она может творить заклинания в своем домике. Я поняла, что Белый Целитель уже далеко впереди. Он шел быстро. Разве мы не были в хранилище минуту назад? И никто не нес корзину...

— Вот, госпожа!

Я обернулась и подпрыгнула. Сальва оказалась за мной с корзиной, которую выронила из-за моей реакции. Она тут же склонилась, чтобы собрать ингредиенты, я не успела отреагировать.

— Не беспокойтесь. Я понесу, — служанка поспешила к домику за Белым Целителем, чья одежда собирала пыль дороги своим краем. Я отряхнула руки, потрянула головой, думая о странной паре. Но я увидела Лорена, подбежала и обняла его, а потом поспешила в домик, думая, что была бы рада остаться здесь до старости.

Белый Целитель доставал из корзины склянки и расставлял на столе.

— Начнем?

Я подошла посмотреть, что я собрала для него.

— Все темное, — прошептала я. Это было очевидно. Черные травы, листочки и веточки цвета ночи.

— Да. Понимаешь, почему?

Я покачала головой.

— Из тьмы свет, — ответил он. — Когда соберешь все темные цвета, увидишь, как ярко они запыхают.

Я вспоминала названия.

— Паслен, кислица, ядовитая осока, — я посмотрела на него. — Темные и ядовитые.

Он кивнул.

— Один яд стирает другой.

— Даже смертельный? — я подняла одну из бутылочек. — Это тис.

— Хукон опаснее. Поставь это на стол, дорогуша.

— Я... — островок в болотах, тени...

— Внимательнее!

Я скривилась и призналась:

— Я сотворила заклинание с тисом раньше времени. До того, как была готова. И из-за этого принесла всем беды.

Белый Целитель задумчиво кивнул. И кивнул еще раз, забирая тис из моей ладони.

— Но ты здесь, и, может, свершится что-то хорошее.

Я задумалась, глядя, как он расставляет баночки, открывает их и нюхает, проверяя свежесть.

— Если бы не это заклинание, — прошептала я, наконец, — я бы завершила задание без проблем. Я бы уже исполнила свое предназначение.

— Какое, дорогуша?

— Добралась бы до Тарнека. Была бы с Всадником, — я не успела остановить слова.

Старик замер. Я боялась его мыслей, он мог прогнать меня, ведь я не могла сосредоточиться. Но он вдруг улыбнулся.

— Разве ты не хотела стать Белым Целителем? И вот ты здесь, учишься, даже если все не так, как ты себе представляла. Может, так ты закончишь оба задания? Кстати о задании, дорогуша. Об этом задании, — старик заставил меня обратить внимание на стол. — Возьми три щепотки отсюда, — он указал на осоку, — и разотри их ладонями, — он следил, как я осторожно высыпаю нужное количество из склянки. — Хорошо. Три сильнее, чтобы получился порошок.

Резкий запах, осока. Темная и едкая.

— Теперь рассыпь по часовой стрелке по столу.

Руки покалывало, я рассыпала порошок на дерево, окрашивая его в темный металлический цвет. Я замерла и посмотрела на результат.

— И этот яд станет основой?

— Яд часто защищает лекарство, — ответил он и заставил проделать то же самое еще с тремя ядами.

— В обратную сторону это ведь тоже работает, — спросила я, — когда делаешь хорошее, но это приводит к плохому?

— Любопытство все портит.

Слово ранило. Я прижала ладони к столу, пачкая их черным.

— Это было быстро, — Белый Целитель был рад. — Умница! Теперь нужно сделать сосуд, — он вытащил из кармана ножик. — За нашим селением есть красивая роща. Найди иву, срежь двенадцать прутиков длиной в половину себя. Из них сплети четыре косы и носи их сюда.

Я кивнула. Нож отвлекал меня, напоминал о Лилль. Но меня похвалили, и я не осмелилась сказать, что отвлекаюсь. Я вежливо ждала.

— Иди, — поторопил он. — Твой Всадник поможет тебе.

Я развернулась и пошла, чуть не споткнувшись в спешке. Сальва склонилась над штопаньем и шептала:

— Не беспокойтесь, госпожа, — а кот шипел.

Лорен вывез меня из деревни. Я хотела сказать, что Арро стоит отдохнуть, что мы можем пойти пешком, но мы уже оказались на его коне, Лорен сидел за мной. Мы молчали, напоминая мне нашу первую поездку на коне.

Но не полностью. Уже не было того подозрения. Теперь я была рада сидеть рядом с ним. Я отклонилась на его теплую грудь, не зная, как он смог отыскать меня, деревню. Но зачем мне знать? Роща была впереди, и я забыла спросить.

— Ива среди деревьев, — сказал Лорен, когда я спешила, — где-то там.

— Ты не идешь со мной? — спросила я. Тот же укол разочарования, что и у Закрытого водопада. Он взял меня за руки.

— Ты вернешься, Эви. А я останусь ждать с конем.

Он помахал и повернулся к Арро, а потом отошел, оставив меня по колено в траве. Я смотрела за ним, ощущая странную пустоту. Но взяла себя в руки. Внимательнее. Лорен поступил правильно, ведь я думала бы о нем. Я пошла к роще.

Внутри было темно и прохладно, под ногами была земля, а над головой — густая листва. Я коснулась их — листья всех форм переплетались со светом.

Овальные заостренные листья скользкого вяза, что ловил шум. Потому в роще было тихо. Была здесь и драцена с заостренными твердыми листьями, его красная смола останавливала работу пищеварения. Такое дерево росло на ветру и не смогло бы выжить здесь. А еще здесь росла черная акация — пахучие цветы и колючие ветви. Могла остановить сердце.

Коллекция ядовитых деревьев. Вот тебе и красивая роща, как назвал ее Белый Целитель. Но, может, как и в заклинании, ядовитые деревья защищали чистое...

И в центре рощи стояла ива.

Кору в горячую водицу, смех вернется по крупницам. Строчка из стихотворения Целителей всплыла в памяти. Ива — дерево любви, защиты, исцеления, проводник к умершим, дерево, что росло на земле, но стремилось к воде. Дерево Стражниц Жизни и Смерти. И я с радостью подумала, что я на месте. Почти получилось.

Я приблизилась к иве и села рядом с ней, решив, что должна отдать дань уважения, а потом уже резать ветви. Пальцы гладили землю, ощутили маленькие листочки. Я опустила взгляд, а рука оказалась на стебельках миньона. Я растерянно уставилась на них, ведь не заметила раньше, и миньон вряд ли рос бы рядом с плакучей ивой, два целебных растения не росли в одном месте. Миньон рос на солнце, а не в тени. Я коснулась пальцами стебелька, рука замерцала белым в темноте. Погладила снова, и рука опять замерцала среди теней, земля казалась черной.

Внимательнее.

Я вспомнила слова Белого Целителя, его предупреждение. Я встала, вытерла руки с платья и подошла к дереву. Я вытаскала ножик из кармана и срезала двенадцать ветвей нужной длины, села под деревом и начала плести. Ветви были колючими, оставляли царапины на пальцах; капли крови оставались на косах, напоминая мне, как я доставала сумку из...

Внимательнее! Приказ. Я пропела. *К заданию, к заданию...*

Потому я не услышала его, или он пришел без звука. Но я чувствовала спиной, что за мной следят. Я сказала, не оборачиваясь:

— Я почти закончила, Лорен, — но ответа не было, и я обернулась...

И сказала другое:

— Райф.

24

Он стоял чуть поодаль. Целый, невредимый и в той же одежде, что и в последний раз, когда я его видела: батистовая рубашка и темные штаны. В это я одела его для погребения. Я смотрела, могла делать только это. Я падала, меня уносило куда-то, хотя я была уверена, что не двигалась.

— Ты мне снишься? — спросила я, возможно, шепотом. Кружилась голова, я едва стояла на ногах, а ветви ивы выпали из рук. Я шагнула к нему, горло сжимало, я не могла дышать. Но я остановилась. Лицо Райфа было серьезным, а не веселым. Я осторожно протянула руку. — Я тебя вижу?

— Ты меня видишь.

Он оставался на месте, и расстояние между нами зияло пропастью. Руки повисли по бокам, бесполезные. Я должна радоваться, но его выражение лица и расстояние терзали мне

сердце. И я смогла лишь спросить:

— Почему ты здесь?

— Ты, Эви, — тихо сказал он. — Ты привела меня.

Я покачала головой.

Райф не спорил, он и раньше так не делал. Он лишь отвел взгляд и осмотрелся.

— Милое место. Домики, роща.

— Здесь красиво, — мой голос был хриплым.

Райф взглянул мне в глаза, он был печальным. Это казалось неправильным. Нам было неловко. Мы были чужаками.

— Эви, — тихо сказал он, — не делай этого.

— Не делать? — повторила я, и мои пальцы указали на косы из ивы. — Это ради Ларк.

Он смотрел на меня, и от его взгляда было больно, я решила защититься:

— Я спасаю ее, Райф. Я нашла Белого Целителя, и он показывает мне, как, — говорила я, словно он все время был со мной и все знал. Или я пыталась так показать ему, что он этого не знает. Я уже не смотрела на него с удивлением, ведь теперь это были сомнения.

Райф сказал:

— Что такое этот Целитель?

Что, а не кто. Я нахмурилась.

— Я не помню его имени, — был ли Райф отвлечением, испытанием для меня? Внимательнее. Так я должна вести себя с заданием.

— Эви, — тихо настаивал Райф. — Ты и не спрашивала.

— А зачем? Почему это так важно? Смотри, я почти закончила. Я исцеляю Ларк. Мы пойдем в замок Тарнек и вернем амулет. А потом уйдем сюда, в безопасность и красоту... — я возмущалась, пытаюсь оправдать себя. Я должна вернуться в домик. Я склонилась к косам ивы.

Слабая улыбка появилась в голосе Райфа.

— Мы.

Я кивнула. Молчание в ответ. Косы и Белый Целитель вдруг отступили на задний план, ведь я не могла так играть с Райфом. Я выпрямилась и посмотрела ему в глаза. Взгляд его был не печальным, а теплым. Добрым. Было больно ранить его.

А он сказал то, что я не смогла:

— Ты любишь другого.

В роще было тихо. Деревья были темными и не шевелились. Я кивнула еще раз. Едва заметно.

— Эви, — тихо сказал Райф. — Он не отсюда.

— Не понимаю.

— Понимаешь, — прошептал он. — Это место не для Всадника. А для меня.

— Не надо, — я остановила его. — *Прошу*. Не надо, — печаль сдавливала горло. Я всхлипывала при вдохах. — Ты отпустил меня.

— Но ты не ушла.

— Нет! Я люблю Лорена! — тишина причиняла боль, я закрыла глаза и попыталась произнести слова ровным тоном. — Ты умер, Райф. Мне пришлось тебя оставить, — и я покачала головой. — Нет. Ты меня оставил.

Воспоминание о потере Райфа поднялось во мне, терзая тело болью.

— Ты ушел. Ты меня отпустил! — я прижала ладони к щекам, к вискам, пытаюсь

оттолкнуть боль и желание, но не удалось их удержать. — Наша жизнь была бы красивой! Без вреда! Дом с фруктовым садом, где цветут яблони, и лепестки осыпаются, как снег. Бабушка, Ларк, рынок и счастливые дети, а еще ты приходил бы ко мне по ночам.

— Эви... — его голос показывал и его страдания. — Ты говоришь о жизни, которой подошел бы я, а не Всадник. Этой жизни уже нет, это место тебе не подойдет.

— Все возможно, — прошептала я, расстроившись.

— Открой глаза, милая. Те дни не вернуть, других в эту картину не вписать силой.

— Нет! — прозвучало слишком громко. — Лорен сказал, что здесь он будет счастлив.

Никакой силы...

— Тебе все это кажется, Эви. Очнись. *Подумай*. Часть тебя знает, что что-то идет не так, и ты позвала меня, потому что хочешь правды.

Я рухнула на колени.

— Какой правды? — хрипло спросила я.

Райф улыбнулся той улыбкой, которую я, засыпая, представляла обращенной ко мне. Боль потери горела в груди, забирала дыхание и решимость. Он сказал:

— Знаешь, что мне в тебе нравится? Что тебе все интересно. Ты не просто смотрела на цветы яблони, ты хотела знать, почему они могут быть розовыми и белыми. И как это можно перенести на краски Сэмела Льюэна, — он пронизательно посмотрел на меня, на мои руки. — Сделай свой выбор. Я могу лишь предупредить, что ты видишь не то, что хотела бы, — он вытянул руку и почти коснулся пальцем моей ладони, но опустил и прошептал. — Куда делось твое любопытство, Эви Кэрю?

Я опустила взгляд на свои руки. Бледные и чистые, какими и должны быть.

— Любопытство привело к этому, — мрачно сказала я. — И я здесь, чтобы все исправить.

— Если любопытство тебя привело, то тоска заставит остаться.

«В чем твоя слабость, девочка? Они ударят, когда ты слаба...», — всплыло в голове.

— Тоска, Эви, — сказал Райф. — Разве не странно, что все, как в твоих мечтах? Красивая площадь, милые цветочки, невинные...

— А что в этом такого? — возмущилась я. — Среди этого кошмара и угроз не может быть райского уголка?

— И тебя не удивляет простота, с которой ты спасаешь Ларк?

Горький смешок. Сколько раз Лорен раз говорил подобное? Я вскинула пальцы в царапинах и крови.

— Простота? — это звучало странно, да и я только что видела руки чистыми.

Он покачал головой.

— Изменись, Эви. Верни свое любопытство. Спроси у Белого Целителя имя. Ты должна увидеть, — повторил Райф, торопя меня. — Ты должна *увидеть*.

Он протянул руку, и я тут же попыталась схватиться за нее, нуждаясь в нем так сильно. Бездонная боль, такую же испытывал амулет, ведь хотел домой. Я смотрела на Райфа и думала, смогу ли все сказать взглядом, ведь голос подводил. Но я должна была все сказать вслух. Меньшего он не заслуживал.

— Я любила тебя, — прошептала я. — Так сильно любила, но не сказала.

Он улыбнулся.

— Знаю.

А потом вернулась роща, надвинувшись, а Райф растворился во тьме.

Я сидела, рука устремлялась в пустоту, пока я не опустила ее.

Чего я не вижу, Райф? Чего я не вижу?

Я поняла, что не слышу пения птиц. Я думала, что тишину принесло видение Райфа, но тишина была и раньше. Я опустила взгляд, нервничая из-за этого, а потом подобрала косы и обернула платьем, чтобы не колоться. Я встала и вышла из роши.

Лорен ждал меня. Я бросилась в его объятия.

— Закончила? — шепнул он, уткнувшись в мои волосы. Я кивнула. Он поднял меня на Арро, залез следом и обхватил меня руками. Я обернулась на него и улыбнулась.

Сияло солнце, я сидела с любимым. Я держала в руках и ткани предметы для спасения близкого человека. Я не могла тревожиться.

Мы шли обратно, воздух был теплым. Я расслабилась. Арро, похоже, знал, куда идти, ведь Лорен едва держал поводья. Руки Лорена — сильные, умелые и загорелые.

И без кольца Райфа.

Я почти спала, но тут же ощутила укол любопытства. Глаза открылись шире, я пригляделась к его рукам. Они незащищено обхватывали меня. И не двигались вообще.

— Лорен? — я обернулась. — Где кольцо?

Он улыбнулся мне, глаза его были ярко-синими.

— Кольцо, — повторил он.

— Кожаное кольцо. Я тебе оставляла.

Он все еще улыбался.

— Все, как ты пожелаешь

Пожелаю?

— Лорен... — что-то было не так.

— Тише, любимая, — он поцеловал меня. — Мы скоро вернемся.

Так и было. Лорен остановил Арро у домика Целителя. Я спросила его, когда он помог мне спуститься со спины Арро:

— Ты здесь счастлив?

Лорен убрал с моего плеча прядь волос. Он склонился, чтобы снова поцеловать меня, теплый и близкий, такой настоящий.

— Я здесь, Эви, — прошептал он, улыбаясь мне. — Ты счастлива.

Да, но это не отменяло появления Райфа. Я вошла в домик с косами из ивы, а там все было таким же приторным: огонь в камине, Сальва со штопаньем в кресле. Кот сидел у камина и умывался. Я посмотрела налево, моя сумка висела у двери. Я ощутила аромат овсяного хлеба и курицы.

Белый Целитель стоял у стола с травами. Он поднял голову, когда я вошла, и посмотрел на сверток из платья.

— Ах, — он улыбнулся. — Ты сплела косы, умница. Неси сюда.

Умница. Я улыбнулась от повторенной похвалы. Я поспешила к нему, вытащила четыре косы из ивы из ткани и уронила их на стол в порошок. Белый Целитель посмотрел на них, а потом на меня.

— Ты легко их нашла?

— Да.

— Очень хорошо. Ничего не мешало?

Подозревал ли он, с кем я столкнулась и спорила? Я покачала головой. Мог ли он подослать магией Райфа? Не стоит ли мне признаться, что меня предупредили...

Предупредила. Я замерла, рука накрывала косы из ивы.

Белый Целитель тихо сказал:

— Времени мало. Теперь из них нужно сплести сумку. Сейчас, дорогуша, пока ива сильна.

Я подняла плетение. Руки дрожали, едва заметно тряслись. Я нервничала. Так Ларк вела себя в толпе...

Я стиснула зубы. Ларк. Я не буду отвлекаться.

— Покажи, — улыбнулся старик.

Плести было просто, косы ложились друг на друга. Из них получилась небольшая ткань, Белый Целитель сказал, как обернуть плетение, чтобы получилась маленькая сумочка.

— Как раз под твою ракушку, — прошептал, радуясь, Белый Целитель. — Листья болиголова и паслена вплетаем теперь. Яд закрепится и уничтожит яд, — он высыпал мне листья в ладони. Я прижала сухие кусочки к плетению, и желтая кора ивы стала черной. Мы добавили черные вкрапления из всех склянок.

— Вы говорили, что появятся цвета, — прошептала я. — Когда?

— Терпение. Все будет, — старик указал на сумку. — Принеси ракушку.

Увидеть. Я отогнала слово и взяла свою сумку. Полосатый кот закончил умываться и прошел мимо, мрачно взглянув на меня.

— Сюда, — Белый Целитель поманил меня. — Сюда. Мало времени. Положи ракушку в безопасное место.

Безопасность. Он так странно использовал слова, которые недавно использовала я. Я вытащила ракушку и поместила ее в мешочек из ивы.

И вот маленький амулет оказался среди исцеляющей ивы и черного яда.

— Отлично, — кивнул старик. На его лбу и висках проступил пот.

— Вам плохо? — спросила я.

— Сильная магия требует сосредоточенности, — прошептал он. — Сальва, — он позвал беловолосую женщину, не взглянув на нее. — Принеси ей кувшин.

Она скрипнула креслом за моей спиной, отодвинув его. Тихий шум казался громким. Кот резко мяукнул, я вздрогнула. Крючок для вязания Сальвы стукнул по полу. Она прошептала:

— Не беспокойтесь.

Белый Целитель развернулся и сказал:

— Мы почти закончили, дорогуша. Набери воды из колодца, — Сальва дала мне кувшин, и я вышла из домика, прошла Лорена, который улыбнулся мне и сказал:

— Я здесь.

Двое рыжеволосых детей играло у колодца, и они разбежались, когда я приблизилась. Странно, но я так и не поняла, мальчики это или девочки, а они исчезли до того, как я смогла понять. Я зачерпнула воду ведром, наполнила кувшин. На камни легла тень — облако проплыло по небу, первое облако за последнее долгое время. Я замерла и смотрела, поражаясь его скорости, ведь ветра не было, а потом женщина в фартуке цвета лютиков вышла из домика и помахала мне.

Опять. Одно и то же повторялось... Холодок пробежал по спине. Райф.

Я нахмурилась и поспешила в теплый домик.

— Вот, — я вошла и застыла.

Красивые белые стены потускнели, словно цвет у них отобрали. Но стол стал словно

больше и четче, дерево пропиталось ядом и пульсировало. Порошок уже не напоминал уголь, он был водоворотом цветов. И черные листья в склянках тоже пульсировали цветом.

А ракушка сияла белизной, что слепила. Вспышка света.

Старик улыбался.

— Видишь? Ты отлично постаралась.

Видишь. Опять это тревожное слово. Я не чувствовала радости, ведь вернулись слова Райфа: «Ты должна увидеть». Я оглядела комнату. Она все еще была уютной и знакомой: размер, мебель, старушка, старик и кот. Лорен снаружи. Все было на местах, все было чистым, целым и невредимым. Так хотел Целитель, нет, я. Красота, безопасность вдали от жестокости, проникшей в наш мир. О тех ужасах напоминала лишь моя изорванная сумка. Она была пустой и висела на моем плече. Мне вдруг стало больно. Ракушка ведь тоже не должна так ярко сиять.

Где же твоё любопытство, Эви Кэрю?

— А теперь последняя часть, дорогуша, — Белый Целитель указал на то, что я уже и забыла в своих руках. — Свежая вода. Очистит все. Полей ею ракушку.

Кот мяукал. Я посмотрела на кувшин и подняла на старика удивленный взгляд.

— Этим нельзя очистить. Вода очищает, когда она свободно течет сама.

Старик опешил.

— Вода из колодца отличается, — настаивал он. Я покачала головой, а он недовольно сказал. — Кто здесь опытный Целитель? Ты сомневаешься в моих знаниях?

— Но в колодце стоячая вода, а она не очищает. Каждый Целитель знает...

Он не дал мне закончить.

— Твои сомнения ослабят заклинание. Прелей воду на ракушку, пока не поздно, — он резко вдохнул. — Внимательнее! — он истекал потом, он ручьями лился по его вискам и каплями блестел на лбу.

— Вы волнуетесь, — прошептала я с любопытством. — Мои сомнения вас пугают.

— Это от усилий! — рявкнул он. — Я связываю заклинание для тебя! Твоей силы и решимости не хватит, чтобы его разжечь. Я трачу свои силы. И все сломается, если ты не поспешишь!

— Нет, — слово само сорвалось с губ. Комната вздрогнула.

Ты должна увидеть. Я слышала голос Райфа в ушах.

Белый Целитель уставился на меня.

— Ты не откажешься, Стражница.

Он впервые меня так назвал. От этого имени и тона я вздрогнула.

Имя. Я схватила кувшин крепче. В голове звенели слова Райфа: «Спроси у Белого Целителя его имя...»

Я подняла голову, посмотрела в глаза старику.

— Как вас зовут?

Голос мой не был сильным, но прогремел, словно раскат грома, вызывая ярость, которую я еще ни разу не видела.

— Ты осмелилась... — лицо Белого Целителя покраснело, глаза выкатились из орбит, рот скривился, словно пытался сдержать все, что вызывала эта простая просьба.

Я была потрясена. И сказала громче и смелее:

— Назовите свое имя!

Рот старика раскрылся шире, чем мог у людей, и раздался звук, низкий и глубокий,

потрясение сменилось ужасом. Имя! Непроизносимое, неразборчивое. Я такого еще не слышала, от него перехватило дыхание, словно зима забрала его и оставила холод. Имя отскакивало от стен, от пола, накатывало волной...

Миг тянулся вечность. Миг перед взрывом. Миг, когда я поняла, что старик был не тем, кем я думала.

Он был Призывателем.

Я не думала. Сработал инстинкт Целителя защищаться. Руки взлетели вверх. Кувшин вылетел из них и разбился о стол, выливая содержимое на него, на плетение, на ракушку.

И я понимала, какую ужасную ошибку совершила. Как ошиблась во всем.

25

Кот взвизгнул и вскочил на стол, Сальва потянулась за ним. А он впился когтями в деревянную поверхность, пока старушка пыталась его оттащить, и от царапин на столе вздымались искры. Все остальное на столе стало жидкой тьмой, но не кромешно черной, а водоворотом темных цветов, что смешивались и пытались пересечь и загладить эти светящиеся царапины. От ужасного имени появился смех. Низкий, похожий на рев смех. Что я наделала? Я пролила не чистую воду. Это вообще не было водой.

Я схватила ракушку и попыталась стереть с нее жидкость, но она уже затвердела, словно белая смола, но не на ракушке, а вокруг плетеного мешочка, сделав его маленькой гробницей. Я закричала...

Смех вдруг оборвался.

— Хватит! — приказал Белый Целитель. Он схватил меня за руку. Он впервые меня коснулся, и мы оба вскрикнули от того, как его отбросило. Его рука отлетела от моей, а я отъехала к столу и ухватилась за него. Он пытался ухватить меня за юбки, но кот встал на пути, шипя и царапаясь, старик завопил. — Не трогай! Не мешай заклинанию!

— Что вы наделали? — кричала я, отодвигаясь от него. — Что это? — я впила пальцами в вязкое покрытие стола, пытаюсь убрать его, но закричала от боли. Эта смола тянулась, смола от чего-то злого, пахло тисом, а еще...

«Ты должна увидеть», — говорил Райф. И я видела, глаза мои широко раскрылись. Все вокруг меня рассеивалось, словно дождь смывал грязь с камня. Только здесь вместо камня оставалась только мерзкая грязь. Милая комната и все в ней таяло на глазах.

Райф был прав. Я видела то, что хотела видеть, чего жаждала: мир, милый, как солнечный день в Мерит, и Белый Целитель, что мог бы все исправить. Маленький мир из моего воображения, словно из моего сознания тщательно выбрали картинки — красивые домики, машущую женщину, рыжеволосых детей, Сальву... все было соткано из воспоминаний. И все теперь становилось размытым, пока я стояла, вцепившись в стол. Я увидела свои руки, какими они были на самом деле — покрытыми волдырями и кровью. И я поняла, почему миньон рос под ивой. Я не учла это предупреждение. Я собрала ветви черной ивы. *Хукона*. Я срезала ветви самого опасного растения, сделала из них гнездышко. Я положила туда свой амулет, пролила смолу тиса, чтобы закрепить его там, запечатать ракушку в хуконе, и она разбилась бы, если бы я попыталась их разделить. Лорен предупреждал меня, что я могу уничтожить ракушку, не понимая этого, и теперь из-за меня стало намного хуже, а Белый Целитель...

Нет. Призыватель.

Я пыталась сломать кокон из хукона, а старик — пройти мимо кота. Я бы радовалась, что он не может мне помешать, но я безумно кричала:

— Лорен! Лорен!

Сначала раздался стук в дверь домика, а потом и дверь растаяла. Среди обломков дерева, как я и хотела, стоял Лорен с красивой улыбкой и синими ясными глазами, он повторял монотонно и зловеще:

— Я здесь, — а потом и он растворился.

Дыхание перехватило первым всхлипом. Райф был прав. Лорена здесь не было. Это был не он, а кукла, которую я поместила в эту мечту, и она повторяла то, что я хотела бы услышать. Слова о счастье и счастливом конце. Всадник такого не обещал. Я должна была увидеть. Но я не хотела этого видеть.

— Что вы со мной сделали? — завопила я на старика.

Но он кричал не тише меня, злясь, что я пытаюсь остановить заклинание, злясь, что не может пройти мимо царапающегося кота.

— Что я наделал? — кричал он. — На себя посмотри, Стражница! Это ты сделала по своей воле!

— Воле? — я застыла, потрясенная. Победа привела меня прямиком к Призывателям. Стоило мне из любопытства создать заклинание Проницательности, как все привело к этой подделке. *Любопытство... Они ударят, когда ты слаба.* Так и вышло.

Но я все еще могла бороться. У меня оставался инстинкт Целителя спасать.

Я зло сказала:

— Это еще не воля. *Вот* воля!

Я оторвала ядовитое месиво, прижала плетеный мешочек к груди, смола прилипла к моим пальцам, истерзанным хуконом. Я повернулась, остатки домика растаяли, открывая покрытые солью равнины, по которым я ходила днями — или часами. А, может, это были лишь минуты. И теперь больная фантазия, что скрывала всю тьму, стирала саму себя. Стены домика исчезли, как и площадь, и другие здания. Солнечный свет, что я вообразила, превратился в серый массив облаков, а я осталась с Призывателем, котом и Сальвой. Сальва встала, а ее стул растаял. Она пошла ко мне, опустив голову и говоря:

— Не беспокойтесь, госпожа... — и желтый чулок, который она штопала, сжался, напоминая змею, он извивался желтой мышцей, корчась в ее хватке. Я отступила. А Призыватель сзади проревел:

— Налгрут! — и голова Сальвы вскинулась, я впервые увидела ее глаза — блестящие и черные. А потом от старушки остались только глаза, остальное изменилось во что-то огромное и нечеловеческое. Призыватель назвал это Налгрутом, видимо, призвав так монстра. А он рос, уже возвышаясь надо мной, и я не могла определить его облик — огромное тело, кожа рептилии, черви высывались из открытого черепа. И эти кишацие черви превращались в дополнительную часть тела — щупальце.

Призыватель жестоко смеялся надо мной.

— Ты не остановишь то, что начала! Ты уничтожишь амулет!

— Нет! — отчаянно закричала я. — Нет! — кот прыгнул, завывая, и оказался у моих ног. Он юркнул между моих ног и помчался прочь без оглядки.

Я побежала за ним. Он должен быть моим союзником и показывать путь. Призыватель кричал, Налгрут ревел в ответ, он был огромным, и жар дыхания касался моей спины. Я бежала. Руки кололо, смола приклеила их к хукону. Я крутила предмет в руках, чтобы он не

прилип к коже окончательно, но и чтобы он не разбился.

— Стой! — вопила я коту. — Стой! — я упустила его из виду, рыжая вспышка пропала среди серой равнины и мрачного неба. Я споткнулась, рухнула на колени, видя, что и моя одежда, которую я считала чистой, была изношенной и рваной, от нее пахло костром, который разожгли жители Хейвера. Я поднялась, отлепила руки от плетеного гнездышка и побежала.

Я снова подумала, что Райф был прав. Желание удерживало меня в этом видении, оно же и положило всему конец. Провидец говорил мне быть осторожнее с желаниями. Меня предупреждали с самого начала.

Я смеялась над собой, и звук этот пугал. Если Харкер предупреждал меня, он и затеял это, нашел меня у воды, заманил меня Белым Целителем, заставил ошибиться, оставить своего спутника, усыпив его. Как же глупо. Какая я глупая!

Впереди было море. Я слышала его, море бушевало и злилось. Надо мной тучи темными грозовыми массами двигались, а ветер выл, закрывая мне лицо моими волосами, на которых засохла соль. От соли было больно, но это отвлекало от ужасной боли, что жгла ладони. Я стиснула зубы, застонала от всего этого, но бежала по серому. Позади меня ревел Налгрут, и от этого содрогался песок.

Вот! Из равнины выступал камень, на который я взбиралась раньше. И кот ждал там — крошечная вспышка света на выступе камня.

— Ты! — позвала его я. — Куда мне идти?

В ответ он запрыгнул выше и полез по камню. Я принялась взбираться следом, удерживая липкое гнездышко, после каждого шага меняя для этого руку. Я была слишком медленной. Налгрут громко взревел, дыхание обжигало, а я не знала, был ли монстр за моей спиной или надо мной, ждущий, чтобы проглотить меня. *Не думай, Эви. Не думай ни о чем. Просто лезь.*

Выступы перешли в гладкие камни. Я остановилась на одном из них на миг, тяжело дыша, и попыталась разглядеть среди густеющей смолы ракушку. Я вспомнила о сумке, подняла ее на колени и положила гнездышко в ткань, думая, что это защитит от хукона. Но смола прожгла ткань с шипением и вонью тиса. Я затушила искры, пока не занялся огонь, и замерла. Среди пепла на коленях оказалось перо жаворонка. Я подняла его, смеясь, и сунула в гнездышко...

Надежды на то, что перышко остановит заклинание, почти не было. Вспышка огня, как тогда, когда когти кота коснулись стола, и перо пропало. Мой смех оборвался. Я проигрывала, а в голове зазвучал вопль Призывателя:

— Ты не сбежишь!

Я вздрогнула, спрятавшись в щель между камнями, пока все небо грохотало вместе с хохотом Призывателя:

— Амулет закончен!

Я пугалась редко, но теперь была в ужасе, в ужасе из-за того, что натворила, из-за того, что он мог говорить правду.

Нет. Нет. Нет. Я оттолкнула страх, отказываясь принимать такой конец, борясь. Нет. Я развернулась и полезла по камням, царапаясь, едва ли поднимаясь выше. Ветер угрожал сбросить меня. Налгрут снова взревел, ветер выл. Но за всем этим, клянусь, я слышала, как кто-то зовет меня по имени, как ветер доносит его до меня. Нет. Всхлипы терзали легкие, а, может, я просто не могла дышать, и у меня забрали воздух. Тучи чернели и увеличивались...

Но, хоть и надвигалась буря, дождя не было.

Я добралась до вершины утеса, отцепила руки от гнездышка. На миг мне показалось, что ветер утих, словно удивился, что я все-таки залезла наверх. Я видела бушующее море, равнины с солью с одной стороны и разрушенный Хейвер с другой. Там среди камней жители собрались вместе и кричали, готовясь к буре. Я поежилась, глядя на них, помня их осуждение, помня, что из-за их деревни я представила тот райский уголок, и что мое воображение оказалось хуже, чем то, что сделали со мной они. Я повернулась к небу, молнии сверкали серебром по черному, грохот грома заглушил рев Налгрута. И мне вдруг стало жаль жителей деревни. Они не понимали, что происходит вокруг них, что Хаос проникает в наш мир. Они думали, что их наказывают, что тучи над головами могут заставить волны забрать их жизни, а дождя так и не пойдет. Сколько бы не было жертв, эта мольба лишь увлекала их в хаос.

Я вдохнула, понимая, что помогла им погрузиться в него еще глубже.

Дождь никогда не пойдет.

Голос прогудел снова, и я пригнулась, ветер подул сильнее, грозя сбить меня с ног.

— Ты не получишь амулет! — прокричала я.

Жалкие попытки защититься перед чем-то настолько огромным. Я перебрасывала гнездышко из руки в руку, словно амулета не было и у меня. В ответ от гула содрогнулся утес, содрогнулась земля. Жители Хейвера выли от ужаса.

Я пошатывалась на краю, выдающемся в море. Волны бушевали, разбиваясь о камни с яростью, поднимая брызги на вершину.

— Эви!

Слабый крик было едва слышно за ревом ветра и волн. Это мое воображение. Но он повторился:

— Эви! Стой!

Я развернулась, ветер выбивал пряди волос из косы, безжалостно растрепывая ее. Я убрала волосы с глаз, потрясенно глядя на того, кто лез по камням. Это снова воображение.
Лорен.

— Нет! — закричала я. — Прочь!

— Эви! — он задыхался, одной рукой держался за ребра, другой — за меч. — Эви, назад!

— Прочь! — вопила я. — Ты не настоящий!

Лорен сделал шаг ближе.

— Эви, я здесь. Это я, — я не видела его лица, небо потемнело, а он был слишком далеко, но его тон взволновал меня. Он боролся с ветром всем телом, пошатываясь.

Рев стал громче, чудовище добралось до камней.

Я застыла. Это не воображаемый идеальный Лорен, растаявший у меня на глазах. Он устал, ему было больно, а одежда была изорвана. От этого он был еще красивее, но...

— Назад! — закричала я.

Всадник остановился.

— Эви...

— Скажи мне что-то, чего я не знаю! — умоляла я его. — Скажи мне это! — так ведь будет понятно, что я не выдумала его, да? Это он не найдет в моей памяти.

— Белый дуб! — прокричал он. — Ты хотела знать, что исцелило рану на моем виске! Это был белый дуб!

Комок в горле отступил, я всхлипнула. Может, он услышал. Лорен приблизился на шаг. Где-то позади по камням лез Налгрут. Я должна двигаться. Должна бежать...

— Кольцо, — выдавила я. — Где кольцо?

Лорен вскинул руку.

— Здесь, Эви, — плетеное кожаное кольцо было на его мизинце, где я и оставила его. Еще шаг ко мне, еще, и он сказал еще кое-что, чего я не знала. — Ты — единственная, кого я полюбил, и кого буду любить.

Я опустилась на камни. Ветер трепал одежду и волосы, соль царапала щеки. Все равно. Я плакала от радости и облегчения.

— Ты нашел меня, — выдохнула я. — Нашел, — я потянулась к нему. Я слышала, как он бежит.

Радость была недолгой. Я посмотрела на ужас в своей руке, ужас, что вцепился в меня. Я забыла про это гнездышко. Смола прилипла к ладоням, поглотив их в ядовитую массу, приклеив мои пальцы к царапающим ветвям хукона, а внутри была маленькая ракушка. Она умирала, меня медленно заставляли разрушить амулет. Смола затвердела, как камень, и трещины в стекле цвета сажи остались лишь там, куда я цепляла перо жаворонка.

— Эви! Что такое?

Я подняла руки, показывая Лорену. Он замедлился, понимая, что я держу. А я, как попрошайка, молила, протягивала руки, скованные смолой, отчаянно пытаюсь разделить их. Если я буду бороться и растягивать смолу, я замедлю конец. Но вечно я не продержусь.

— Ты должен убить меня, — прохрипела я. — Убей меня, пока я его не уничтожила.

Лорен застыл на месте. Его голос был ужасным:

— Нет.

— Ты должен! Это единственный способ!

Он покачал головой.

— Нет, Эви. Ты должна это остановить.

— Не могу! — прокричала я. — Все почти кончено! — я боролась, растягивала смолу. Руки уже болели.

— Нет! — ответил он криком. — Ты *должна*, — и яростнее. — Я не отпущу тебя.

Крик, ужасающий рев. Я вскинула голову и вскочила на ноги. Налгрут взобрался на вершину и выпрямился, оказавшись еще больше. Лорен обернулся, поднял меч и помчался к ногам монстра, ведь только там он мог бы избежать смертельного удара. Кот вернулся, прыгнул на чудовище, направляясь к его горлу. Я кричала. Ничего не выйдет. Налгрут убьет Лорена, а я уничтожу ракушку.

Я вспомнила вопль Ларк, когда она заметила меня в небе над Тарнеком.

Что ты наделала?

— Что ты наделала?

Призыватель. Он стоял передо мной, с жестокой ухмылкой передразнивая мою мысль.

— Пощадите Всадника! — завопила я. — Пощадите его!

Призыватель лишь рассмеялся, понимая, что выиграл, а я ненавидела его за это. Я не думала, а бросилась на него, сбивая старика на камни. Но я согнулась пополам, от жестоких действий меня стошнило. Никакого вреда. От этого мне было плохо, но я все еще злилась.

На моих испуганных глазах Призыватель поднялся, смеясь.

— Тебе это не остановить.

Нет. И я громко и с яростью заявила:

— Я это сделаю! — я быстро поняла, что могу сделать, что могло остановить беду. Я развернулась и пошла к краю утеса, борясь с ветром.

— Стой! — закричал Призыватель. Его приказ заставил и Налгрута замереть. Лорен опустился на колени, тяжело дыша.

— Пощадите Всадника! — крикнула я Призывателю. Я пятилась, опасно пошатываясь. — Пощадите его!

Призыватель завопил:

— Стой!

— Покажите! Пусть Налгрут идет ко мне!

Призыватель замешкался, а я подошла к краю, пошатываясь с каждым порывом ветра.

Что-то кричали, ревел Налгрут, повернувшийся ко мне. Еще шаг, и еще один. Камни дрожали подо мной.

— Беги. Лорен! Беги! — закричала я Всаднику. Но Лорен встал на ноги и крикнул:

— Нет, Эви! Не надо! Останься! — он не бросит меня.

— Разбей ракушку, — приказал Призыватель. — Сдавайся!

Я покачала головой. Я едва могла говорить, горло сдавило, тело содрогалось. Смола до боли обхватывала мои руки.

— Разбей! И я спасу твоего Всадника! — завизжал он, а я покачала головой. — Придет другой Призыватель, другой монстр. Тебе это не остановить. Так будет всегда!

Всегда. Противостояние Равновесия и Хаоса было бесконечным. Я посмотрела на Призывателя, все понимая.

— Знаю, — сказала я. — Это наше бремя.

— Эви, прошу! — крикнул Лорен в отчаянии, пробиваясь вперед. — Не делай этого! Не надо!

— Всадник, — позвала я. — Я люблю тебя, — мой голос дрогнул. Я попыталась громче. — Я люблю тебя! — слова поглотили всхлипы, и я поняла, что на щеки не летят брызги моря, это слезы. Я никогда не плакала, но теперь рыдала, страдая из-за того, что потеряла, и того, что нашла, из-за всей красоты, что была, и что осталась среди тьмы. — Прости!

Последние слова Лорен не услышал, он добрался до Призывателя и вонзил в него меч. Смех Призывателя оборвался, превратившись в вопль. Налгрут замахнулся страшным щупальцем, отбросив Всадника, как тряпичную куклу. Я закричала, думая, что Лорен разобьется, но он уцепился за камни, вылез и встал на ноги, преодолевая боль, отказываясь сдаваться... Налгрут повернулся ко мне.

Я кричала от радости, что Всадник выжил, смеялась сквозь слезы. Я посмотрела на монстра и сузила глаза:

— Тебя я заберу с собой, — процедила я, существо шло ко мне, огромное и ужасное. Я закрыла глаза.

«Проси помощи», — говорили Морские Карги.

Я подняла руки над головой, чтобы приманить чудовище, ракушка в смоле была между ладоней, я шагнула назад, сделала еще один шаг.

— Помогите, — шептала я. — Помогите.

Ветер окружил мои руки. Ракушка дрожала, ветер проникал в щели, оставшиеся от перышка жаворонка, добирался до нее.

Она отзывалась.

Глубокий чистый звук заставил смолу задрожать. Все замерло и слушало. Миг тишины, а потом Налгрут взревел от боли и прыгнул на меня. Миг тишины, и я шагнула назад, в пустоту к ветру, и Лорен закричал:

— Эви, нет!

Моя накидка хлопала, словно крыло синей птицы. Чудовище было в воздухе, оно камнем упало в воду. И сгорело, едва вода коснулась его, поглотив с шипением и брызгами. Лорен бежал и выкрикивал мое имя...

Но это не имело значения. Меня уносило ветром, я свободно падала в объятия моря и думала: «Песня ракушки».

И тут тучи в небе ответили на эту песню, загрохотав...

И тут упали первые капли дождя.

Эпилог:

Слезы. Дождь. Море. Одно сливалось с другим. Вкус был одинаковым.

Я была теплой и невесомой. Я в безопасности.

Наверху в сине-сером тумане стояла на вершине утеса фигура. Он замер на краю и упал на колени. Он тянулся вниз. Волны бушевали, разбиваясь у его пальцев. Они могли забрать его, если он наклонится чуть ниже.

Он выпрямился, борясь с собой. Он хотел прыгнуть, упасть. Чтобы спасти.... Или умереть.

Я просила его не делать этого. Смотрела, как он борется.

Я не боролась.

* * *

Синее и бирюзовое море, синее небо и холодный свет. Они окружали и мерцали. Подо мной серебрился белый песок. Я не тонула, на меня не давила вода, я была внутри пузырька посреди бесконечной синевы. Одинокая капля в океане... замерла.

Вода очищала и хранила тайны.

Она очистила меня, оставила мне ясный взгляд и понимание. Я не проиграла. Любопытство и тяга к познанию, спутанная судьба ничего не изменили, если все ошибки вели меня сюда, я оказалась здесь. Маленькая победа среди потока страха. Не было бы песни ракушки, если бы не Призыватель, яд и перо, что я подобрала по пути. Если бы не любопытство. Даже ошибки давали шанс выбора, возможность. Они были моими, мне их и исправлять.

И я исцеляла. Эта сила всегда была в моих руках, и когда я перестала сопротивляться и приняла яд, энергия полилась к тису и хукону. Она согревала и спасала. Пальцы понемногу могли шевелиться, смола таяла. Появилась маленькая ракушка, и все ее изгибы и жемчужная поверхность внутри были такими же, как в тот миг, когда я ее только нашла. Еще одна победа.

Но, освободившись, ракушка исчезла, ее унесло морем. Я не знала, куда. Море сохранит ее секрет. Не знаю, как долго.

Не мне это знать. Я лишь попросила помощи.

* * *

Вода была бесстрастной, но мне показалось, что ко мне она отнеслась добрее, предложила мне надежду и шанс. И слова пришли ко мне, словно колыбельная, принесенная

ПОТОКОМ:

На глубине без света стит

Воршика, что в небо поднял двоих.

Книги нет, связи нет, темный город горит.

Крылом и смиреньем можно деу спасти.

Я укуталась в свою накидку, тонула и ждала, спала и в этот раз видела сны.

* * *

Где-то наверху лил дождь, он поил землю. Где-то наверху Третэ не давала Ларк уйти во тьму, и все в замке Тарнек ждали королеву. Где-то наверху провидец искал свои книги, пробуждалась Стражница. Надеюсь. Тогда есть причина бороться.

И... где-то наверху Лорен звал меня. Я чувствовала сердцем, костями. Душой. Он не отпустит. Не отпущу и я. И это не надежда. Это правда.

— Любовь не может умереть, Лорен, — прошептала я свое обещание. — Не может.

Нет. Не умрет.

Благодарности:

Порой я хожу по тропе, что ведет к болоту, где камыши растут так высоко, что за ними ничего не видно. Недавно камыши срезали. Наверное, чтобы открыть вид. Но мне не хватает их таинственности. Они вдохновили меня на эту историю.

Вдохновение появляется само, а остальные поддерживают его, и я им очень благодарна: прекрасному редактору Диане Ландольф, чей мягкий голос и зоркий глаз помогли все улучшить; невероятного агента Дженни Белт, чья вера поражает; и авторам из моей группы — Татьяне Бонкомпаньи, Мелани Маррей Даунинг и Лорен Липтон, которые выражали честные мнения и поддерживали дружбой на пути; а также моему мужу, который всегда готов прочитать и успокоить.

Спасибо художнице Марчеле Боливар за невероятно прекрасные обложки для серии «Стражей Тарнека» и арт-директору Николь де ла Эрас за ее старания в воплощении этого красивого дизайна.

А еще благодарю, конечно же, Джонатана, Кристофера и Джереми, наполняющих мой уголок для писательства юмором, терпением и энтузиазмом, хоть я и скрежещу в это время зубами. Вы — любовь всей моей жизни.

Бонус:

Неопубликованный пролог «Расцвета Ларк»

Ни взрыва. Ни дрожи стен, ни ослепляющего света. Ни лязга мечей и проявления силы. Только вино на губах...

И королева упала.

И снова крики, проявления страха и отчаяния. Зал, полный людей, охватило безумие — шум и цвет смешались в единое, все хотели помочь, разделить боль трагедии — все... Кроме двоих.

Он застыл от потрясения, едва дыша, глаза смотрели на пустое место за столом. И она еще была там. Незнакомка, которую он пригласил. Она не сидела, как было до этого, когда она притворялась милой, но стояла чуть поодаль, в тени, куда не доставал свет свечей. И улыбалась ему. Странно, но он думал, что у нее красивая улыбка. Теперь она сверкала,

расширилась, показывая пустоту внутри. Она была воровкой, она таяла во тьме, а улыбка исчезала медленнее, она насмеялась над его слабостью, ужасной ошибкой. И он смотрел, не в силах пошевелиться, помочь, остановить кошмар. А потом король повернулся к залу и с печалью сказал:

— Амулеты пропали. Равновесие пошатнулось, — лица в слезах начали шептать слова с надеждой:

— Стражницы, Стражницы, Стражницы, — а он не мог пошевелиться.

Он проклинал их.

Больше книг на сайте — Knigolub.net